

ISSN 0012-6756



# **Дружба народов**

**12/2025**



## **В номере:**

### **Групповой портрет на фоне войны**

Москва. Семья коренных москвичей: отец — выпускник МАИ, предприниматель и инженер, мама — телеведущая, а сын учится в престижном авиационном колледже в Лондоне. И вот наступает февраль 2022 года. Штормовые месяцы и годы изменили, раскидали всех без исключения — и каждый обрёл новую судьбу. И страшную, и счастливую, и снова страшную. Роман Арсения ГОНЧУКОВА «2022» охватывает три последних года — и для героев истории, и для читателей в равной степени непредсказуемых, решающих, судьбоносных.

### **«...веруй, жизни этой житель»**

Цикл Сухбата АФЛАТУНИ «Новый Тропарий» посвящен декабрьским православным праздникам и святым, среди них апостол Андрей Первозванный, который ходит по Руси: «что-то увидел Андрей Первозванный/в земле этой —/ходит и крестит её».

Яркие, харизматичные стихи Ивана КОНОВАЛОВА — о вечной теме жизни и смерти: «Ни в чём, ни в чём она не пара смерти!»

Лирика будней, осмысление прожитого с ностальгическим обращением к детству, матери, дому и родине — в подборках «От пункта А до пункта Б» Алексея ГЛУХОВСКОГО и «Ожидание солнца» Аркадия ГОНТОВСКОГО.

### **Константин Ваншенкин 100+**

Мемуарное эссе Александра ВАСЬКИНА «Он не умел дружить с начальством» приурочено к юбилею поэта-фронтовика Константина Ваншенкина, автора многочисленных книг стихов и популярных песен — среди них песня, которую знают в нашей стране, пожалуй, все: «Я люблю тебя, жизнь». Васькин пишет и о друзьях Ваншенкина — Евгении Винокурове, Андрее Туркове, Яне Френкеле...

### **Бенефис**

В очередном выпуске рубрики non-fiction Pro Александр ЧАНЦЕВ, знакомя с размышлениями Джеймса Фрэзера «о магии, религии, интуитивном познании и стремлении к бессмертию» и с «двумя необычными швейцарцами: врачом Адриенн фон Шпайр и издателем Титусом Буркхардтом (первая была новой святой, второй — суфием и традиционалистом)», подчёркивает, что рассказ о них проявляет, объединяет и финализирует темы, о которых он говорил в своей рубрике все эти годы.

Тексты, публиковавшиеся в «ДН», вошли в новую книгу Александра Чанцева «В какой-то детской стране: На линии времени». В этом номере её «читают вместе» критики Кирилл ЯМЩИКОВ: «Чанцев формирует дополнительную глубину, канал связи между исходным, рецензируемым текстом, и своим же о нём представлением, то есть — создаёт ясный сюжетный ландшафт», — и Ольга БАЛЛА: «Что бы ни вкладывал сам Чанцев в понятие “детской страны”... можно предположить: границы её неопределимы (и, по всей вероятности, изменчивы), но одной из этих границ она несомненно соприкасается с небом».

# Дружба народов



**Независимый  
литературно-художественный  
и общественно-политический журнал**

**12'2025**

**Основан  
в марте 1939 года**

## **Редакционная коллегия**

Адрес редакции:  
117218, Москва,  
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,  
журнал «Дружба народов»  
Телефон (многоканальный):  
8-499-519-02-12

**E-mail: dn52@mail.ru,  
Сайт журнала:  
<http://дружбанародов.com>**

Юридическая поддержка:  
Congress Consulting.  
Свидетельство о регистрации  
№ 73 от 14.09.1990 г.  
в Министерстве печати  
и массовой информации РСФСР.  
Свидетельство о регистрации  
товарного знака № 288681.  
Зарегистрировано в  
Государственном реестре  
товарных знаков и знаков  
обслуживания РФ  
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика  
в АО «Первая образцовая типография»,  
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;  
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Редакция не имеет возможности  
рецензировать и возвращать  
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического  
брака в экземплярах журнала  
обращаться в типографию, указанную  
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов  
ссылка на журнал «Дружба народов»  
обязательна.**

Сдано в набор 20.10.2025.  
Подписано в печать 20.11.2025.  
Выход в свет 20.12.2025.  
Формат бумаги 70 x 108 1/16  
Печать офсетная.  
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.  
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.  
Заказ . Цена свободная.

Главный редактор Сергей  
НАДЕЕВ  
Леонид  
БАХНОВ  
Ирина  
ДОРОНИНА

Ответственный секретарь Елена  
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья  
ИГРУНОВА

Галина  
КЛИМОВА  
Владимир  
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр  
СНЕГИРЕВ

## **Редакционный совет**

Мария  
АНУФРИЕВА  
Сухбат  
АФЛАТУНИ  
Муса  
АХМАДОВ  
Ольга  
БАЛЛА  
Денис  
ГУЦКО  
Вадим  
МЕСЯЦ  
Фарид  
НАГИМ  
Илья  
ОДЕГОВ  
Валерия  
ПУСТОВАЯ  
Ренат  
ХАРИС  
Александр  
ЧАНЦЕВ





## СОДЕРЖАНИЕ

### ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

|                                                                        |     |
|------------------------------------------------------------------------|-----|
| Иван КОНОВАЛОВ. Жизни этой житель. Стихи .....                         | 3   |
| Арсений ГОНЧУКОВ. 2022. Роман .....                                    | 6   |
| Сухбат АФЛАТУНИ. Декабрьские святые. Из «Нового Тропария». Стихи ..... | 78  |
| Сергей МОРЕЙНО. Гензели и гретели. Рассказы .....                      | 83  |
| Алексей ГЛУХОВСКИЙ. От пункта А до пункта Б. Стихи .....               | 127 |
| Сати ОВАКИМЯН. Махаон. Повесть .....                                   | 130 |
| Ирина КАРЕНИНА. Дурочка из ребра. Стихи .....                          | 160 |
| Аркадий ГОНТОВСКИЙ. Ожидание солнца. Стихи .....                       | 163 |
| Евфросиния КАПУСТИНА. Как у всех. Рассказы .....                       | 165 |
| Александр ВЕРГЕЛИС. Прорубь. Рассказ .....                             | 186 |
| Антон ВАСЕЦКИЙ. Ничего нечаянного нет. Стихи .....                     | 191 |

### МАЛЕНЬКИМ КАРАНДАШОМ

|                                                 |     |
|-------------------------------------------------|-----|
| Антон ХЛЕБИН. Фальшивые картинки. Рассказ ..... | 194 |
|-------------------------------------------------|-----|

### КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН 100+

|                                                           |     |
|-----------------------------------------------------------|-----|
| Александр ВАСЬКИН. Он не умел дружить с начальством ..... | 200 |
|-----------------------------------------------------------|-----|

### ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

|                                                                     |     |
|---------------------------------------------------------------------|-----|
| Евгений АБДУЛЛАЕВ. Августовский Толстой, сентябрьский Волошин ..... | 210 |
|---------------------------------------------------------------------|-----|

### NON-FICTION PRO

|                                                                                                                                                                                                                                                                                 |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Александр ЧАНЦЕВ. Путь к Беатриче (Джеймс Фрэзер. «Человек, Бог и бессмертие: размышления о развитии человечества»;<br>Ганс Урс фон Бальтазар. «Первый взгляд на Адриенн фон Шпайр»;<br>Титус Буркхардт. «Зеркало ума: эссе о традиционной науке и сакральном искусстве») ..... | 214 |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

### ЧИТАЕМ ВМЕСТЕ

|                                                                                                                                             |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Неочевидные связи на линии времени. Ольга БАЛЛА и Кирилл ЯМЩИКОВ<br>размышляют о книге Александра Чанцева «В какой-то детской стране» ..... | 230 |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

### КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

|                                                                                                                               |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Ольга ДЕВШ. Вся любовь (Л.Юзефович. «Мемуар: Стихи и переводы») .....                                                         | 238 |
| Вера КАЛМЫКОВА. Один маленький книжный магазин...<br>(М.Закрученко. «Bookship. Последний книжный магазин во Вселенной») ..... | 241 |
| Ольга ГЕРТМАН. «Вечность торчит повсюду, как ржавый гвоздь»<br>(Н.Полякова. «Переплывающая лето») .....                       | 245 |

### ПРАВИЛА ИГРЫ

|                                           |     |
|-------------------------------------------|-----|
| Борис МИНАЕВ. Там, где мама молодая ..... | 250 |
|-------------------------------------------|-----|

|                                                       |     |
|-------------------------------------------------------|-----|
| СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДРУЖБА НАРОДОВ» ЗА 2025 ГОД ..... | 254 |
|-------------------------------------------------------|-----|

|               |     |
|---------------|-----|
| SUMMARY ..... | 272 |
|---------------|-----|

*Иван Коновалов*

## Жизни этой житель

\* \* \*

Ни в чём, ни в чём она не пара смерти,  
жизнь — это адрес друга на конверте,  
по дому хлопоты, готовка, переезд,  
равно как и насиживание мест;

бесплодные попытки делать дело  
от первоклашки со скрипучим мелом  
и до того, кем довелось дойти  
к расцвету жизни, к тридцати пяти.

Воображения бумажные драконы —  
их местообитания — балконы,  
кладовки, антресоли, никогда  
их давшего не презирай труда.

Музей попыток, замыслов архив,  
через года — с собою захватив.  
Не отрекайся, но веди вперёд  
души своей кочующий народ.

\* \* \*

Не осуждай меня, как будто  
я знал об этом наперёд.  
Я обманулся. Ночь умрёт,  
на смену ей настанет утро,

вот так: и ни о чём другом  
наверняка мы знать не можем,  
но неуверенности множим,  
твердя, как зыбко всё кругом.

---

*Коновалов Иван Ильич* — поэт. Родился в 1988 году в г. Ярославле. Окончил математический факультет Ярославского государственного университета. Работает программистом. Стихи печатались в журналах «Звезда», «Знамя», «Москва», «Дружба народов». Автор поэтических сборников «Предвиденный огонь» (Ярославль, 2018) и «Белая мгла» (М., 2022). Живёт в Санкт-Петербурге.

Нет, веруй, жизни этой житель,  
что куст, зимующий во сне,  
цветочной пеной по весне  
взорвётся, как огнетушитель.

Что реки разломают лёд  
и что в простылый дом хозяин,  
соседской сворою облаян,  
как розжиг для костра, войдёт.

Что будут галки бестолково  
растить галчат. Что как-нибудь  
и мы проложим торный путь,  
а молодёжь свернёт на новый.

Что ошибаться суждено  
любому, и на этом свете  
мы — заигравшиеся дети,  
когда на улице темно.

\* \* \*

Со мною млело слово, Млечный путь,  
разбрызганный по небу, высветлялся  
ещё далёким солнцем. Птицелова  
силки вязали дивных певчих птиц:  
ловя их плоть, не мог поймать их суть,  
так душ не снять изображенью лиц,  
и на горбу чужом так в рай не въехать,  
нажива и обман тому помеха.  
Отринь их, что останется? Пуста  
душа, но в ней трещит светило,  
и блеском обжигает пустота  
(поленьев треском в пламенном костре),  
смотри — в нём очищающая сила,  
огонь кленовых листьев в октябре.

И вот тогда, с сожжёнными глазами,  
иди сюда, иди вослед за нами.

\* \* \*

Он ехал, на нос нацепив очки,  
читал бумажной Библии твердыню,  
его жена везла в авоське дыню,  
сын спал, во сне сжимая кулачки.

А он читал, и рисовал ему  
тысячеустый пламенный художник  
то жертвенный языческий треножник,  
то роды посреди зимы, в хлеву.

Рассказчик этот разом походил  
на брошенный пиджак и зажигалку:  
искрится, шепеляв, помят, и галка  
глядит с плеча; он бормотал, кадил,

горячечно шептал и пел, но хор —  
хор втиснулся в вагон метро и ехал,  
колёс переговаривалось эхо,  
хор тихо пел, но слышался укор.

Что за укор, — понятно не вполне,  
но отмахнуться было невозможно,  
и перья, будто вколоты подкожно,  
топорщились на согнутой спине.

Повсюду перья: ангельских чинов  
без счёта созывало это пенье,  
страницы говорили о терпенье,  
но скрежетало крошево основ.

Мир распадался, рушился вагон,  
тьма, бестолково смешана со светом,  
неслась навстречу, пение при этом  
всё нарастало — и со всех сторон.

— Выходим, зачитался, — подхватив  
ребёнка с дыней, позвала супруга.  
Его душа испуганно-упруго  
вернулась к телу, села супротив,

как в сумраке окна немой двойник.  
Он снял очки и сунул их в нагрудный  
карман рубашки. Было очень трудно  
вставать: он будто приоткрыл тайник,

захлопнув тут же, и, лишённый сил,  
он с неохотой возвратился к жизни.  
Хор тихо пел, уже без укоризны,  
юродивый истошно голосил.

*Арсений Гончуков*

2022

*Роман*

Он падал, падал мучительно, долго, тягуче. Скорость размазывала тело по траектории падения, сминая лицо, забивая горло плотной субстанцией воздуха так, что не слышно было и крика... Он падал. Выступивший от страха пот тут же выветривался. И вдруг — голос, вскрик! Снаружи! Полёт сразу оборвался. Удар, хлопок. Тело врезалось в землю.

— Что такое?! — захрипел Антон Васильев, разбуженный от неприятного, но захватывающего кошмара.

— Настя, что случилось?! — повторил он.

Антон терпеть не мог, когда его будили.

— Что, опять?

Нервы жены были ни к чёрту.

— Настя, блин!

Он встал, вышел в зал. Она стояла перед телевизором. Её глаза казались больше экрана.

Он попытался посмотреть, что происходит, но она мешала ему, заслоняла. Антон прислушался.

Всё понятно. Ясно. Отлично. Ну вот и приплыли. Опять эпоха перемен. Мать твою. Этого ещё не хватало... Вот так февраль! Сегодня какое? Двадцать четвёртое... Ага. Отметили День защитника Отечества!

— А?! — вскрикнула Настя и обернулась к нему.

Её заплаканные глаза казались прозрачными. Красивое лицо было тонким и тёмным на контровом свете окна, где рождался тяжёлый февральский день. Острый, изящно выдающийся вперёд подбородок, взъерошенные волосы.

---

*Гончуков Арсений Михайлович* — прозаик, поэт, режиссёр-постановщик, продюсер. Родился в Нижнем Новгороде в 1979 году. Окончил университет по специальности «филология» и Московскую школу нового кино. Лауреат, обладатель наград российских и международных кинофестивалей. Автор книг, в том числе поэтического сборника «Отчаянное рождество» (2006) и романа в новеллах «Доказательство человека» (2023). Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2025, № 9.

Журнальная версия.

В Антоне шевельнулось чувство — он захотел взять её прямо здесь, на полу. Задрать ночнушку, вдохнуть её сонное тёплое тело.

— Настя! Ложись! — рявкнул он, перекрикивая телевизор, и отправился досыпать.

В голове стремительно, как в центрифуге, раскручивались мысли. Распрямлялись, щёлкали, разлетались, как шайбы из-под сорванных давлением гаек...

Раннее утро. Телевизор. Обращение. Что это напоминает? Новый год? Хотелось смеяться.

Телевизор. Зачем она его включила?

Специальная военная операция. Так, кажется, это называется, да?

Но при чём тут они?!

На него навалилось сразу столько, что он отключился и проспал ещё три часа. В притихшей, словно вымершей квартире.

Наступило лето. Антон Васильев смотрел на жену, лежащую на боку на ковре в центре комнаты, подобрав ноги, пытаясь укрыть белые бёдра халатиком, всхлипывала и смешно подвывала. Он думал, что со стороны — войди сюда вдруг человек — могло показаться, что он её избил. Иногда, в далёких невероятных фантазиях, ему этого хотелось. Чисто теоретически. Не всерьёз. Если бы они были в фильме.

В фильме Тарковского. Там тоже, помнится, женщина с голыми ногами лежала на полу и выла.

Васильев не знал, сидеть ему в кресле, встать или лечь рядом с ней. В который раз за последние месяцы он растерялся в собственном доме. Да что за жизнь пошла!

Она испустила тонкий звук. Как будто она дельфин.

«Красивый ковёр, — думал Васильев. — И как некрасиво она хнычет. У неё гладкие белые бёдра, никакой дряблости. Ей повезло с кожей».

Несколько минут назад Настя рыдала, кричала, это выглядело отвратительно. Заплаканное лицо перекошилось, раздражённая кожа вокруг губ покраснела, глаза словно залило соусом слёз, взгляд метался, дурной, мутный.

Антон с трудом выдерживал слёзы женщин. Просто ненавидел, когда они плакали: его начинало трясти. Тем более когда он не виноват и ничего не может исправить.

— Зачем ты себя истязает? — спросил он, втискиваясь в кресло и, как ребёнок, поджимая под себя ноги. — Чего ты этим добьёшься?

— Да иди ты к чёрту! И ты тоже! И ты! Да! Все вы... мужики... гады. Если бы женщины управляли миром, ничего бы этого не было!

Мгновение спустя Настя вскочила, бросилась к окну, повисла на шторе. Та с хрустом оторвалась, дорогая, красивая.

Васильеву казалось, что их дом разрушается, трещит по швам, разваливается на части.

На днях Настя вот так же рыдала в машине и у дома въехала в мусоровоз, разбила бампер. Мусорщик вышел, рассмеялся и ничего не взял, даже мятые две тысячи, которые совал ему Васильев, выбежавший выручать жену.

Получилось смешно и жалко. И обидно. Треснувший бампер, Настины истерики «по поводу происходящего в стране» — так объяснял Антон друзьям, которые видели состояние его жены по публикациям в запрещённом Фейсбуке и звонили ему с вопросом: «Что с ней?»

Что с ней? Я не знаю. Убивается. Пошла вразнос.

Мусоровоз — это кульминация. Кринж.

К тому же лишние траты — бампер. А теперь ещё и штора!

Настя опустила на пол у окна. Васильев подошёл к ней, взял за руку и резко поднял с пола. Как упавший на дорогу велосипед. Она показалась ему тяжёлой и костлявой, ткнулась бедром в его колено. Он бережно сложил её на диван, невольно подумав, что человек, даже красивая нестарая женщина, — всего лишь грудa мяса и костей. Неприятно кольнуло.

Он любил её. Он испытывал к ней нежность. Но последние месяцы, с зимы, она всё реже позволяла ему, всё реже давала возможность проявить чувства как мужчине, как мужу. Ему остро не хватало её.

\* \* \*

Антон поехал на работу. Он до сих пор говорил, как в девяностые, — «на фирму». Привычный скучный быт бизнеса — нужно с директором по маркетингу Оксаной обсудить, что делать с запчастями для шасси. Где покупать и есть ли что-то по этой номенклатуре у китайцев, если немцы окончательно заморозят контракт...

Оксана казалась непроницаемой женщиной. Крупная рослая брюнетка с крутыми бёдрами — настоящая героиня кино. Девушка из блокбастера, с белозубой улыбкой, хотя неглупая. Её идеальная и даже какая-то деревянная киношность настораживала. Но Антон, мужчина сорока пяти лет, в самом расцвете сил, высокий, крепкий, с немного мясистым лицом, крупным носом и без всяких залысин, с устойчивой тёмно-русой шевелюрой, не сомневался в своём обаянии. Вот в немецких производителях авиационных запчастей для русских самолётов ещё как сомневался. Чёрти что происходит в мире!

В голове крутилась одна мысль: им что, деньги не нужны? Это же огромные контракты. Почему они уходят с рынка? Мы построим свои самолёты — есть китайцы, есть Иран, есть Индия, — а эти дураки потеряют рынок. Лицо, имидж. Это не считая судебных тяжб.

После трудных обсуждений в офисе — Оксана была в узкой коричневой юбке и пахла чем-то неуловимо миндальным — Антон поехал на встречу с Сёминым. Старый знакомый, пиарщик, политтехнолог и «коммерс» ещё с нулевых, ныне трущийся в коридорах власти, вдруг активизировался. Позвонил четыре раза за неделю — значит, что-то важное. Есть над чем можно поработать и, возможно, заработать.

Финансовые дела Антона в последнее время пошатнулись, доходы упали, а Сёмин не раз приносил ему интересные контракты, поэтому стоило к нему

приехать. Но во время встречи несколько раз позвонила и то кричала, то рыдала в трубку Настя, пришлось отвечать ей, натужно улыбаясь Сёмину, а сразу после переговоров ехать встречать её на телецентр, в Останкино.

Они с женой решили прогуляться, и хотя парковка в тех краях стоила недёшево и денежки капали, зашли в детский парк, забрались на зелёно-красную карусель и долго катались, даже пережили небольшой дождик. Настя крутилась, висая на поручнях, откинувшись назад и ловя капли открытым ртом. Она всё молчала, улыбалась, а потом сообщила, что поссорилась с Ренатом, своим начальником, нагубила ему и теперь хочет уволиться.

— Этого ещё не хватало, да что за хренотень! — произнёс Антон вслух и не пожалел об этом.

Обратно ехали молча. Оба крутили в головах разговоры, она — с Ренатом, он — с Сёминым. В последние месяцы у Антона появилось ощущение, что привычный мир не просто надломился, как льдина, а уплыл в никуда окончательно, как детская карусель поехал под ногами, и это произошло так быстро, что нарушило все принципы физики и механики. Мир и так не очень-то удачно и крепко скроен, а теперь всё разлетелось. Самое странное, что Васильев чувствовал не тревогу и не страх, а то, что внутри этой тревоги и тёмного душного войлочного страха дребезжит какая-то даже не надежда, а радость, задор, весёлое ожидание — нет, не перемен, а окончательно крушения, конца времён. Это совершенно новое в его душе жужжание злорадного насекомого пугало едва ли не больше всего.

«Ну, посмотрим. Посмотрим, как оно будет да чем повернётся», — шептал он мысленно одну и ту же бессмыслицу.

\* \* \*

Высокий худой Сёмин курил, меряя шагами тротуар на входе в грузинский ресторанчик с деревянным резным хачапури по-аджарски на вывеске.

— Время возможностей, дорогой, а как ты думал? Время возможностей... Когда вокруг всё меняется и тектонические пласты, так сказать... Надо делать дела! Дела делать!

Антон пожал большую тёплую руку Сёмина и улыбнулся до ушей:

— У меня два контракта готовы встать... По авиационной эмали и по гидравлике... для шасси. А это вообще конец всему. Мы на этих минобороновских тендерах только и держимся... Как посредники.

Сёмин взял Антона за локоть, нежно сжал, повёл в ресторан:

— Ну, это-то как раз мы и поправим. Я чего пришёл, приехал... Скоро могут быть новые и самые... как бы это сказать... неожиданные! Да! Контракты... Открываются новые направления. И не только здесь, но и за рубежом...

— Это интересно, — улыбался Антон.

— Ещё бы! Я хоть раз приезжал к тебе просто так? Гидравлика твоя — это прошлый век.

— Самолёты что... в воздухе зависать будут?

— Нет, — застыл вдруг Сёмин над тарелкой с мясным ассорти, и его лицо стало строгим, даже злым. — А вот как тебе такое? Илон Маск... Гражданин США, наш бывший, но наших бывших, как известно, не бывает... Сидит там, в штатах, закупает через местные фирмы, через несколько... десяток... бесценные чипы, столь необходимые сегодня нам... в условиях санкций... и переправляет их нам... по наработанным каналам, которые, к слову, есть и у тебя... И это только одно открывшееся направление! А таких новых профилей бизнеса много, много, старичок... Только успевай соображать. Девяностые покажутся детским садом по прибылям, — он сделал ударение на последнем слого.

Они заказали по бокалу вина, чтобы поговорить о «более тонких и чувствительных финансовых материях» грядущих проектов, которые «запускают новые структуры», и о степени их легальности и опасности в «новом быстро меняющемся мире». Антону было жутко интересно, до потных ладоней, он чувствовал, что возможности открываются колоссальные — и с завистью к чужим успехам читал бизнес-прессу последних месяцев. Потому что новые возможности тоже распахиваются далеко не перед всеми, а перед теми, кто ближе к кормушке...

«Россия создала теневой танкерный флот для скрытой перевозки нефти...» — читал он в каком-нибудь Бильде и понимал, что сотни людей прямо сейчас делают целые состояния на этих танкерах и перегрузках нефти в открытом море, чтобы в подсанкционных портах не идентифицировали русскую нефть...

Сёмин начал рассказывать, но Антону позвонила Настя и потребовала срочно с ней поговорить.

— Ты понимаешь, что меня трясёт? Посмотри, ты видишь? Посмотри на руку, на пальцы!

Настя вытягивала руку на весу, стоя в центре редакции — большом светлом нюосруме — перед столом шеф-редактора Коли, крупного добродушного армянина. Потом заплакала, — её и правда трясло. Коля сделал суровое лицо. Сидящая рядом Марина, младший редактор и референт, испугалась.

Директор Службы информации телеканала Ренат, поджарый, как доберман, красавчик, вальяжно вышел из кабинета.

— Насть, ё-маё, ну что опять? Если не хочешь работать, иди в отпуск!

— Я хочу работать! Но я не буду читать то, что они мне тут понаписали!.. — Настя тыкала в воздух, едва не швыряя, листами со студийными текстами и кивала на репортёров, откровенно ржущих в углу редакции.

Они не просто смеялись, Настя слышала привычные оскорбления: «актрисулька», «истеричка», «курица».

— Настя. Ну Настя! — Ренат засунул руки в карманы и перестал улыбаться. — Не ты определяешь, что тебе читать. Ты — ведущая. Ты не редактор и даже не журналист. Мне надоели эти истерики.

— Да пошёл ты! Чёрт! — крикнула Настя и бросилась на кухню.

Ренат потемнел и без того смуглыми лицом.

\* \* \*

— О чём ты думаешь? — спросила Настя в машине, когда они с мужем подъезжали к дому.

— Мне есть о чём подумать, Насть, уж поверь, — ответил он, коротко взглянув на неё.

Настя нервно хихикнула.

— Не смей уходить с работы, — добавил он глухо.

Настя взяла себя в руки, — Антон служил ей стабилизатором. Когда её заносило, его пристальный любящий взгляд становился опорой и отчасти угрозой, ей нравилось затихать под его силой. Но ненадолго. Её снова вело, как лодку с неисправным рулём. Тем более в феврале в ней, как она говорила, что-то поломалось, надорвалось, но что — она сама не понимала, и даже её психолог Павел Валерьевич не знал, как помочь.

Он поливал в своём кабинете на тридцатом этаже бизнес-центра, где стены отливали стальным, большую пальму драцену, похожую на придурковатого подростка, и будто не хотел смотреть на сидящую на краю диванчика Настю, сжавшую колени, как провинившаяся школьница.

— Я не знаю, Паш, это какой-то срыв... У меня ощущение, что я не могу больше жить здесь, видеть эти улицы, слышать родную речь, я даже флажок триколора на ноутбуке скрыла, не могу его видеть после кошмара, который обрушился на всех нас...

— Ясно, ясно... Понятно... — Теперь он присел на корточки и смотрел поверх позолоченных, в тонкой оправе очков. — То есть ты восприняла геополитическое событие, скажем так, максимально лично...

— Ну да! А как же иначе... Как?..

— Просто... Скажи, вот ты, Анастасия Андреевна Васильева... Что, как ты говоришь, убивает здесь *лично тебя*?

— Ну как же?! Почему это тебе непонятно, Паша? Я не верю своим ушам! — Она встала, и руки её тряслись. — Я отказываюсь видеть тебя такого, Паш... Это катастрофа для всех нас, всех...

Павел не хотел затевать политических разговоров, он настаивал, что нервный срыв Насти никак не связан с начавшимися боевыми действиями, он направлял её на обследования. Посмотреть щитовидку, гормоны, сделать бы МРТ, исключить неврологию... На это Настя по-детски обижалась, обвиняя доктора в виктимблейминге.

— Ты бездушная машина. Мы все должны стать непреклонными... Мы должны остановить это! — вскрикивала она.

Павел протирал острые, как кинжалы, листья драцены, и Насте казалось, что он с этим тупым цветком возится больше, чем с ней.

— Настя, у тебя руки ходуном ходят и кожа на лице серая, ты доведёшь себя. Прости... Ты — красивая элегантная женщина, а выглядишь — как неврастеничка за полтос.

— Да пошёл ты со своим полтосом!! Кретин! Конченный!

Она вскочила, он бросился за ней, обнял за тонкую талию. Хотел поцеловать в губы, но она вырвалась и хлопнула дверью. Павел включил кондиционер на полную мощность, закурил сигару и позвонил коллеге.

Коллега успокаивал его:

— Ну что ты хочешь? Сколько ей? «Немного за сорокет»? Кризис среднего возраста... Да, в чистом виде. Её ведёт. Штормит. Она рассчитывала на большее в этой жизни, но судьба дала столько, сколько дала. Недостаточно. И ей больно от этого, как всем нам, людям за сорокет...

От такого разговора Павел почему-то чувствовал себя старым и глупым, неспособным к сочувствию, как и его коллега на том конце провода. Он тревожился, Настя будто заразила его вирусом беспокойства, неудобной вибрацией в глубине тела. Он поднимал глаза и смотрел в панорамное окно на испещрённый мелкими зданиями ландшафт. Ему хотелось задать самому себе множество вопросов о жизни, о происходящем вокруг, о бойне этой начавшейся, прыгнувшей на них на всех, как зверь, наконец, ему хотелось поговорить с самим собой о будущем — но он не мог. Не хотел, да и не имел права как профессионал (как он себя успокаивал) выворачивать душу наизнанку. Он стабилен. Он скала. Он врач. Он опора для пациентов и своей семьи. Кто угодно может валиться, а он — должен стоять. Не имеет права ни гнуться, ни падать.

\* \* \*

Настя стояла в пробке. Лобовое стекло секли тонкие нити летнего дождика, а в её глазах плескалась дурацкая драцена, остролистая, взъерошенная, недоуменная, как сама Настя. Она ненавидела Пашу, цветок, бизнес-центр, равнодушных психологов, которые, как она думала раньше, не могли быть таковыми в принципе, по роду своей профессии.

Она даже всплакнула. Посмотрела на руку — большой палец трясётся. Да что с ней такое? Позвонить Антону? Нет, он задаст кучу вопросов, утешит, а потом начнёт бесконечно перезванивать... Она улыбнулась. Он её любит. И эта любовь — её сила, её сокровище. Вроде бы дети выросли, они рано их сделали, а он до сих пор любит...

Настя смотрела на огромный рекламный щит, висящий над потоком машин, сине-жёлто-коричневые цвета его отражались в стекле, баннер рассказывал о новой книге, название которой она никак не могла прочесть из-за дождя. А может быть, прав Паша, и это всё её не касается? Всё это. *Всё это*. Но Настя тут же одёргивала себя — как она может так думать?! Она, в отличие от них, не может позволить себе спрятать голову в песок!

Впереди раздался резкий сигнал. Водитель высунул голову и крутил у виска пальцем. Настя подкатилась опасно близко — он увидел, что сейчас в него въедут, и начал сигналить. Какой кошмар, Господи! Прости, Господи. Неужели она это подумала?! *Нежелание жить?* У неё? Серьёзно?! Давно ли она перестала хотеть жить? Настя испугалась своих мыслей и заставила себя успокоиться, в который раз за эти дни.

Куда ехать? Она не знала, куда себя деть.

Ренат дал ей два дня отгула, в эфире её подменит Таня, хорошая белокурая девочка, очень миленькая, не задающая лишних вопросов. Ренат вызвал Настю в свой огромный светлый кабинет, осмотрелся, будто их кто-то может подслушивать, и заявил:

— Мир, Насть? Я, честно, слушай, не хочу тебя терять... увольнять... Зачем? Я думаю, у тебя кризис, Насть, он пройдёт...

— Да по...

— Только не надо посылать меня в жопу! — засмеялся он и подскочил к Насте почти вплотную. — Я твой начальник. Могу и уволить. Ты правда этого хочешь?

Настя вышла из кабинета униженной.

Дождь закончился, последние капли догоняли друг друга по проторённым дорожкам на стёклах. Радио бормотало о боях за остров Змеиный. Настя почти видела торчащий из моря небольшой холм, кишачий чёрно-серыми змеями, как голова Горгоны... Бои. Идут. Совсем рядом. В Крыму. И буднично так уже об этом рассказывают, фоном... Она снова чуть не заплакала от ужаса, но взяла себя в руки. Попыталась остановить сумасшедший маятник в груди, и у неё то получалось, то не получалось... и это был ещё один маятник.

Ладно.

Хватит.

Всё.

Успокоились.

Забыли.

Но как забыть?

И куда деть себя? В громадной Москве — ни души, в которую можно уткнуться.

\* \* \*

На фирме Антона, в небольшом приземистом здании в конструктивистском стиле, затерянном в районе «Белорусской», его не было. Настя знала, что его нет, он встречается (бухает) с Сёминым у того на даче — там какой-то серьёзный-пресерьёзный разговор о новых технологиях. Однако всё равно заехала. На фирме приятно. Небольшие кабинеты и уютные переговорки с толстым чёрным ковровым покрытием на полу. Большая кофемашина. Почти домашний бар, в котором есть швейцарский шоколад. Хрустящий жареный фундук в большой стеклянной чашке. Здесь можно полежать, утонуть в мягчайшем кожаном диване. Настя не заметила, как уснула, а когда проснулась, увидела Оксану — бежевая кожаная юбка натянута на крутые бёдра. Так. И я позволяю мужу созерцать это целыми днями на работе?

— Привет!

— Приве-е-ет!

— Извини, я тут разлеглась... Заснула. А ты только пришла?

— Да, ездила в банк... У них там санкции. Работа парализована. И под санкции, втихаря, их банкротят. Свои же. Выводят деньги... Забавно, да?

*Сухбат Афлатуни*

## Декабрьские святые

*Из «Нового Тропария»*

*2 декабря*

сквозь синие тени  
свет

на коленях  
стоит  
митрополит Филарет

Господи не знаю  
чего мне просить у Тебя —  
Ты один ведаешь  
что мне нужно

у Филарета серая борода  
испытующий взгляд  
льётся молитва  
как вода из кувшина  
владыке семьдесят лет

Господи Ты любишь меня (шепчет во тьму)  
паче нежели я умею  
любить Тебя — даждь рабу Твоему  
чего сам просить не умею

---

*Сухбат Афлатуни* (Абдуллаев Евгений Викторович) — поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Родился в 1971 году в Ташкенте. В 1993 году окончил философский факультет Ташкентского государственного университета. Главный редактор журнала «Восток Свыше». Диакон. Автор трёх сборников стихов, нескольких книг прозы, литературной критики и эссе. Лауреат многочисленных премий, в том числе «Русская премия» (2005, 2011), «Русский Букер» (2016), «Ясная Поляна» (2016), «Большая книга» (2019), премия журнала «Дружба народов» (2020) и др. Постоянный автор «ДН». Живёт в Ташкенте.

тьма и свет — кругом на сто вёрст  
только снег и снег  
избы — берёзы — серый погост  
владыке семьдесят лет

*а дние лет наших семьдесят лет  
аще же в силах осемьдесят лет  
и множае их труд и болезнь*

на коленях  
стоит Филарет  
вдали чернеет лес

Не дерзаю просить ни креста  
ни утешения  
лишь предстою пред Тобой — Ты сам  
знаешь нужды мои  
скрытые от меня самого

свет и тьма — на сотни верст  
пустота — ничего  
небо в овчинку — казармы — разъезд  
царство мира сего  
обнажённые плечи жён  
вакхические балы  
империи механический звон  
выстуженные басы

а он  
на коленях подле икон  
серая борода  
сил всё меньше — будто их вон  
вытягивает пустота

но он не просит сил (нет!)  
утешение или покой  
он видит сквозь синие тени свет  
и думает: свет-то какой!

он знает — Господь и так всё даёт  
рабу своему с лихвой

### 4 декабря

неловко по ступеням  
поднимается Божья Мать  
сколько ещё ступеней  
много  
не сосчитать

один  
два  
пять

маленькая Мария  
поднимающаяся вверх  
в золотые  
двери Храма

где-то внизу — папа и мама  
смех  
двухголосное пение —

шесть — семь — и  
ступени  
ещё ступени

девочка идёт вверх  
в золотые  
лучом подсвеченные  
двери

за которыми — Благовещение  
Рождество  
и столько ещё всего  
и Голгофа  
и Успение

и ещё  
и ещё ступени

## 13 декабря

в старом бурнусе  
в малахайке драной  
зато лапти — во век не сноси  
ходит по Руси  
Андрей Первозванный  
по первозванной Руси

по первозванной  
первозданной  
ещё не скумекавшей что к чему  
дождливой — языческой — безымянной  
и приводит её ко Христу

от Галилеи смуглой и пряной  
от Греции нежной  
увитой хмелем  
шёл да шёл Андрей Первозванный  
и вот — до здешних дошёл земель

что сказать? — север есть север  
скудна пища — нет даже бобов  
хлещет ветер  
да соловьи-разбойники свищут  
с качающихся дубов

что здесь ловить? — дожди да туманы  
снова дожди  
вороньё  
но что-то увидел Андрей Первозванный  
в земле этой — ходит и крестит её

ходит и крестит — сеятель ранний  
что вышел до солнца сеять зерно  
всё ходит  
ходит  
по Руси первозванной

и солнце встаёт  
но ещё темно

### 30 декабря

они стоят  
посреди огня  
со всех сторон огонь  
Азария Мисаил Анания  
шестой век  
Вавилон

горек вавилонский плен  
горячей печного огня  
кланяйтесь идолу! халдеи твердят  
но кланяться ему  
нельзя

пол в печи докрасна раскален  
глаза разъедает чад

их раздевают — и по одному  
вталкивают в эту печь  
но лучше погибнуть в огне-дыму  
чем песни пред идолом петь

поклоняться как Богу Истинному  
ему  
и ладан пред ним жечь

хочется жить? — да хочется жить  
до боли — до спазма в груди  
и Господи! какой жар должно быть  
в этой страшной печи

но пусть сгорят наши кости и жир  
чем идолу станем служить

и вот — без дрожи — за руки взявшись  
запели они в огне  
*Благословен еси Боже отец наших  
прославлено имя Твое!*

и кто-то четвёртый крыльями машет  
над ними  
в пылающей мгле

и угашает вокруг огонь  
росой охлаждает всех  
а они поют — в ладони ладонь  
и халдеи бледнеют как снег

и рушатся идолы — шум и звон!  
Вавилон  
зима  
шестой век

*Сергей Морейно*

## Гензели и гретели

*Рассказы*

### *Париж как повседневность*

*a M. Sokoloff*

— Я похож на клоуна, — сказал мой друг, пожелавший остаться безымянным. — Но не на грустного клоуна, и даже не на тупого клоуна. Я похож на клон клоуна.

Я забываю. Забываю.

Забываю слова, имена, фамилии, события.

Забыл, кто это сказал.

А кто сказал (сказала) «когда я пью, я однонога» (когда пью, одна нога у меня перестаёт держать — что-то в этом роде)?

Ассоциации пока что целы. Соображаю: это она, кажется, говорила про кока-колу — в путешествиях случалось, что не было денег на попить и на поесть разом. Тогда она покупала кока-колу, ведь в ней, кроме жидкости, ещё и сахар. Старое фото её в вагоне поезда с французскими проводниками: все красивые, смеются.

Выходит, пора уже полегоныку отпускать. Мы ведь легче отпускали раньше. Умели-таки. Не были покрыты мобильной связью, мессенджерами, покупками в сети.

— Как мы дружили без телефонов тогда? Так и дружили, просто приходили друг к другу — и всё. Однажды он пришёл, а меня нет. Тогда он стал бить стёкла (я жила в частном доме на первом этаже). Мы долго потом не разговаривали, но забылось, простилось.

---

*Сергей Морейно* родился в 1964 году в Москве, окончил Московский физико-технический институт. С 1986 года живет в Латвии. Переводит с латышского, немецкого, польского на русский и латышский, развивая концепцию Scaena Interpretationis («Театр перевода»). Среди переводимых авторов — Ояр Вациетис, Юрис Куннос, Иоганнес Бобровский, Клаус Мерц, Ульф Штольтерфот, Бруно Шульц, Тимотеуш Карпович, Чеслав Милош, Роман Хонет, Шамшад Абдуллаев, Янис Грантс, Хамдам Закиров, Андрей Платонов. Редактор серий «География перевода» и «Брат Grimm» издательства «Русский Гулливер». Основной интерес — метафрастология.

Странно, что помню, кто это сказал, хотя мы виделись всего два раза в жизни: пять и тридцать пять лет назад, в первый раз — мимолётно.

Недавний разговор о семейных расстановках:

— Кем ты была?

— Я была — «после».

Отпустить. Вернуться в «до».

В детстве, помнится, Наполеон отпускал каждый год — пятого мая, но в маленьком моём мозгу — две ночи каждую неделю. В рабочие вечера меня убаюкивали Пушкиным, а по пятницам и субботам — Лермонтовым. «Но спят усахи-гренадёры — в равнине, где Эльба шумит, под снегом холодной России, под знойным песком пирамид». На воздушном корабле покидал свергнутый император остров Святой Елены, несясь к Франции милой и отпуская там славу, трон, маршалов, царственного сына и саму Францию. «Зарыт он без почестей бранных врагами в сыпучий песок» — «рогами в сыпучий песок», так слышалось, и рога эти принадлежали не тем, кто зарывал, а самому Наполеону, великому Чёрному Быку Норровейскому. Мневису. Ньюцао.

Кстати, про Эльбу. Тот, который типа клон клоуна, рассказывал о Санкт-Петербурге, не заинтересовавшем Наполеона, — этой тайне осени двенадцатого. В Петергофе, откуда на войну двести лет назад шли лейб-гвардии уланы и драгуны, парковый пруд из-за морозов прошлого года просел довольно сильно. Марсиане больше не могли в него приводняться, так как вокруг дворца работали глушилки, охраняя его от дронов, и навестись на маячок, стоящий чётко на баллюстраде, не представлялось возможным. Как правило, марсианский корабль, садясь в пруд, испарял основную часть воды, и тогда по трубам, расположенным почти у самого дна, в пруд начинала поступать вода из Эльбы. Расстояние от Берлина до Петергофа — полторы тысячи километров, трубы были проложены ещё при Петре, впрочем, служили они исправно — качество чугуна Сан-Галли выше всяких похвал. Однако теперь, когда марсиане перестали прилетать, выходные отверстия труб замёрзли вместе с водой, которая схватилась ниже уровня половины глубины пруда. По этой причине Эльбе стало некуда сливать дождевую воду, и в Нижней Саксонии начались наводнения.

Наполеон не пожелал Санкт-Петербурга, он брал Москву, а шестью годами ранее — и Берлин. Возможно, владея Парижем, не различал отдельной ценности остальных столиц, даже спутать их мог с другими городами. В конце концов он отпускал их. Или же любил все столицы подряд.

Бесспорно, среди квестий любви — ещё и кого-то отпускать. Жизнь после смерти любви. Любящий, отпускающий любившую. Учитель, отпускающий учеников; ученики, отпускающие учителя. Завтрашние мертвецы, отпускающие сегодняшних. «Если я перед смертью ещё раз увижу Юрмалу, то не умру», — твердила одному берлинскому музыканту из Риги его мать, сводя его этим с ума. Если я увижу Париж, то не умру. Всё приходит, когда ты ловишь момент полного доверия судьбе, а не заклинаешь: дай, дай, дай. Вот вижу: женщина-экскурсовод в столице Франции надевает красный жакет — и погнались! Зачем красный? Чтобы мы её не потеряли, она ведь бежит быстро, невзирая на каблучки.

Кстати, о Берлине.

В нём та, что пила кока-колу, возвращается из дорогущего ресторана на набережной Ландвер-канал в хорошем, центральном районе, где на одноимённой горе есть памятник прусским воинам, павшим в битвах против Наполеона. Естественно, ей нужен У-Бан, дабы пересечь пол-Берлина и очутиться в глубоком Потсдаме.

— Идёшь к метро, кругом темно, молодёжь в тёмных одеждах сидит на тёмных скамейках. Вот метро, настоящий Зомбиленд. Повсюду чёрные, ни одной белой морды. Я села так, что оказалась между четырьмя сирийцами, они говорили, мешая немецкий со своим языком, и я поняла, что они обсмеивают меня, но мне было шайсэгаль<sup>1</sup>, я просто не смотрела на них. Потом они звонили по мобильникам и очень грубо обсуждали каких-то своих учителей. Наконец, я вышла, пересела в другой поезд. Там было полно народу, в отделении рядом уже сидели трое, и тут вошёл человек, немец, очень приличный, хорошо одетый, но по глазам видно, что совершенный безумец. Он подсел к этим троим и начал говорить. Когда их поезда долго стоят на жаре, то накаляются так, что внутри невозможно находиться. Садись в такой поезд, а в вагоне страшная жара. Как быть? Можно, конечно, раздеться, можно снять свитер, ну а дальше? Конечно, я иду в туалет, снимаю там нижнее бельё, кладу в карман. Возвращаюсь, а тут уже проводники — здесь нельзя находиться, запрет, сейчас будет коллапс... и я стою в этом раскалённом дерьме без нижнего белья. Говорит совершенно нормальным голосом, безо всякой агрессии, хорошим языком... Забыла сказать про пельмени: в русском посольстве я сегодня объяснила одному африканцу, что такое пельмени, как их лепят в Сибири, а после хранят на морозе или в морозильнике. По-французски объяснила, чем горжусь.

Моя личная реакция оказалась противоположной той, что, вероятно, ожидалась. Мне жутко захотелось в Берлин. Память продолжает хранить мои ночные возвращения, ни разу не обходившиеся без какого-либо безумца или безумицы в У-Бане, Эс-Бане или в автобусе. Разумеется, если брести через Берлин ночью, кого только ни встретишь. Даже дальнбойщиков в ночном кафе или на Растштетте, коли уж доберёшься. Целую ночь кто-то чем-то занимается, люди живут ночью, собирают мусор и электросамокаты, — они убирают этот город, приводят его к утру в некое нормальное состояние. Но я имел в виду архетипическое возвращение, каких любой и, наверное, любая насчитает десятки, даже сотни, — складывающихся в одно-единственное возвращение возвращений. Когда вечером едешь пьяным на Главный вокзал в битком набитом цюрихском трамвае или трезвым обслуживаешь в качестве официанта вечеринку где-нибудь в жопе мира, — ощущения не сильно разнятся. Кажется, что весь мир — твой. Правда, и там, и там закавыка, мелкий затык, в затылок, как иголка, колюще: этому миру пока не сообщали, что он — твой. А может, это моя вечная идея-фикс, тот один-единственный псих, который меняет пол, одежду, возраст, национальную принадлежность и свою программу.

---

<sup>1</sup> Плевать, пофиг (нем.).

— Я — обязательно пьяный — возвращался в норку, а потому был счастлив.

— Да. — Она согласна. — И я возвращаюсь в норку и думаю, куда едут все эти люди?

— Точно! — восклицаю я.

— Я не в состоянии представить, — говорит она, — что они могут ехать в какие-нибудь обыкновенные квартиры...

— Да, — говорю я, — я вижу долговязого анорексичного немца в залысинах, а с ним маленькую азиатку-пупсика в круглых очках, с пирсингом в носу и биржевыми курсами в айфоне, и не могу представить, как они где-то выходят, заходят куда-то во двор, отпирают дверь в каком-нибудь подъезде и там по лестнице поднимаются на какой-нибудь этаж... Как они вообще способны находиться в нормальном помещении — эти мои ночные пьяные глюки, мои метамиражи?

Мне ужасно захотелось в тот город, в котором ведётся тихая и невидимая война по его разрушению, неостановимо, — как термиты выедают изнутри деревянные конструкции. Всякая война — непереносимое движение денег. Это вот выедание — тоже движение чьих-то денег. И если тебе недостаёт огня, чтобы ринуться в битву на чьей-либо стороне, или ты утратил надежду прибиться к движущимся деньгам, зацепиться, расшатать и выдернуть свой кусочек, то лучше залечь на дно, самое дно реки событий, высланное белыми травами, шёлком зеркал и воспоминаниями о сладких ливнях и водопадах любви, прежде разбивавших пустыню твоего одиночества. Тем более что все возвращения оказываются на поверку одним и тем же. Из похода, с дежурства, с баррикад, заработков, блядок. И ты неслегка пьян уже одним только воздухом возвращения.

При нынешнем раскладе мне везде одинаково плохо или одинаково хорошо. Ещё и, говорят, геомагнитное поле Земли сдвигается, перемещая по поверхности планеты места, где я ощущал себя как дома. Таким образом малая родина, пик, точка резонанса тонкой настройки, свободно переносится куда-нибудь за тридевять земель — в царство иных частот. Я жду, чем всё закончится, пока оно происходит на том плане, куда у меня нет доступа. И люди, чьи жизни языческие боги швыряют на весы, — они как те хиросимцы и хиросимки, которые якобы решали исход чего-то важного в мировом масштабе, а в действительности решали их в масштабе города, двух городов. Но если я, прежде чем задуматься о чьей-то победе, уже желаю кому-то поражения, — на чьей я стороне? Вопрос не так-то прост. Я мог бы быть на обеих сторонах разом. Не за обе стороны, а по обе. Сразу по обеим сторонам. Смотря по тому, как я понимаю то и другое.

Кстати, Наполеон мог обладать сверхчувствительностью ко всяким геомагнитам — наверняка имел, — и, наводясь на Петербург, ломанулся к фальшь-цели, к Москве, введя в заблуждение заинтересованные стороны. Ну а полгода спустя после того, как он осознал свою ошибку и драпанул в стохастическом направлении, русские войска вышли-таки к Эльбе, однако фельдмаршал запутался в модуляциях и скончался в городке Бунцлау

*Алексей Глуховский*

## От пункта А до пункта Б

### *Ода моему дому*

Был двор арбатский вроде гавани,  
где швартовались корабли,  
что возвращались после плавания  
в пенаты тесные свои.

Здесь, словно воду, воздух вытеснив,  
загородив собой проход,  
стоял, примкнув к дворовой пристани,  
шестиэтажный пароход.

Светясь покоем и уютом,  
словно живые светляки,  
по вечерам в его «каютах»,  
мигали дружно огоньки.

Мой дом родной, моя отчизна,  
мой островок, моя судьба.  
В себя вместившая полжизни,  
моя арбатская арба.

\* \* \*

от пункта А до пункта Б неровная дорога  
она проходит по судьбе через сомненья к Богу

передвигаюсь как могу пешком и на колёсах  
и забываю на бегу про сучковатый посох

---

*Глуховский Алексей Маратович* — поэт, переводчик. Родился в 1955 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Работал на радио. Автор пяти поэтических сборников, среди них «Дорога домой» (М., 2020) и «Дежавю» (М., 2022). Дважды лауреат Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» в Льеже (2018, 2023). С 2001 года живёт в Баден-Бадене (Германия). В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

дорога эта нелегка по кочкам и ухабам  
сил накопил наверняка чтоб не поддаться хлябям

осталось вроде бы пути ещё совсем немного —  
как можно ближе подойти чтобы услышать Бога.

### *Озарение*

Я при себе держу блокнот  
на случай озаренья.  
Оно однажды снизойдёт,  
я почему-то верю.

И ангел спустится с небес,  
И, выходя из тени,  
одарит россыпью словес  
и их переплетеньем.

Возможно, это будет так:  
я выйду на прогулку,  
вдруг сердце, торопясь,  
не в такт,  
в груди забьётся гулко.

Или, как будто средь ночи,  
затянутой и душной,  
горячим пламенем свечи  
вдруг опалит мне душу.

### *Зачем я здесь*

Обманчив мир, он тонок и прозрачен.  
Подобен ускользающему льду.  
Духовный мой запас почти истрачен,  
уже по самой кромке я иду.

Я слишком часто смешивал понятия —  
любовь с привычкой, жалость с добротой.  
Мог хитреца за умного принять я  
и примитивность спутать с простотой.

И зачастую разницы не видя,  
неосторожно высказавшись вслух,  
мог ни за что невинного обидеть,  
ярлык ему навесив без заслуг.

Как за умом скрывается практичность,  
я за открытость принимаю лесть,  
со временем теряя идентичность:  
кто я на свете и зачем я здесь?

### *Ночное небо*

люблю смотреть подолгу в небеса  
где может оказаться и сам когда-то  
откуда звёзды сыплются как даты  
и по ночам вершатся чудеса

где месяц косит тучные поля  
и собирает урожай созвездий  
что возвращал повсюду и везде я  
вокруг которых вертится земля

### *Родной язык*

Язык, родной ты мой язык,  
дай на тебе наговориться.  
Я от тебя почти отвык,  
как от родимой ветки — птица.

Тебя повсюду узнаю.  
И в уличном разноголосье  
твою мелодию ловлю,  
как набирают воду в горсти

Во мне звучишь ты, как оркестр,  
где нота каждая знакома.  
Тобой шумит весенний лес,  
и речка плещется у дома.

из голубого родника,  
что пробивается сквозь гору.  
Мне звук родного языка  
необходим для разговора.

\* \* \*

в ночи мерцают тускло три окошка —  
зачаток малой родины моей  
вокруг урча уныло бродит кошка  
с ней всё же как-то и повеселей  
свет фонаря дрожит сквозь ветви дуба  
давая успокоиться душе  
что мне с того что с нами дальше будет  
в сравненье с тем что с нами есть уже  
вокруг берёз толпятся шумным роем  
в предсмертном танце майские жуки  
а мне забавно наблюдать порою  
как птицы смело кормятся с руки

\* \* \*

Я понял вдруг, что всё уже сказал  
и хватит всем мной сказанного слова.  
Слежу за тем, как гаснет тот канал,  
что отвлекает от всего земного.

Ещё остался крошечный тоннель,  
откуда слышу мелодичный вызов,  
звучащий, как весенняя капель,  
что падает с оттаявших карнизов.

*Сати Овакимян*

# Махаон

*Повесть*

Взмах крыльев бабочки можно почувствовать  
на другом конце света.

*Китайская пословица*

## Глава I

### *Закройте окна!*

Перед долгими скитаниями души отдохни, собери в рюкзак мыслей всё самое нужное. Обитатели этого заведения, пойманные в сачок смерти, лучше других знают толк во времени. Они хранят верность жизни, понимая, что скоро сами станут экспонатами в энтомологической коллекции Всевышнего.

Это хоспис «Махаон» — место, куда приходят перед тем, как уйти в самое долгое путешествие. А та женщина, откинувшаяся на бледно-жёлтую подушку и медленно водящая пальцем по планшету, моя сестра — Виктория. Или нет, теперь она — Анила, так просила называть себя. Это имя она обрела на Шри-Ланке, где жила последние девять лет и где, как ей казалось, проживёт до конца жизни. Но жизнь часто смеётся над наивными человеческими мечтами, загоняя нас именно туда, откуда когда-то бежали сломя голову.

---

*Сати Овакимян* родилась в 1988 году в Ереване. Окончила факультет театроведения Ереванского государственного института театра и кино (2010). Работала журналистом и сценаристом в телекомпаниях. Автор сборников рассказов «Полу-Остров» (2017), «Созвездие эмигранта» (2020). Печаталась в журналах «Дружба народов», «День и Ночь» и многих армянских СМИ. Дипломант XI Международного Славянского Литературного Форума «Золотой Витязь» (2020). Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 12.

## Глава II

*Немилый дом*

Её маленькая голова обмотана бинтами. Потухший взгляд. Обвисшие руки. Исхудававшие ноги еле идут в мою сторону. Справа — медсестра во всём белом. Слева — верная подруга неизлечимо больной, с изящной сакурой на жакетке-кимоно. Троица медленно приближалась, обходя взглядами крошечный букет цветов. Хрупкие головки радужных гипсофил мелко задрожали в моих руках. Виктория, может, и не понимала, что с ней произошло, а мне было горько вести этот мысленный обратный отсчёт её жизни.

«Четвёртая стадия — это финал», — сообщил мне врач после операции. И моментально исчез, избегая вопросов. Так и не сумели удалить всю опухоль, осьминожьими щупальцами державшуюся в голове. Верная подруга собиралась обратно на тропический остров, дальше вкушать ароматы бесконечного океана и манговых закатов. Я же чувствовала, что теперь, несмотря на нашу с сестрой разницу в возрасте, как будто стала взрослее её.

— Опять открылся ящик Пандоры, — горько усмехнулась сестра, входя в нашу тесную квартирку, увешанную её же картинами.

В углу прихожей висела деревянная маска, некогда привезённая ею из Африки, с навечно гневным взглядом пустых глазниц. Винтажный комод, украшенный бледно-розовыми чайными розами, молчал о былом. И только наш взрослый бесхвостый Куар-кот (забавное имя, когда-то придуманное сестрой для крошечного полосатого котёнка курильского бобтейла) долго со всех сторон обнюхивал Вику.

— Мы оба стареем, да, Куарчик?

Кот посмотрел на неё, будто понимая и сочувствуя, а через минуту исчез из прихожей.

— А где она?.. Не встретит?

Я не знала, что ответить. Мама жила в мире обид. Сказать, что вчера разразился скандал из-за возвращения сестры? Глупо. Наврать? Не хватит смелости. Ведь из своей комнаты мама наверняка хорошо слышала наш разговор.

Сестра с явным усилием усмехнулась и со второй попытки повесила за петлю яркое в стиле печворк пальто. Она то ли не понимала, что с ней произошло, то ли упрямо надо всем насмехалась. Всмотрелась в большое настенное зеркало и потрогала свою забинтованную голову:

— Новый холст, новые сюжеты, — и горько усмехнулась, прежде чем пройти на кухню.

## Глава III

*Текст — это секс*

В офис сквозь серые алюминиевые жалюзи прорвался чёткий контровой свет, подсветивший пылинки в воздухе. Мерно перестукивали клавиши компьютеров. И вместо корректуры журнала я уставилась в этот поток света. Возможно, в незнакомой галактике с такой же безмятежностью вращаются наши души. Звуки пропали, я не замечала недоуменных взглядов коллег.

Перед глазами вставала родная Астрахань — Большие<sup>1</sup>. Здесь всегда было шумно и по-праздничному неспешно. Никто никуда не торопился: все успевали поболтать, обсудить политику и соседей, погоду и урожай и вон ту девчонку, для которой тётя Маня стелила картонку — мерить джинсы. Мои одноклассники частенько забегали за видеокассетами. Уж не знаю, брали они боевики или приключения, но выглядело это каждый раз как налёт пиратов на сундук с сокровищами.

Рынок был местом, где мир забывал про логику, — здесь сочеталось несочетаемое: прилавки с сочными фруктами соседствовали с вязаными бабушкиными платками, рыболовные снасти со школьными учебниками, игрушки с книжками, а одежда — с сыром.

И ещё — баба Зина. Морщинистая, с глазами цвета увядающей фиалки, она всегда находилась на своём месте, у коробки с подобранными котятками. За символическую цену она отдавала их в добрые руки, а мне позволяла играть с ними сколько душе угодно.

Я любила заглядывать туда после школы. Запах спелой дыни, ароматы вкусных ягод, чуть влажная пыль под ногами и яркий, густой говор местных — всё было частью моей юности. Особенный колорит рынка стал для меня живым кусочком времени, который я до сих пор ношу с собой.

Вика всегда выделялась среди других торговек и своей манерностью, и алой помадой в цвет спелых арбузов, которые продавала так, будто представляла эксклюзивный выставочный экспонат. По взглядам взрослых я понимала, что её обожают мужчины и ей завидуют женщины. Классическая история всех времён. Однажды, сходя на рынок, я не нашла там сестру. Дома застала её в слезах, с собранным чемоданом. Мамин крик беспомощно застыл, когда меня заметили...

— На работе работают! Уже третий раз делаю замечание. Садись, что ты встала как школьница! — заорала главред.

— Да... Простите, больше не повторится.

— Журнал в печать сдавать, а тебе, я смотрю, совсем не до работы? Успеешь ещё выплакать глаза, но, поверь моему опыту, ни один этого не достоин. Знаю,

---

<sup>1</sup> Большие Исады — один из исторических районов Астрахани.

о чём говорю. И не смотри взглядом побитого щенка. Здесь не жалеют, а создают историю!

Но работу корректором в посредственном женском журнале я вовсе не воспринимала как нечто грандиозное. Мне нужны были опыт и средства к существованию. Особенно сейчас.

Мама то и дело припоминала Викины выходки. Она уже открыто желала ей скорейшей смерти и обвиняла меня в малодушии, твердя «вы с ней одного поля ягоды». Но даже при большом желании я не смогла бы отвернуться от сестры.

Мама говорила: у нас нет и не было семьи, а имитация — это не реальность. Ей был ненавистен матриархат, но и мужчин она терпеть не могла. До возвращения сестры на родину мы с мамой хотя бы ужинали и, если удавалось, разговаривали. Она — про отвратные политику и шоу-бизнес, я — про скучную пунктуацию.

— Ты родилась, чтоб возиться с точками и запятыми? — сказала Вика-Анила, когда я после тяжёлого рабочего дня зашла к ней в комнату с тарелкой фруктов.

— А что мне делать, по-твоему?.. Тоже брести по миру?

— Ты ж у нас писала рассказы, в газетах публиковалась? Вот и осуществила б свою мечту — выдала из себя что-нибудь великое, а то стыдно как-то.

— Такой диплом можно было получить только в Москве, сама знаешь. Зато я нашла хорошую работу, нашла своё место в жизни. Вик, честно, я не обижаюсь на грубость, это же не ты, а твоя болезнь говорит.

— Заткнись, дура! Что ты знаешь о жизни, чтобы судить о моей болезни? Если так тебя задело, то знай — писателю корочка не нужна. Тем более все эти запятые с точками. Точка — это когда всё. Безысходность. Писатели в такой безысходности живут, что им не до всей этой пурги. И вообще, текст — это секс между писателем и словом. А не твой пунктуационный понос, завёрнутый в глянец. Ловишь мысль?

— Ты явно не в себе. Если моя редактор тебя услышит... — я невольно поёжилась.

— В жопу пошла твоя редактор. И ты с ней вместе тоже. Я хотела видеть свободного человека, а тебя мать испортила.

— Серьёзно? Вика, это свободный человек предаёт семью и пропадает?

— Уйди отсюда, кретинка, и не смей больше так разговаривать со своей... старшей сестрой! И запомни уже: для тебя я не Вика, я — Анила.

Закрыв дверь, я слышала приглушённый звон разбившейся тарелки. В другой комнате шумел телик, кто-то снова копался в своём ДНК, а мама вслух страдала чужому горю. Куарчик сидел на подоконнике в гостиную и задумчиво поглядывал в окно, встречая янтарную осень.

## Глава IV

*Сдохнешь — и все дела*

Винил. Сначала неуловимый поток тёплой музыки, настраивающей на пряный вечер, свидание, размышления. А потом этот привычный виниловый бархатный звук резко детонирует, взрывается. Вокруг всё шумит: ветер устроил вечеринку опадающих листьев. Укутаться бы в клетчатый плед, спрятаться в вольтеровском кресле... Хотя всего лишь начало осени, многие уже забегают в аптеку за антидепрессантами. Поистине счастливы! Готовы глотать таблетки лишь потому, что лето прошло.

— Коромыслик<sup>1</sup>, ты вернулась? — сквозь полузакрытую дверь прокричала Вика и, не дождавшись ответа, появилась в дверях. — О! У нас гость?

— Здравствуйте. Ну, не совсем чтобы гость...

— Вот как? Сонь, моментик! Неужели тот самый Миша, жених твой? Ну конечно!

— Ага, тот самый. Мой. Миша из командировки вернулся. Я тоже устала, пойду лягу. Потом поболтаем, лады?

— Поняла... погоди, сделай мне манку с черникой, как люблю. Мама на кухне сидит, холодильник караулит. Чтоб родная дочь её еду не стырила. Мне говорит: всё, что внутри, — моё, тронешь, — на улицу выкину. Да не боюсь я улиц, объясни ты ей. Чужие улицы поприветливее и почище будут, чем такой вот «свой дом».

Мама часто жаловалась на плохой слух, однако тут она всё расслышала и моментально оказалась в прихожей.

— Ой, что ты?! Соня, ты этой мухе арбузной скажи, чтоб собрала свои хурды-мурды и убралась. Сколько ей дали? Месяц, два?.. Сдохнет, кто ж её помянет? Ни друзей, ни родных.

— Не нужны мне такие родные. А смерти я не боюсь и не прячусь, как видишь. Честное слово, понимаю тебя и даже не обижаюсь.

— Вот чудеса! Ага, не обижается она, понимает. Сдохнешь, и все дела.

— Да успокойся ты, мам! Зачем ты так с ней?

— Затем. Устала от этой твари заносчивой. Как мне говорила: ноги заболят, сиделку наймёшь, и даже не думай, что я буду сидеть рядом и за тобой ухаживать. Я мир хочу увидеть, а не твои ноги. Вот зачем!

Вика не ответила. Она попыталась удержаться за стену, однако ноги подвели. Миша, едва успев, подхватил её, донёс до кровати.

За окном разразился первый проливной дождь. Жёлтые пятна фонарей и разноцветные блики фар тускло отражались на мокром асфальте...

---

<sup>1</sup> Коромыслик — так астраханцы называют стрекоз.

## Глава V

*Сила слова*

Мама просыпалась в шесть утра. Утро начиналось с шорканья её потёртых тапок. Она тщательно умывалась, будто желая смыть с лица страдания своей жизни. Кот безмолвно поджидал её на кухне, чтобы получить свой завтрак и свежую воду.

— Зачем я живу? Устала, устала я жить. Ты чё глазеешь, Кира? Как я устала от тебя, ну чего, чего так смотришь глазами своими наглыми, тварь ты ушастая! Небось, опять жрать захотел?

— Доброе утро, мам. Он не Кира, а Куар. Ты что, специально с утра достаёшь всех?

— Ой, что ты! Глаза-то видела?! Точно как у свекрови моей, Киры. Это её душа перенеслась в эту чёрную дрянную плоть.

— Я уже не могу! Всем замечания делаешь. То Миша много кофе пьёт, то я не так с тобой разговариваю. Даже бедному коту достается. Про Вику вообще молчу. Каждый день одно и то же. Отойди-ка, нож возьму.

— Ага. Старушку-мать не жалеешь. Того привела, эту привела — не дом, а проходной двор устроила. И не надо столько резать, она на краю гроба стоит. Ей что ни дашь, пожуёт и высрет.

— У неё голова. Осталось-то... Эх, сердца у тебя нет, вот что. Никого ты не любишь: ни себя, ни нас, ни животных. Ещё и жить устала!

— У неё калган<sup>1</sup>, извиняется, думает, слезу пушу. Это из-за неё рука моя отнялась: прокляла мать свою. А слово-то силу имеет! Это тебе не чухня, ага... А помнишь, как однажды Вера эта, соседка-то наша? Стучится как бешеная... Я ей дверь открываю, а она мне: «Ой, как там ваша кошка? Берегите её». Сказала, посмеялась и ушла, старая карга. И кошка наша умерла аккурат через неделю. Вот с чего вдруг?... Слова? Слова! А сила-то какая!.. Погоди-ка ты, а помнишь, я однажды к зубному ходила? Парень высокий, молодой такой. Инструменты достал, хитро улыбнулся и говорит: «Ну что, мамаша, завещание составили?» Вот зачем спросил? Слова-то не просто так вылетают изо рта. Видишь?

— И что? Так говоришь, будто после его слов тебя не стало.

— Ты — как твой отец, Царствие Небесное, ничего не понимаешь: ни в словах, ни в жизни.

Вика уже несколько дней лежала на диване. Левая сторона полностью онемела, ходить, как раньше, стало невозможно. Прикованная к постели, она то слушала Диспензу, вдохновляясь его историей жизни и увлекаясь силой подсознания, то рисовала до самого вечера, а в перерывах между надеждой и унынием писала и названивала мне на работу.

---

<sup>1</sup> Калган — пустая, глупая голова.

Раньше в выходной можно было поспать часок-другой, поваляться в кровати или сделать тосты и кофе для любимого. Но теперь мой график жизни резко изменился. Миша, конечно, поддерживал словами и деньгами, но я знала, что он тоже хотел поскорее вернуть прежнюю жизнь. Такую, какая у нас была до Вики. Сначала намёками, а потом уже и открыто, он стал доказывать: её непременно нужно отвезти в хоспис.

— Рисуешь? Думала, спишь ещё. Хотела сюрприз сделать, тосты с сыром принесла.

— Спасибо, солнце, это я люблю. А кофе с кокосовым молоком, надеюсь? Если нет, — пить не стану, даже не проси. Считать копейки — не наш конёк.

— Эх, сестрёнка, это мы давно знаем, — ты на себе экономить не любишь. Дай-ка подушку поправлю.

— Фу, превращаешься в мамашу. Запомни, мужчины ворчливых не любят и не ценят тех, кто на себе экономит. Ловишь мысль?

— Конечно. Ты, как всегда, права. Можно посмотреть?

— Раз так припёрло, смотри.

— А что это такое?

— Ты смотришь, но не видишь. Это же тени грушевых деревьев.

— А где сами деревья?

— Есть тени, которые затмевают собой всё остальное. Кстати, есть одна идея.

## Глава VI

### *Неожиданные подарки*

В хаосе природы созревают рябины, подмигивая из жёлто-оранжевой лиственной толпы. Ягоды, мелкие и яркие, будто хотят напомнить, рассказать, предупредить о чём-то важном. Пока я спускалась по витиеватой лестнице нашего офиса, Миша ждал меня у входа с букетом опавших листьев.

— Ты же не любишь, когда мои флористы тебе букеты собирают, вот и решил быть оригинальным.

— Вика бы заценила... Это самый роскошный букет, честно!

Миша посмотрел раздражённо. Кажется, хотел что-то сказать, но в последнюю секунду передумал и натянул улыбку на продолговатое бледное лицо.

Страшно было думать о будущем, неловко спрашивать, что его беспокоит. Болезнь сестры обдала нас своим холодным дыханием.

— Миш, я хочу попросить... Это очень важно.

— О чём?

— Нам нужно кое-что купить.

— Догадываюсь, что не для тебя.

— Не для меня. Очень нужна домашняя ферма бабочек.

— Чего?! Нам не нужна ферма бабочек.

*Ирина Каренина*

## Дурочка из ребра

\* \* \*

Может быть, не судьба и не время  
Для того чтобы сердце цвело,  
Лишь бессмертника колкое семя  
Цветом траурным в нём проросло.

Помнишь, бабка сушила букеты  
На белёном своём чердаке?  
Отпусти уходящее лето —  
И сама уходи налегке.

...Сварят пиво, воссядут на лавки,  
По зиме перечинят бельё...  
Увози деревенские травки  
И горящее детство своё —

Навсегда, навсегда, без возврата...  
Сухоцветы поставишь в бутылъ —  
И молчишь, будто в чём виновата,  
И роняет листву Игдрасиль.

\* \* \*

А кто-то мне шепчет: «Золотые глаза, марсианские волосы, Брэд-бе-ри...»  
А я говорю: заberi мой бред, заberi.  
Говорю: кораблик плывёт, мёртвых моих везёт —  
Никогда на закат, всегда на восход, восход.  
А у них загар, золотые глаза, над головой паруса,  
А у меня под ногой морская коса, по спине коса да в слезах глаза.

---

*Ирина Каренина (Ирина Васильевна Овсепьян)* — поэт, журналист, редактор. Родилась в 1976 году в г. Нижнем Тагиле, в семье спецпереселенцев из Крыма. Окончила Литературный институт имени А.М.Горького (семинар Вл.Фирсова). Автор семи книг стихов, среди них «Смородина» (М., 2021). Лауреат премии журнала «Знамя» (2011), премии имени Виктора Астафьева (2016) и др. Живёт в Минске.

\* \* \*

Этот мир будто бы из одних прорех —  
Не вернёшься в блаженное лоно рая.  
Я — Лилит твоя, алчная до утех,  
Уходящая в ночь без конца и края.

Разлетается песня на все ветра,  
По царям и псарям, господам и слугам...  
А взамен тебе — дурочка из ребра,  
Костяная нелепица — по заслугам.

Что хотел — чтоб покорна, глупа, дурна,  
Тащит в рот что попало, трещит о вечном...  
Приглядишь — в наказание тебе она  
На твой век безропотный человеческий.

Я ни хлеба не дам тебе, ни воды,  
Коль отныне я день для тебя вчерашний, —  
Так оплачь мои глиняные следы  
Посреди своей каменистой пашни.

Нет тебе и не будет за мной тропы,  
Запах мой ещё помнят твои рубахи...  
И остался лишь абрис моей стопы,  
Отпечатанный в рыжем прахе.

\* \* \*

И сказать-то тебе, дурочке, нечего,  
И гулять-то тебе незачем вечером,  
Только ты идёшь, глядишь на фонарики,  
Ножкой дрыгаешь на синеньком шарике.  
А ботиночки твои вдрызг разбитые,  
А друзья твои лежат все убитые,  
Что ж ты ходишь вечерами, потёмками,  
Что стоишь под фонарями с котомками?  
Всеми брошена, и жизнь твоя прошлая —  
Что плохого в ней, да что в ней хорошего?  
Только шарик под ногой — ах, вертушечка!  
Дура-дурочка, судьба-погремушечка...

\* \* \*

Ю.Б.

Говорят, там и встреча, и свет, и суд,  
Рыбы полные невода.  
Успокоиться, лёд приложить к лицу:  
Пусть по векам течёт вода.  
Рыбы, рыбы по небу тебя несут,  
За звездою поёт звезда.  
На Земле не спасли — а теперь спасут.  
А про то, как я управляюсь тут  
И какая на мне беда,  
Знают ветер ночной да нагар свечной,  
Перстень чёрный — и Далида.  
Ты любил её, помнишь?  
— Да.

\* \* \*

В разлуке — милосердие сполна:  
Все живы, с кем отныне врозь навеки.  
Все живы, кто ушёл, на ком вина,  
Кого несёт на ветреном ковчеге

В иные чуждадельные края,  
С кем всё, что было, отгорело всеу.  
Былое — пыль; уже не вы, не я,  
Не обещанья и не поцелуи —

Сгоревших звёзд истёртый порошок,  
Другая жизнь, зачёркнутое имя...  
И лишь одно до муки хорошо:  
До мелочей я помню вас живыми.

А те, кто рядом, — плен небытия  
По одному вас тихо отбирает.  
Сошедшие под землю, боль моя —  
Такая боль, что крика не хватает.

Ковчег плывёт в бездонной пустоте,  
Бессонница измучила до бреда.  
И живы милосердно только те,  
Кто дальше всех, кто нас забыл и предал.

---

*Аркадий Гонтовский*

## Ожидание солнца

\* \* \*

Ожидание солнца.  
Мама на кухне хлопочет,  
И лучистые звонцы  
Шепчет маленький колокольчик  
В занавеске, как в волнах  
Прибрежных, купаясь.

Просыпаюсь...

Ныряю в обратную полночь,  
Где сквозь детство моё  
Улыбается мама.  
Вот сейчас я проснусь в этом ласковом самом  
И услышу, что шепчут прибрежные волны  
В миг, когда на ладонях у них колокольчик  
Ожидание солнца поёт.

\* \* \*

|                          |                      |
|--------------------------|----------------------|
| Холодом тянет, Отче,     | И приучает к смерти  |
| Стынут сердца во мгле.   | Выживших на войне.   |
| Ночи, крошечные ночи     |                      |
| Рыскают по земле         | Сколько их у обочин, |
|                          | Выстуженных до дна.  |
| Там, где квадраты чертит | Холодом тянет, Отче, |
| Век на глухой стене,     | Завтра опять война.  |

---

*Гонтовский Аркадий Всеволодович* — поэт. Родился в 1959 году в городе Прокопьевске Кемеровской области. Учился в Сибирском металлургическом институте (г.Новокузнецк). Публикации в журналах: «Нева», «Алтай», «Наш Современник», «Аврора» и др. Автор поэтического сборника «Неутолённые огни» (Осташков, 2013). Живёт в г. Прокопьевске. В «Дружбе народов» печатается впервые.

## Похоронка

Одна  
Над пропастью  
По кромке  
Идёт на зов сквозь времена,  
Качает на руках ребёнка,  
А он всё плачет: «Мама... ма».  
И лучше бы сойти с ума.  
Она очнётся —  
Тишина  
Мертвящим пеплом похоронки  
Стучится в сердце,  
И одна  
Стоит над пропастью  
Она.

\* \* \*

|                                                                                     |                                                                                                                              |
|-------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| А наутро шёл снег,<br>Шёл и шёл без конца.<br>И стоял человек,<br>Человек без лица. | Он стоял весь наружу,<br>Человек без души.<br>Он протягивал руку,<br>И его одного<br>Словно вынули душу.<br>В кромешной тиши |
|                                                                                     | Снег ласкал, словно друга,<br>И летел сквозь него.                                                                           |

\* \* \*

Поставить мир на паузу и жить,  
Уча язык светил ночных. И с тьмою  
Не спорить, уходя за рубежи,  
Отринув притяжение земное.

Отринуть всё, как отрясают прах,  
Внезапным чувством обретая крылья,  
И пропадают в солнечных ветрах  
Диковинной легендой или былью.

Отринуть всё. Ворочается высь,  
Раскачивая мира коромысло,  
И свет, и тьма перетекают в жизнь  
Подобием божественного смысла,

Где нет сомненья, нет добра и зла,  
Есть только время в бесконечном беге  
За горизонты, коим нет числа  
В стоящем пред вселенной человеке.

*Евфросиния Капустина*

## Как у всех

*Рассказы*

*Мужниным да моим бабушке и дедушке посвящаю*

### *Бабушкин конкурс*

— Бабушка, дедушка, идите с девочкой познакомиться!

Дедушка, шаркая тапками, опираясь на деревянную палку, вышел из комнаты первым. Глянул на нас своим единственным зрячим глазом, пожал руку мне и своему внуку Евгению — моему будущему мужу. Сказал короткое:

— Здоровья, главное, и живите в мире.

Ушёл в зал, сел на диван слушать радио.

Бабушка вышла через несколько минут. Оглядела меня со всех сторон, потрогала каждую из двух моих косичек, ткань платья, щёку, бусы. Села рядом с внуком. Мне не сказала ни слова, но я слышала, как она громко шепчет ему в самое ухо:

— Хороша девка, хороша, не то что другие...

Так я познакомилась с бабушкой Любой и дедушкой Колей. Через несколько месяцев мы с Евгением поженились, и бабушка с дедушкой уже сделали не только мужниными, но и моими тоже. Наши бабушка с дедушкой.

Они жили в деревне, мы в городе, но мы к ним частенько приезжали: сажать картошку, тяпать картошку, копать картошку, перебирать картошку, спускать в погреб картошку, есть картошку. Нам не так уж и нужна была эта картошка, но она очень нужна была дедушке и особенно бабушке. Бабушка контролировала каждый картофельный этап, включая спуск в погреб и её поедание. Мы всё делали не так. Особенно ели мы картошку неправильно,

---

*Капустина Евфросиния Игоревна* — поэт, прозаик, переводчик сербской поэзии. Родилась в 1997 году в городе Ялуторовске Тюменской области, окончила Санкт-Петербургский институт культуры (факультет искусств, кафедра кино и фотоискусства). Автор поэтического сборника «Проблески света» (Санкт-Петербург, 2016). Победитель конкурса «Новые голоса — 2017», международного фестиваля «Всемирный день поэзии — 2018», финалистка премии «Лицей» (2023), «Большая Книга» (2025). Живёт в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2024, № 10.

категорически. Бабушка выхватывала из наших рук тарелки, начинала сама копать в кастрюле, накладывая каждому, приговаривая себе под нос:

— Надо ж глядучи накладывать-то, вот синеглазку положь, вот белую, вот красненьку...

Мы не отличаем и никогда не отличали вкус синеглазки от белой, но едим и нахваливаем синеглазку — бабушку надо уважить, её любимая картоха.

Через три года после свадьбы мы приехали не на картошку. Приехали хоронить дедушку — помер, опухоль мозга. Ходили с мужем на кладбище, глядели, как копают могилу в мёрзлом месиве: слой земли, слой льда, слой глины, вода, снова слой земли... Ходили к местным умельцам, договаривались об оградке и чтоб песку привезли, посыпать вокруг, всё ж таки суше будет. Ходили в церковь, слушали отпевание.

Бабушка не плакала. Бабушка говорила мёртвому дедушке:

— Коленька, как же так я одна тут со всем управляюсь...

А потом пришла новая весна, уже без дедушки Коли, но всё с теми же картофельными циклами. После каждого этапа бабушка говорила, что сил её больше нет на этот картофельный огромный огород. Потом вспоминала, что мы без её глазу всё протяпаем неправильно и оставалась жить ещё на месяц. А потом ещё на один. И ещё на один. Всякий год клялась, что в последний раз сажала картошку и новой весной не будет сажать. И каждую новую весну сажала снова, все десять полос. Через три года после смерти дедушки мы продали огород, думали уgomонится бабушка, опасно ей так активничать в её возрасте. Тогда бабушка стала ходить на погреб, следить, чтоб мальчишки с крыши его не катались, рубероид не рвали салазками да обувью. Не счесть, сколько раз падала она по пути к погребу, — льдисто там на тропе к нему, всякий год льдисто, и ничего не поделать с этим. Продали и погреб.

Сейчас бабушке Любе девяносто три года, и она уже совершенно решительно собирается помирать. Строго говоря, она уже пятый год собирается, сразу после ухода дедушки начала поговаривать, что пора ей. Но в последнее время от слов к делам перешла.

Переехала со своей высокой кровати с матрасом и подушками, покрытыми кисейей. Переехала на дедов диван старый. Теперь спит там, сидит днём тоже там. Вместо одеяла укрывается старым рваным пальто, которое дедушка на скамейку в огороде стелил, чтоб не на мокром сидеть. Кровать не расстилает даже, вообще её не касается, разложила на ней вещи, упакованные в целлофановые пакетики с картинками, — похоронные вещи. По ночам громко разговаривает: то сама с собой, то с дедушкой. Объясняет, что пора уже, устала.

А потом наступает утро. А потом день. Бабушка всё не помирает, и у неё есть целые три веские причины этого не делать.

Во-первых, на кладбище топко. Она не хочет в топкое ложиться. Помнит, как клали дедушку в жидкое льдисто-глиняное месиво, переживала очень,

не понравилось ей. Она ждёт, пока кладбище просохнет, пока вода с него сойдёт, чтобы сухо и тепло было.

Во-вторых, у неё есть цель — помереть самой старой бабкой на деревне. Для этого ей нужно дожить до девяноста четырёх с половиной, как минимум. Пока что самую старую жительницу деревни схоронили в девяносто четыре ровно. С её похорон бабушка Люба и объявила нам про свой конкурс. Ждёт теперь своих девяносто четырёх с половиной, а лучше ещё чуток побольше, с запасом, чтоб наверняка, чтобы людей стыдно не было.

В-третьих, скоро Пасха. К каждой всякий год Пасхе бабушка намывает потолок, сама, лично. Каждую Пасху она клянётся, что сил у неё никаких больше нет и моет она потолок в последний раз. Каждую новую Пасху она лезет на табурет, а с него на стол и намывает белое до ещё большей белизны. Потому что мы намоем точно плохо. Она не знает, как именно плохо, потому что ни разу не позволила нам помыть самим. Но как-то очень плохо. Нет у неё к нам доверия в этом вопросе. Руку тут сломала, в гипсе ходит, а мыть всё одно собирается, не унять. Ну, не потолок же нам продавать, в конце-то концов. А пока потолок есть, мыть она его будет, точно будет.

В общем, не помереть ей с нами, до того мы дурачки. И кладбище это ещё негодное. И выиграть, выиграть по возрасту ей непременно надо. Сама себе конкурс придумала, теперь мается, но живёт. Надо выиграть. Бабушка в жизни ни в чём и никому не проигрывала и самой смерти уступать тоже не собирается.

### *Раковина, обида и Шерифима*

Снова у бабушки.

Она так обрадовалась, меня увидав на пороге, что всплакнула даже. Хвалила всё и за всё, даже за то, за что раньше бранила: и сарафан алый похвалила, и эклеры из городской кондитерской тоже, и фотоальбом с национальными костюмами ингерманландцев — привезла ей нарочно похвастать, — так она трижды его от начала до конца с лупой пролистала, прокомментировала каждый снимок, фамилию мою даже на обложке сыскала среди других прочих.

Упрекнула, правда, что письма я ей не писала целые две недели, следовало бы.

Сообщила новости: что кошка наша теперича язык русский понимает и слушается её наказов, что девка с нижнего этажа завела рыжего кота и водит на поводке гулять в цветочную клумбу под окнами, что чем больше теплыни на улицу нападает — тем более ей в ногах холодает...

Покамест так. Завтра в огород потопаем: косить, полоть и хрен его знает, чего ещё делать. А, да. Яблони ещё цветут неистово, белым цветут да розовым. Пахнут — сил нет, как чудно. Впитываю.

Всякий раз, когда я приезжаю к бабушке в украшениях, — она их непременно отнимает у меня и несёт в свою комнату под лупу — на погляд.

Особо любит она изучать мои серьги. Ну как серьги, — строго говоря, они клипсами зовутся, у меня уши не проколоты, так что только клипсы

на них можно надеть. Но бабушка таких слов отродясь не знает, так что пусть уж серьгами зовутся, для неё.

Первые годы, как замуж за внука её вышла, я в ушах вовсе ничего не носила, как-то ни к чему оно мне было, непривычно. Бабушка по большей части помалкивала, но временами шептала что-то вроде, мол, совестно женщине без серёг ходить, людей стыдно.

Ну, я внимания не обращала особо, — поворчит и перестанет бабушка, не бегать же за всяким её словом, брошенным в меня.

Но тут как-то больно глянулись мне одни клипсы. Бирюза, чёрное дерево, стекло дутое — из сказов бажовских сбежали, не иначе. И лёгонькие, хоть и длинные. Попросила у мужа в подарок. Подарил. Так забавно на ветру с ними гулять — шею щекочут, позвякивают.

Приехала в них к бабушке, похвалиться думала да порадовать. Но бабушке не приглянулась обновка. Долго рассматривала, поджимала губы, наконец, высказалась:

— Ох, женщине приличной, конечно, покороче надо бы носить. Ты обломай низ-то, Серафима! Чисто цыганка с энтими-то выхаживаш! А махоньки хорошо тебе будет, очень.

Ну, я смолчала, понятное дело. Ношу их по сей день, но не при бабушке.

А на прошедший день рождения муж мне новые клипсы задал — «махонькие». Эмалевые овальчики с дымчатыми розоватыми цветками внутри, из сорок восьмого года родом. Вот впервой к бабушке в них заехала. Та, ясное дело, отняла, изучила под лупой, извертела все в руках. Как за стол сели, бабушка объявление сделала:

— Вот какие хороши серьги тебе муж подарил! Благодарить его теперь ты должна, очень благодарить! Хорошо тебе с ними, чудо, как хорошо. Настоящая женщина теперь ты.

И сидит, довольная, поглядывает на меня в правильных серьгах, любитесь.

Нынешний день начался в пятом часу утра — бабушке приспичило стираться.

Чего такого она там столь яростно стирала — ума не приложу. Но тазики гремели, вода лилась, кошка слиняла из коридора и, сонно пошатавшись, склубочилась в коробке под стулом. В седьмом часу утра бабушка, наконец-то, утихомирилась. Ушаркала в комнату, хрипло бормочет — молится.

После завтрака объявила, что она «вся до того уставши, силов нисколюшко нит», но лежать не шла — глядела, как в огород собираюсь. Строго сказала:

— В одну сberi! Куды собралась с двумя-то?

Глядя на моё изумлённое лицо, ткнула пальцем в мои косы и добавила:

— Ты женщина, а не девка, нечего тебе с двумя по улице ходить.

Переплетаться я уж не стала, тихонько запрятала обе косы под косыночку, чтоб бабушку не расстраивать своим поведением никудышным, девичьим. Она всё блюдёт, у ней не забалуешь особо. Ускользнула в огород.

С огорода принесла пару занозин: больно неловко секатором по сушняку прошлась. Принесла ладони, пахнущие смородой, щавелевым соком

и одуванчиковыми головками (заразы такие пушистые, всюду расплодились, житья от них нет — разве только глазам радость солнечная). Принесла лист смороды — по случайности живую веточку срубила, не стала выбрасывать, на чай вечерний пойдёт. Принесла пучок щавеля — на похлёбку весеннюю, бабушкину любимую.

Дома снова выпростала косы, ну, привычно мне с ними, люблю их. Бабушка смолчала, не бранила боле. Молилась снова, уже на вечер. Слышу, поминает всех, как обычно: «Доченьку Галеньку, внучика Женюшку...» И меня, внезапно. По моему имени — Евфросинией, впервой.

За все восемь лет, что мы с ней знакомы, она никак моё имя запомнить не могла. Или не хотела, уж не знаю. Звала всяко: то Серафимой, то Евдокией, то ещё как. Только не моим. А тут вон чего, запомнила верно. К добру, что ли? Пускай к нему будет.

— Квас хлебать будем, лето поспело от!

Так бабушка встретила первую по этой весне окрошку, мной состряпанную. Сели за стол — хлебать. Но бабушка продолжила:

— Горло хрустит у меня, молиться не могу второй день. Скоро буду переставши говорить совсем. Так што слухайте, пока могу сказывать.

Я согласно кивнула. Бабушка хлебнула окрошки и высказалась:

— Кислющий квас — видно, старый.

Квас был куплен поутру, дата розлива от вчера, ну да ладно. Бабушке виднее, что кисло, а что нет.

Готовясь к грядущему молчанию, бабушка продолжила — ни к селу, ни к городу, правда:

— Лук надо полить, не то не вылезет, смехота будет!

Лук был полит сегодня поутру, как следует полит. Более того, после полива бабушке была доложена в письменной форме степень выскакивания луковых перьев из земли. Видать, позабылось у ней это, стёрлось.

К вечеру бабушка разгулялась не на шутку, до скандала дошло.

Она требовала мыло. Не любое мыло, а именно банное. Как назло, как раз его-то в сельский магазин давно не завозили, не купить. Запасы измылились. Бабушке были предложены все существующие виды мыла: детское, глицериновое, дегтярное, с кремом, с полосками синими, с полосками зелёными, розовое... Бабушка уверяла, что всё это ерунда какая-то, а не мыло. Я писала ей длинные тексты про отсутствие банного в магазине. Бабушка ругалась, что быть такого не может — всю жизнь в стране мыло банное было, а тут нет. В конце концов оттолкнула тетрадку с пояснениями, сообщила, что ничего читать не собирается и ушла на балкон грустно глядеть на соседей.

К ужину не вышла, сидела в тёмной комнате, молчала. Не удалось выманить её даже на любимые тоненькие блинчики с творогом, до того разобиделась. Ну, оставила ей несколько блинков на тарелочке, поставила в кухне на стол. Перед сном пошла проведать бабушку — храпит, уснула. Заглянула на кухню, блинчики почти все поедены, одинокий остался, лежит.

---

*Александр Вергелис*

## Прорубь

*Рассказ*

Слева — оттуда, где лежала широким белым полем Нева, задул было ветер, да скоро стих. Небо стало серым, как шинельное сукно, под которое от долгого бездвижного стояния на снегу воровски забрался холод. Было знобко, тесно, смутно, хотелось движения, однако приказа всё не давали. Оставалось и дальше — стоять, смотреть, ждать.

— Не верти балдой, — ткнул его в спину стоявший сзади Михеич.

Как не вертеть, когда вокруг — такое? Михеичу хорошо — служить осталось с гулькин нос. Ему всё нипочём, ничего не в новостях — столько всего в жизни видел, даже Наполеона, хоть и издали. Старый, а ещё крепкий — и в полковой кузнице молотом орудует, и кулаком приварить может. Одно слово — битюг.

— Не на плацу, чай, дядя, — огрызнулся он, чего раньше никогда себе не позволял.

Он стоял, упираясь взглядом в чей-то кивер, а если поднимал глаза, то видел перед собой только лес штыков и султанов. Но смотреть хотелось дальше — туда, где желтело огромное Адмиралтейство и живой стеной под ним стояли другие солдаты — те, что пошли за похитителем престола, как назвал его кто-то из офицеров. Или направо — где что-то строили, где на заборе сидели мальчишки и пребывала в постоянном движении пёстрая толпа, в которой всё смешалось, всё спуталось: были там и простые — работные люди, разносчики, извозчики, — и господа в шубах, и военные, и барышни. Смотреть налево не хотелось: давила громада бронзового исполина, а заснеженное пространство реки слишком напоминало поле за деревней, которое снилось ему чуть ли не каждую ночь. Во сне он видел себя идущим по этому полю домой. Но когда показывалась перед ним избёнка со светящимся мутно-жёлтым оконцем, его всякий раз

---

*Вергелис Александр Петрович* — поэт, прозаик, критик. Родился в Ленинграде в 1977 году. Автор книг стихов «В эпизодах» (СПб., 2010), «Обещание света» (СПб, 2017), «Поближе к сирени» (СПб., 2023), романа «Аваддон» (СПб., 2017), книги эссеистики и критики «Два таракана» (СПб., 2025). Лауреат ряда литературных премий. Живёт в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2024, № 12.

будили. Вот и сегодня проснулся до срока — в темноте бубнили, шептались, а как поняли, что он не спит, разом затихли. Когда заснул опять, приснилась прорубь — чёрный круг на белом льду. Он закричал, вскочил в поту и более уже спать не мог.

Между тем, справа, где Петровская площадь переходила в Адмиралтейскую, что-то происходило. Началась суета — что-то тащили, катили. Он снова встал на цыпочки.

— Не ёрзай, тетёра! — опять осаживал его Михеич.

— Сколь стоять-то ишшо так будем, дядя!

— Сколь надо, столь и будем.

— Никак пушки готовят! — весело выкрикнул сзади молодой голос.

— Ну пушки и пушки — пушай себе готовят, — шипел на разболтавшихся молодых Михеич.

Ноги ныли, в животе сосало от голода. Вспомнился тёплый кулеш — последнее, что ел дома. «И квасу бы», — подумалось с тоской. Позавчера в минуту редкого благодушия Михеич увещевал его, разнюнившегося от тоски по дому:

— Дура, ты посуди: кабы не отдали тебя в солдаты, ничего, кроме деревни своей, не видал бы... А тут — Петербург!

Какой там Петербург — где он был до этого дня? Казарма да плац — вот и весь Петербург. Ходил, правда, два раза в караул у гауптвахты на Сенной. А сегодня вот увидел — и обмер. Голова закружилась от витрин, от карет, от лошадей, от важных господ.

Про Михеича говорили, что в солдаты его отдал барин, отбивший у него жену. Сначала-то был другой барин — хороший, хоть и пьяница, — да раз на охоте сел играть в карты с соседом и проиграл своего выжлятника вместе с ружьём, двумя борзыми и молодой женой впридачу. С тех пор пошёл Михеич по белу свету. Натерпелся, намытарился. Но и мир поглядел. И то правда, солдат на своём веку многое видит, служба долгая — да что Петербург, Михеич и Париж видал, когда Наполеона гнали.

«Какой он, Наполеон?» — спрашивали у Михеича.

«Да такой. Ни рыба, ни мясо — ан туда же, на Рассею попёр», — неизменно отвечал он.

Пока шли, другой старый солдат, Ершов, вполголоса объяснял про столичную жизнь. Говорил, как будто устав читал: та площадь, что у царского дворца, — Разводная, а эта площадь называема Петровская — в честь императора Петра Великого. Вот он, на коне, а конь — на змее, а змея — на камне. Одни говорят, змея — супостат, а царский конь её топчет, другие — что змея царя спасает, уж слишком занёсся он в порыве, задумал Неву перемахнуть, а то и вовсе на небо прыгнуть, — так вот гад сей из недр земных на то и выполз, чтобы коню ноги стреножить и от верной гибели императора уберечь.

В животе опять ныло, сосало. В сумке была припасена корка ржаного. При мысли о ней становилось веселее. Но он брюхо своё знал: брюхо ноет — значит, сердцу тревожно. Оно не обманывало: так же ныло перед тем, как протянула в морозном воздухе длинный тоскливый звук военная труба и оттуда,

справа, покатила на их каре белая, сверкающая сталью лавина. Сколько раз слышал от старых москвичей, каково это — когда конница, а и представить не мог, как страшно. А главное, странно — свои ведь, не французы какие-нибудь. Но когда была подана привычная команда, по которой и он, и сотни других повернулись и подняли ружья, — страх отступил. Первым шеренгам целить велено было в лошадей, и в эту минуту он вспомнил Лысуху, которую берегли пуще глаза, особенно весной, перед севом. А тут — столько здоровых, сильных лошадей положили в снег! И тихо обрадовался, что ему, стоявшему в глубине каре, стрелять не пришлось.

— Это ж сколько десятин вспахать можно, — будто прочитал его мысли кто-то.

С вечера старые солдаты ходили хмурые, что-то обсуждали. Говорили, что опять будет присяга — уже не Константину, а Николаю, брату. Константин де от престола отказался, хочет в Варшаве с поляками жить, они, дескать, его сердцу приятнее. И всю ночь не спалось. В казарме до рассвета бродили, шептали. А утром их благородие, господин поручик, а ещё командир третьей роты ходили вдоль строя красные, кричали:

— Ребята, всё обман! Не верьте! Присягать нас понуждают насильно. Врут, мерзавцы, что государь-император Константин Павлович от короны отрёкся. Не отрекался он, а в цепи закован, как и брат его, великий князь Михаил Павлович, который его об измене предупредить ехал, да был злодейским образом на станции задержан.

Потом появился молодой драгунский штабс. Этот кричал, что послан к ним секретным образом самим Константином — предупредить, чтобы в отречение его не верили, да ещё сказать, что новый государь любит Московский полк сердечно и жалует всех москвичей пятнадцатилетней службой и прибавкой довольствия. В подтверждение своих слов показывал саблю:

— Бойтесь, ребята, Бога! Вот сабля Константина Павловича! Стойте за него крепко!

Были и другие офицеры — знакомые, незнакомые. Шептали, кричали. Просили, грозили. Говорили, что если кто прежней присяге верен не будет, — то тех изменников велено колоть без жалости... Появился в полку ещё штатский с усиками, говорил, что лейб-гренадёры уже пошли к Сенату и что им, москвичам, тоже там быть надлежит по совести — за державу и законного государя. Старые пошли, молодые — за ними. Сначала — их рота, шестая, а с ней и третья, потом — остальные подтянулись, и как-то само всё разрослось, выстроилось и двинулось — со знамёнами, под барабанный бой.

«За императора Константина и жену его Конституцию!» — кричали офицеры, и весь строй подхватывал. Стало вдруг весело, и представился Константин красавцем на белом жеребце, а Конституция — в чепце кружевном, тоже белом.

Но когда выросли у выхода, под аркой, как чёрные грибы, три начальственные двурогие шляпы, явившиеся откуда ни возьмись, рота окаменела. Загremели тяжёлые, как булыжники, слова. Но поручик подскочил, косо рубанул саблей одного генерала, потом ткнул другого. Кто-то в строю испуганно охнул,

кто-то весело крикнул. Он взглянул на красный снег, голова его закружилась. А командир роты, только что рубивший генералов, задорно крикнул:

— Чего стали, молодцы! За мной!

И пока шли, всё покрикивал:

— Кого хороните? Веселей, ребята!

И вот, пришли, построились. И простояли полдня.

От долгого стояния гудели ноги, ломило спину. Одно спасение — думать. В строю стоять можно, если думать о чём-нибудь хорошем. Но мысли путались, шли не туда. Всё верно, хорошо белый свет повидать, но хуже доли нет, чем сгинуть на чужбине. Михеич говорит: зароят и креста не поставят. Как же это? А так, говорит, — коли убьют в походе, то там и зароят. Ну, крест, может, и поставят, и молитву прочитают, а всё одно — лежать будешь безымянным, вдали от родимой сторонки. Ни мать, ни сестрица поплакать не придут. Да что мать, что сестрица — ни единая православная душа мимо не пройдёт, не перекрестится. Так и зарастёт травой могила — без креста, без имени. Это пугало более всего, даже более смерти. Он с тоской вспоминал кладбище за горкой, у церкви. Если бы наверное знать, что там суждено лечь, то и умирать не так боязно. С одного боку там речка, орешник, с другого — колоколенка. Где всё это теперь...

Много всякого было в этот день, казавшийся бесконечным. Бежали, голосили вокруг какие-то люди. То одно говорили, то другое. Прибегал какой-то в очках и шубе, тоже кричал за Константина, благодарил за верность престолу. Привозили на санях старенького митрополита — тот увещевал, просил разойтись, молился слабым голосом. Его осмеяли, прогнали. Подъезжал красивый пожилой генерал на коне — говорил к ним грозно. Про Наполеона, про Отечество. Михеич сзади всхлипнул. И тот штатский, с усиками, который в казарму приходил, стрелял в того генерала из пистолета, а молодой поручик колот его штыком. И в полковника, немца, тоже стреляли, а потом кололи и рубили его до смерти. Страшно было и непонятно — что делается, зачем?

От беспрестанных волнений этого странного дня и оттого, что не дали ему выспаться в казарме, он раззевался и заклевал носом. В строю спать — так, чтобы не увидел офицер или фельдфебель, — наука поумнее арифметики, и даётся не каждому. Но он чувствовал, что сейчас эта наука не нужна, — стоя внутри большого шевелящегося квадрата, состоявшего из таких же, как он, голодных и уставших людей, он понимал, что ничего ему за это не будет. И — на минуту провалился в себя, завяз там, как муха в киселе. И опять — как в казарме перед рассветом, — приснилась ему страшная прорубь. Глянув во сне на этот чёрный круг, означавший даже не смерть, а совершенную, окончательную пустоту и вечное забвение, он не выдержал и проснулся.

— А всё-таки мы не простецкие, мы — гвардейские... — проговорил сзади Михеич.

— Ты это к чему, дядя? — спросил кто-то слева...

За ту минуту, пока он видел свой пугающий сон, что-то переменялось. Офицеры вдруг забегали, затараторили не по-русски.

— Не посмеют! — неуверенно протянул кто-то справа.

А он, пытаясь отогнать остатки дурного сна, старался занять мысли чем-нибудь приятным. Вот, к примеру, какая она, Конституция? Представил её на морозе, в тёплом капоте, с румяными щеками... Но справа вдруг раскатился дробно гром — как будто телега, гружённая камнями, перевернулась на булыжной мостовой. Голова сама вжалась в плечи.

— Страшают, — весело протянул стоявший слева.

— Стволы греют, — послышалось чьё-то угрюмое сзади.

Вскоре опять грохотнуло, затем зашипело, взвизгнуло, и на несколько мгновений стало вдруг совершенно тихо. Справа человеческий лес вмиг поредел, стройность его нарушилась — теперь он волновался, ломался, как от сильного ветра, и хрипел, и стонал. Невыносимо, как корова под ножом, исходил кто-то утробным воем — на миг умолкал, чтобы набрать воздуха, и опять выл.

Грянул третий залп.

Он не заметил, как остался один, — ни спереди, ни справа, ни слева никого не было. А внизу, под ногами, ползало что-то в красном снегу, хрипело, давилось криком... Краем глаза зацепил бегущего мимо лейб-гвардейца без кивера: рука болталась на лоскуте, из рваного рукава обильно капало красным. Пробежав саженой десять, лейб-гвардеец остановился, опустил без сил на колени и, как на перину, боком лёг на снег.

Он оглянулся. Все бежали к Неве. Метнулся и он. Добежав до парапета, перевалился мешком, прыгнул, как и другие, на лёд, не выпустив из рук ружья. Там, внизу, офицеры кричали, махали шпагами, пытались построить людей. Чёрный флотский мундир надсадно орал, указывая туда, где колола низкое небо золотым штыком Петропавловская крепость. Он сообразил, что бежать надо к крепости, что спасение — там. Но опять на площади грохнули пушки, и впереди вдруг вырос пышный высокий куст из снега и льда, и чуть подале — ещё несколько. Стреляли уже не картечью — ядрами.

Всё это он понимал. Ясно было и то, что всему конец и деваться им всем теперь некуда. С тоской подумалось о тёплой казарме, о хлебе, о постели. Опять грянул залп, через мгновение сзади вдруг ухнуло, и что-то с силой толкнуло в спину. Всё — снег под ногами, ружьё в руках, бегущие товарищи, шпиль вдалеке, серое небо, холод и страх — всё разом исчезло. Вместо этого стусилась тёмная муть — как на дне старого барского пруда, куда мальцами ныряли с мостков.

Тьма сгущалась и снаружи — город накрывала ночь. Лёжа ничком, он ещё дышал, когда вокруг заколобродили, тихо переговариваясь, люди с фонарями. Один наклонился над ним, перевернул, смахнул рукавицей с лица снег. Проговорил что-то невнятно, отошёл. Подошёл другой, стянул, кряхтя, с него сапоги, бросил их в пустые сани, из которых вывалили перед тем несколько полураздетых окоченевших тел. Слышно было, как тут и там торопливо долбили пешнями лёд. Он тихо застонал, но никто этого не услышал. Его взяли за ноги и поволокли к проруби.

*Антон Васецкий*

## Ничего нечаянного нет

\* \* \*

А всё-таки  
есть что-то  
неизъяснимое,  
когда на бескрайнем пляже  
вечного моря  
среди нешумного говора  
Гомера,  
Данте,  
Вийона,  
Шекспира,  
де Вега  
и Гёте  
уверенно раздаётся  
громкая речь  
Александра Сергеевича Пушкина.

\* \* \*

Чем унять постылую нутрянку,  
если недостаточно горсти,  
чтобы синусовую морзянку  
выцарапать, Господи, прости.  
Даже безотказные ухватки  
не дают эффекта вдругорядь,  
кроме страха в вечном беспорядке  
нить на полуслове потерять.

---

*Васецкий Антон Алексеевич* — поэт. Родился в 1983 году в г. Свердловске (ныне — Екатеринбург). Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работает в сфере коммуникаций и новых медиа. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Наш современник» и др. Автор трёх книг стихов, среди них «Пользовательский опыт» (М., 2025). Лауреат литературных премий. Живёт в Москве.

Перемалывая это бремя  
балансиrom, я, как мог, делил  
на сезоны медленное время  
с эпизодами по мере сил.  
А когда хватило глазомера  
отступить от первого лица,  
стало ясно: время — это сфера.  
Форма без начала и конца.

Всё всегда заранее известно.  
Ничего нечаянного нет.  
Не сбежать от гиперпалimpsеста,  
призмы, проецирующей свет,  
окаёмки с чёрным объективом,  
смены TouchID на FaceID,  
причащенья снеками и пивом,  
шёпота грядущему: «Приди».

\* \* \*

С загара слезает кожа,  
с кальмара слезает тоже.  
И хочется спать, но нужен  
согласно режиму ужин.  
Пока ты лежишь в больнице,  
всё косится и кренится.  
Я, сам себе швец и жница,  
курсирую вдоль плиты,  
разъятый на лоскуты.  
Безрукий и кривобокий,  
несчастный и одинокий,  
целующий твои щёки.  
Нелепый до смехоты.

\* \* \*

Полтаблетки «Сирдалуда»  
принял на ночь, и как будто  
тяжкий скидываешь камень —  
начинаешь снова жить,  
близорукими зрачками  
сновиденья ворошить.

Кабы не было лекарства,  
потаённая игла  
за растерзанное темя  
в ограниченное время  
до неведомого царства  
довести тебя могла.

Умолчим об эмпирее.  
На расшатанном хорее  
можно мчать и дальше, но  
быть пытаешься мудрее,  
ощутив, как в теле зреет  
земляничное зерно.

Помнишь, раньше часто думал,  
кто из класса твоего  
первым зарифмует «тумор»,  
где-то за леском угрюмым  
скромно справив торжество,  
или около того?

Разломив на четвертушки,  
выпей с горя «Тегретол»,  
чтоб, как заяц на опушке,  
не крутиться на подушке,  
то очков ломая дужки,  
то коверкая глагол.

\* \* \*

Вот и всё. Позади колея  
извивается, словно змея,  
да земля говорит кораблю:  
«Уходи, я тебя не люблю».  
«Кроме шуток и без дураков,  
навсегда, — говорит, — далеко».  
«Насовсем, — говорит. — В никуда.  
Это грубо, наверное, да».  
«Но мы оба с тобой молодцы», —  
говорит, обрубая концы,  
ощущая, как стиснуло грудь  
кораблю, уходящему в путь.

\* \* \*

Я помню и не забываю,  
как, оперевшись в крестный ход,  
пробормотал: «Толпа такая,  
и что, никто не устаёт?»

Спустились к центру от вокзала,  
но не прошли и третью часть.  
«Никто», — идя, она сказала.  
И вдруг в улыбке расплылась.

А я отчётливо и ясно  
успел увидеть напрямик  
сходящий луч, сквозь неба пасмурь  
её коснувшийся на миг.

*Антон Хлебин*

## Фальшивые картинки

*Рассказ*

Солнце, казалось, приклеилось к небу, а день не закончится никогда.

Алиса едва дождалась, когда сядут за стол. Устремившуюся к тарелке ложку остановил громкий голос отца:

— Куда?! Молитва — первой!

Ложка вернулась на место. Они сцепили руки над столом, отец с матерью закрыли глаза, раскатистый голос отца прогремел по комнате торжественно, достигая каждого угла:

— Спасибо, Господи, что и сегодня даруешь нам эту пищу. Аминь!

Руки распались, глаза открылись, пальцы схватили жадно ложки со стола. Опустошив тарелку, Алиса зачерпнула немного каши с овощами, дымящейся, исчезающей во рту, с сожалением положила ложку. Еда, конечно, радость, одна из немногих, но...

— Остальное я возьму с собой.

Отец угрюмо посмотрел в её тарелку. Глаза на суровом лице сверкнули:

— Ешь!

— Но...

— Возьмёшь пирог. — Голос непреклонный.

— Я там...

— Здесь! Там ела в прошлый раз... Или никуда не поедешь сегодня!

Алиса уронила голову. *Прости!* Вонзила ложку в кашу, отправила в рот, принялась жевать... Каша будто испортилась. Весь вкус пропал, стала горькой, как предательство. Слёзы навернулись на глаза.

Отодвинув пустую тарелку, Алиса схватила с подноса кусок пирога и положила на лоскут ткани. Пирог! Такая же редкость, как мясо. А запах!.. Рот наполнился слюной. Пирог будто сам просился туда. Такая редкость! Ведь не страшно, если... Щёки запылали от стыда, Алиса торопливо завернула кусок.

Вскочила, готовая бежать, но тяжёлый голос пригвоздил к месту:

— Куда?! Ещё не все поели!

Алиса опустилаась. Через ткань просачивался запах, сладкий, дурманящий... С мукой смотрела, как отец с матерью отодвинули суповые тарелки, руки притянули кашу... затем пирог с чаем... Ёрзала в нетерпении: на что долгий день, и то, казалось, быстрее проходит!

Тарелки опустели. Отец откинулся на стуле, утёр губы, вытер пальцы.

Вновь сцепили руки над столом. Глаза закрыты, голос отца, сдобренный съеденным, пророкотал уже тише:

— Спасибо, Господи, что даровал нам пищу и в этот день! Аминь!

Едва руки распались, Алиса вскочила:

— Ну, теперь, теперь-то, можно?!

Отец прищурился:

— А посуду мыть?

Алиса принялась собирать посуду. Пустые, ни крошки, и вылизаны почти до блеска. Чего тут мыть? И всё же мыла: быстро, но тщательно. А то заставят перемывать. Расставив миски по полкам, уже почти пританцовывала в нетерпении:

— Ну, можно, можно? Можно?

Отец смотрел сурово, важно, молчал. Потом кивнул милостиво:

— Езжай! Но помни...

— Помню! *Туда* — ни ногой!

Алиса поцеловала его в щёку, рука цапнула со стола свёрток с пирогом, и выбежала — только подошвы по полу стучали.

Отец посмотрел на мать. Вышли на крыльцо. Алиса уже превратилась в маленькую фигурку на велосипеде, что стремительно удалялась по дороге вдоль покосившихся низких домиков.

— И куда она каждый день так?

— Куда бы ни ездила, лишь бы не...

Они переглянулись.

— Нет, — сказала мать. — У нас дочь не такая глупая.

Они вновь посмотрели на дорогу, петляющую мимо косых хибарок, чахлах огородов. Фигурка Алисы уже скрылась вдали.

Деревня осталась за спиной. Опускающееся солнце жарило землю, и горячий воздух врезался в лицо. Алиса усиленно крутила педали. Пот бежал по лицу. Но сердце трепетало от нетерпения. Мимо тянулись пожухлые поля, тощие рощицы на горизонте... Дорога разделялась. Одна, широкая, вела к другому посёлку, другая...

Алиса остановилась, посмотрела по сторонам — ни души, пусто, и свернула на вторую.

Колёса велосипеда крутились, оставляя за спиной облачка пыли. Земля по сторонам тянулась сухая, потрескавшаяся, изредка пробивались островки поникшей травы. Солнце опускалось, но встречный ветер как будто стал жарче, воздух дрожал, искажался. Наконец, показался забор — металлическая сетка,

уходящая в стороны от дороги, ржавая, с дырами, местами провисшая, как порванная простыня. А кое-где вовсе отсутствовала — одни столбы.

Алиса проскочила табличку МЁРТВАЯ ЗОНА на входе. Сердце чуть дрогнуло, кольнула совесть: знали бы родители, что ездит, в самом деле — *туда!* Цепями бы сковали, лишь бы не пускать! И тогда бы она не смогла...

По сторонам раскинулась пустыня, полная странных железных обломков, горы какого-то мусора... Воздух стал суше, краски мира будто поблели. Слева донёлся странный гул, жужжание: по небу тащился *какой-то поставленный на ребро чёрный куб*, будто оседлавший чёрный ураган. Страшный, непонятный... От одного его вида бросало в дрожь и волосы на затылке шевелились. Но Алиса знала: плохого не будет, *если близко не подходить*.

Ноги крутили педали, одежда промокла и липла к телу. Алиса петляла между грудями железа, пока не остановилась перед полуразвалившейся хибаркой.

Марат уже сидел на железном ящике, болтал тощими ногами, густые брови нахмурены, губы что-то шепчут недовольно. Увидев её, прыгнул, подбежал.

— Принесла? — спросил первым делом.

Алиса слезла с велосипеда. На миг кольнула мысль, что забыла, — тогда всё зря... Пальцы схватились за сумку, нащупали ещё тёплый, мягкий сверток.

— Да!

Глаза Марата голодно блеснули. Вытянулась, будто выстрелила, рука с раскрытой ладонью:

— Дай!

Алиса покачала головой.

— Потом! Сначала — включи!

Она прошла мимо протянутой руки в хибарку — темно, пыльно, неуютно, по углам валяется мусор. Алиса плюхнулась на что-то мягкое напротив стены, заменяющее диван, обернулась. Понурый Марат втащился в проём, едва переставляя ноги:

— Опять? Вот далось тебе...

— Давай! Хочу посмотреть! — Алиса едва не прыгала. — Хочу! Хочу!

Марат издал протяжный вздох. Прошлёпал в другой конец комнаты. В темноте что-то грохнуло, зашуршало, затрещало. Потом звуки стихли. Раздался голос Марата:

— А точно принесла? Не как в тот раз?

— Принесла, принесла!

Алиса открыла сумку, достала завёрнутый в тряпку пирог.

Марат мигом оказался рядом, пальцы выхватили свёрток, развернули. Полное предвкушения лицо обиженно вытянулось.

— И только...

— Прости! — Алиса сложила вместе ладони. — В этот раз больше не получилось. Я же не могу не есть совсем. Родители заподозрят...

Марат что-то пробурчал с недовольным видом. Алиса сидела, склонив голову.

— Ну ладно! — Марат хлопнул ладошкой по бедру. — С голоду не умру! Сегодня поймал пару ящериц... зажарю вечером.

Алису передёрнуло. Заметив её искривлённое лицо, Марат сказал, голос полон обиды:

— Мне выбирать не приходится.

— Знаю... — Алиса вновь склонила голову, сложила ладони. — Прости!

— Ладно! — Марат махнул рукой. — Сейчас включу твои *картинки*...

— Ура! — Алиса захлопала в ладоши. — Скорей, скорей!

Марат аккуратно отложил пирог. Прошлёпал в дальний угол уже без бурчания. Алиса ёрзала в нетерпении, пока он возился с какой-то штукой, барабанив пальцами по коленкам. Сердце задрожало: *а вдруг не выйдет в этот раз? И не будет ничего? В прошлый едва-едва вышло...*

Но в углу зажужжало, из *штуки*, с которой возился Марат, ударил луч света, прошёл возле головы Алисы, и — на стене появилась дрожащая картинка.

Марат подошёл, сел рядом. Пальцы развернули свёрток, откусил от пирога. Алиса замерла, сжалась, уставилась в стену, где...

Раскинулось голубое небо. Проплывали огромные леса. Текли реки. Ходили люди в костюмах. Удивительные машины летали по небу. Ездили по дорогам. Огромные здания вздымались к небесам. Люди улыбались, смеялись, плакали... *Чудеса!*

Марат ел пирог. *Вкуснотища! Вот бы каждый день так!* Он бросил взгляд в угол, на насаженных на прутья ящериц...

Вздыхнув, отвернулся. Откусил от пирога. Зажмурился от удовольствия и не видел, как кусок пирога отламывается и падает на пол... *Вкуснота!*

Гудение смолкло. Картинки исчезли. Осталась пустая стена. Пирог закончился. Пальцы опустели.

Они сидели молча, неподвижно...

Потом Алиса вздрогнула, как проснулась, повернулась:

— Давай ещё! Ещё, ещё, ещё!

— Да ты это видела уже миллион раз. — Марат облизал пальцы. Увидел кусок пирога на полу. Вздыхнув, подобрал, сдул мелкий мусор. — Ну вот...

Закинул в рот, с удовольствием прожевал. Рядом раздался голос Алисы.

— Как прекрасно...

Марат облизал губы:

— Хорошо. — Погладил рукой живот. — Но мало. Эх...

— Да! Давай ещё раз!

Марат посмотрел на неё, вздохнул. Но поднялся, ушёл в конец комнаты, там зажужжало.

И снова — протягивается луч света, и на стене появляются реки, леса, чистое небо, высокие здания... Алиса застыла. Марат огляделся: не свалились ли ещё какие крошки?

Жужжание смолкло. Луч света растаял во тьме. Исчезли прекрасные картинки. Стена стала обычной грязной стеной. Крошек пирога на полу не оказалось.

Они сидели в тишине.

— Как думаешь, это взаправду? — спросила Алиса. — Мир правда раньше был таким?

— Да ты спрашиваешь об этом каждый раз! — Марат вдруг вскинулся, внутри всё вскипело. — Думаешь, если скажу «да», он снова таким станет?!

Алиса смотрела, распахнув глаза. Марат стиснул кулаки, грудь разрывалась тяжёлым дыханием. Алиса опустила голову:

— Прости...

— Да что мне твои извинения! — взмахнул рукой Марат. — Толку! Пусть и было всё таким, — что с того?! Нет этого больше! Нет! А всё, что есть, — лишь *руины!*

Марат пнул подвернувшуюся банку, та улетела в другой конец комнаты, грохнула о стену, упала, подняв кучу пыли.

— У тебя хоть семья есть, — голос Марата дрожал. — Ты каждый день есть можешь! И пироги! А тебе всё мало! *Мир сказочный подавай!*

Алиса вжалась в диван, пальцы вцепились в обивку. Марат с яростью ткнул пальцем в сторону окна:

— Вот он — мир, а не эти картинки!

— Но ведь красиво... — тихо начала Алиса.

— Конечно, красиво! — закричал Марат. — Хотела бы жить в таком мире?! Да?!

Алиса молчала и кивнуть не смела. Откуда-то появился страх, сдержал готовое вырваться «да». Лицо Марата перекосило, злобное, красное:

— А знаешь, чего я бы хотел?! Да просто оказаться на твоём месте! Есть досыта, с семьёй! А не быть здесь! У тебя — всё есть! А ты недовольна! *Ах, если бы и у нас росли зелёные деревья! Ах, если бы и у нас текли такие реки! Ах, если бы и у нас были такие здания!* — закривлялся Марат. — Думаешь, мир и правда был такой?

Алиса закусила губу. В горле застрял комок, першило, слёзы подступили к глазам.

— Здания! Реки! Леса! Нет ничего этого, нет! — кричал Марат.

Алиса сильнее вжалась в диван. В затылке пульсировало, будто от боли. Никогда прежде не видела его таким.

— А это всё, — палец Марата ткнул в дальний угол комнаты. — Всё это ложь! Ложь! Фальшь! Этого ничего нет! Нет! И не будет!

Он сорвался с места, пронёсся в другой угол, перевернул на бок *штуку, показывающую картинки*, принялся топтать ногами.

— Нет этого! Нет! И не будет! Уже никогда!!!

Истошные крики заполнили тёмную комнату. Алиса ощутила, как сердце сдавило тисками. В горле першило, щёки стали мокрыми. Силуэт Марата, топчущего ногами *ту штуку*, расплылся.

— Ты прав... — язык едва ворочался во рту. — Прости... Я пойду!

Она выбежала наружу.

Марат застыл, повернулся, тяжело дыша, лицо усыпало потом. Вышел — Алиса уже вскочила на велосипед, крутанула педали.

— И не возвращайся! — закричал он ей вдогонку.

Алиса крутила педали, слёзы душили, лились из глаз, закрывая дорогу.

Марат стоял на крыльце, смотрел, как фигурка Алисы становится меньше, потом вовсе исчезла.

Он сплюнул, вернулся в дом. Тихо. Темно. Обломки проектора в углу. Пара ящериц на прутьях у стены. Мусор. Разруха.

— Небо ей подавай! Леса! Картинки! — Марат прошёл в угол и принялся топтать груды обломков. — Всё равно это ложь! Ложь! Нет этого! Нет! И не будет!

Обломки под ногами скрипели, трещали, крошились. Гнев ушёл. Испарился.

Вытерев пот со лба, Марат остановился. Оглянулся.

Белым пятном света в тёмной комнате валялся забытый платок, принесённый Алисой. На нём ещё остались крошки. Марат взял платок, сел. Принялся снимать крошки, одну за другой отправляя в рот.

Сидел, уставившись в пустую тёмную стену. Теперь она всегда будет такой. Не будет этих *фальшивых картинок*. Ни лесов, ни рек, ни высоких зданий, ни смеющихся людей, *никаких больше лживых картинок*... Ничего. Только этот мир и разруха.

Он вдруг понял, что плачет.

*Александр Васькин*

## Он не умел дружить с начальством

Так вышло, что я был последним в декабре 2012 года, кто пришёл к Константину Ваншенкину в гости за три дня до того, как «скорая» увезла его в больницу. На этот раз окончательно. Ничто не предвещало столь близкого и стремительного ухода. Он был бодр, что называется, и полон творческих планов, насколько это возможно в таком весьма преклонном возрасте. Да и вообще, настроение в преддверии дня рождения — 17 декабря — было приподнятым. Он вдруг сказал: «А хотите, я прочту новое стихотворение?» И стал читать:

И наступил последний тур...  
Писатель был из тех натур,  
Отважных и ранимых,  
Кривясь, оканчивал свою  
Хвалимую галиматью  
Из быта псевдонимов.

Ещё не тронул щёки мел,  
Но мозг почти окостенел,  
И дело было худо.  
Ему казалось: по прямой  
Он возвращается домой  
Или уже оттуда.

Сквозь жизнь былую напролом,  
Подумать только — за рулём! —  
Добравшийся до дому...  
Он всё же был почти везуч —  
Из зажиганья вынул ключ  
И провалился в кому.

---

*Васькин Александр Анатольевич* — писатель, культуролог, историк. Родился в 1975 году в Москве. Окончил Московский государственный университет печати. Автор множества публикаций и книг. Печатался в журналах «Новый мир», «Нева», «Урал» и др. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов. Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2025, № 6.

«О ком это, узнали?» — спросил Ваншенкин. «Об Аксёнове, наверное?» — «Да, верно, и его романе “Таинственная страсть”...» Обычно в разговорах, перебирая оставшихся коллег-сверстников, пребывавших преимущественно в разбитом состоянии, не позволявшим им даже взяться за перо, не то что сидеть за столом, он неизменно добавлял: «Бедняга...» Это относилось к весьма известным его собратьям. И тем, кто моложе. Так горевал он в 2009 году и по поводу болезни особо привечаемого им Василия Аксёнова: «Как ужасно! В состоянии овоща. Парализован». А чуть прежде Ваншенкин удручённо оценивал последние романы Аксёнова, давая им отнюдь не восторженные характеристики. Теме постепенного исхода коллег — и творческого, и физического — посвящено стихотворение, написанное ещё в 1993 году:

На пути небывалом,  
Где укрыться нельзя.  
Как-то сразу, обвалом,  
Одрыхтели друзья.

Что ж, обычное дело.  
Но как общий запой:  
Большинство поглупело, —  
Хоть ты волком завой!

Константин Яковлевич не предполагал, что сам когда-то «будет долго валяться без движения». Трудно было ему представить, что и с ним может произойти нечто подобное. «Нет, уж лучше сразу, как солдат», — повторял он. Так и вышло. Он не мучился. И 15 декабря, не дожив двух дней до 87-летия, покинул этот мир. На этот раз здоровья, которого привычно желали, поднимая за него тост, зстарому поэту не хватило. А на подобные тосты он традиционно отвечал: «Спасибо! Это мне не помешает!» Иссякающее здоровье ему помогало поддерживать дочь Галина Константиновна, заменившая отцу и сиделку, и медсестру.

Как-то я застал у Ваншенкина критика Андрея Михайловича Туркова, они приятельствовали. Связывало их не только фронтовое прошлое. Турков жил неподалёку, на Ленинском проспекте. Он уже натягивал пальто в узкой, словно пенал, прихожей. Закрыв за критиком дверь, Ваншенкин пошутил вслед ушедшему: побежал в больницу! Слово «побежал» произнесено было в ироническом ключе, ибо Турков слегка прихрамывал (военное ранение сказывалось). Константин Яковлевич добавил, что его приятель не болен, отнюдь, а просто, по обыкновению, пошёл навестить их знакомого прозаика. И что вообще Турков на редкость тщательно и бережно относится к попавшим в санитарные условия коллегам, аккуратно и точно навещая их. Что он неизменно и точно посещает могилы давно скончавшихся классиков, например, Александра Твардовского, даже не смотря на мороз. Приносит гвоздики. А ещё ведёт панихиды в Центральном доме литераторов. При этом лицо Константина Яковлевича вдруг приняло серьёзный вид: «Но ведь такие люди тоже нужны, правда? Наверное, когда я помру, он и меня проводит в последний путь». Это было сказано опять с улыбкой. Как в воду глядел Ваншенкин: Турков действительно возглавлял эту печальную церемонию, очень достойно проводив покойного в последний путь.

Именно Турков позвонил мне, когда пришла пора ехать на Ваганьково: нужно было перед печальным обрядом посетить сей погост, убедившись, что на этот раз место последней прописки Ваншенкина не изменится. Дело в том, что обычай хоронить на третий день соблюден не был. Сначала довольно быстро выделили место

на Троекуровском кладбище. Но одна крупная политическая партия оспорила этот выбор, открыто высказавшись, что для такого выдающегося поэта можно подыскать кладбище более престижное. Неделью искали. А суть проблемы состояла в том, что отменять уже принятое чиновниками решение было не принято. Время тянули и тянули. Покойный находился в морге. Желая ускорить подписание соответствующего решения, что только не делали, даже звонили Кобзону, но тот лишь разводил руками. Вероятно, влияние его при новом мэре сошло на нет. Оставалось день за днём ждать, когда нужная бумажка дойдёт до порога самого главного кабинета, где давали особое разрешение на захоронение. И когда это случилось, для всех, вовлечённых в эту историю, наступило некое облегчение: наконец-то! Но странное чувство, согласитесь! Потому что вовсе не печальное и не соответствующее моменту. Так обычно говорят о тех, кто «отмучился».

Почему так долго всё решалось? Другой известный советский поэт, опытный в бюрократических делах, говорил: «У бумаги должны быть ноги». У той бумаги, что открывала путь на Ваганьковское кладбище, надо полагать, «ног» не было. Нужен был кто-то очень солидный и уважаемый, чтобы позвонить куда следует и ускорить процесс. Сказать, мол, «ну как же, уж пять дней прошло, а человека никак похоронить не можем. А он такой заслуженный, дважды лауреат Госпремии, фронтовик» и прочее. А главное — автор стихов к таким песням как «Я люблю тебя, жизнь», «Алёша», «Вальс расставания», «Женька», «За окошком свету мало», «Как провожают пароходы», «Обучаю игре на гитаре» и т.д.

И сам Ваншенкин не был частым гостем в кабинетах власти. И даже супруга однажды укорила его: «Ну подари свою книгу такому-то начальнику, ведь пойдёшь в кои-то веки на приём... Подари». И, действительно, жалко, что ли? Да любой директор с радостью примет в подарок сборник стихов популярного поэта, да ещё и добавит с благодарностью: «Мол, поём ваши песни, дорогой Константин Яковлевич! За столом поём, всей семьёй! Вот буквально вчера на дне рождения...» Но Ваншенкин не пользовался такой возможностью, говоря при этом, что вот Винокуров, напротив, носил с собой на всякий случай несколько книжечек, чтобы при случае надписать и преподнести. А Ваншенкин не носил...

Но это не говорит о том, что Константина Яковлевича не любило начальство. Наоборот, начальство о Ваншенкине периодически вспоминало. Например, его приглашали на приёмы в Кремль 9 мая, поздравляли на 23 февраля. А однажды один крупный политический деятель приехал прямо к нему домой с цветами, к праздничному столу. И в подъезде была небольшая суматоха: чиновнику полагалась госохрана со всеми специфическими особенностями. Поскольку визит предполагал телесюжет в новостях, в квартиру ввалилась ещё и компания журналистов с камерами. Константин Яковлевич с юмором рассказывал, как помощница политического деятеля всё пыталась пристроить его портрет на стену, чтобы попал в кадр. И тогда телезрители, дескать, увидят, как любит поэт Ваншенкин этого политика, что даже его фотографию держит под рукой.

Но то ли возможности той политической партии были не безграничны, то ли ещё что-то, но похоронили Ваншенкина далеко не на третий день. И вот звонит Турков: не могли бы вы завтра поехать с дочерью поэта за разрешением на погребение в мэрию, а оттуда на Ваганьково? Я бы сам поехал (это в 88 лет!), — объяснял Турков, — но завтра панихида в ЦДЛ: провожаем вдову писателя, усопшую на 96-м году жизни, и мне вести эту панихиду. Фамилия вдовы не запомнилась, помню только, что дни стояли на редкость морозные. Мне сразу вспомнилась характеристика Ваншенкина,

данная своему приятелю Туркову. Так всё и вышло. А на Ваганьковском кладбище место подобрали хоть и далеко от входа, но хорошее, у т.н. кремлёвской стены, за которой сразу начиналась железная дорога.

Так и опустела его комната, где время, казалось, остановилось когда-то очень давно. Всё лежало на своих местах, как и десять, и двадцать лет тому назад. За окном по-прежнему раздавались трамвайные трели да ещё редкие сирены. А поэта уже не было. Справа — во всю стену специально сработанный книжный шкаф. Слева от окна — стопки журналов едва ли не до подоконника. Не было такого литературного журнала, где бы не публиковался Ваншенкин в разное время, а впервые — в 1950 году, будучи студентом Литературного института. Авторские экземпляры он аккуратно складывал, получались башни, сильно пожелтевшие. Рядом старинный сервант с антикварной посудой и «Гладилицей» Сидура наверху. Вероятно, этот сервант угодил в стихотворение, ставшее романсом:

В маленькой комнате,  
Возле серванта,  
Ужином кормите  
Вы лейтенанта.

Он от учёбы  
Часы отнимает.  
Впрочем, ещё бы! —  
Он вас обнимает.

Музыку написал Ян Френкель, с которым они крепко дружили. Ваншенкин с некоторой мягкостью произносил фамилию композитора, не через «э», а через первое «е»... «Его супруга Наташа призналась, что Ян очень вырос после знакомства со мной. Несмотря на свой высокий рост. Он стал много читать. У него обнаружился удивительный вкус к литературе. С ним было интересно разговаривать. Дня не проходило, чтобы мы с ним по телефону не говорили. Мы были очень близки духовно. А какие Ян сочинял песни! “Калина красная” — ведь её считали народной! Евгений Светланов написал симфоническую поэму памяти Василий Шукшина, использовав мелодию Френкеля. Устроил громкую премьеру. Светланов думал, что у песни нет автора! И вдруг ему сказали, слишком поздно сказали, что песня не народная и автор есть. Это — Френкель! Ситуация возникла неловкая. И вот встречаются после этого Светланов и Френкель где-то в коридоре, чуть ли не в Союзе композиторов. Я у Яна спрашиваю: ну что Светланов сказал? Сказал “привет” и прошёл мимо. Как мимо? Вот так! А ведь он должен был сказать: “Ян, какую замечательную музыку ты сочинил!”» — рассказывал Константин Яковлевич. О своём друге Ваншенкин написал в 1990 году такие строки:

Сколько пили с Яном  
В разные года,  
Не видал я пьяным  
Яна никогда  
От вина, положим,  
И не от вина.

Впрочем, из фотографий друзей Константина Яковлевича в комнате присутствовало изображение лишь одного из них. На двери кнопками когда-то очень давно прикрепил Ваншенкин афишу с вечера, посвящённого Марку Бернесу. Само собой, что вечеров этих было немало и название им давали, как правило, традиционное: «Я люблю тебя, жизнь». Это Бернес и придумал сделать песню, ставшую визитной карточкой для всех троих: поэта, композитора Эдуарда Колмановского и певца. В 1970 году Ваншенкин посвятил памяти Бернеса стихотворение:

В покое кунцевской больницы  
Ты трудно спал на склоне дня.  
Вдруг слабо дрогнули ресницы.  
Ты ясно глянул на меня.  
— А, здравствуй, — вымолвил устало.  
Вновь погружаясь в сумрак свой.  
Где колебалась, трепетала  
Жизнь на отметке нулевой.

Неудивительно, что сам Ваншенкин был не в восторге от того, что досужие журналисты связывали его творческую биографию исключительно с одной-единственной песней. Будто, кроме неё, он ничего больше не написал. Как-то он поведал о своём разговоре с ленинградским композитором Александром Колкером. Тот подивился скромности Ваншенкина. «Да если бы я написал “Я люблю тебя, жизнь”, я бы открывал ногой дверь в любой начальственный кабинет!» — сказал Колкер. Но дело не только в скромности, причина глубже.

Ваншенкин был человеком удивительной внутренней свободы. Хорошо зная себе цену, он был самодостаточен. Ни машины «Волги», ни дачи в Переделкине или в Красной Пахре, ни кабинета в Союзе писателей и прочих атрибутов успешного советского литератора — ничего этого у Константина Яковлевича не было. Почему? «Мне надо стихи сочинять, а не гаражом заниматься», — отвечал поэт.

Столетие Константина Ваншенкина в 2025 году отмечено не только выпуском почтовой марки — на ней двадцатилетний десантник уже с двумя медалями, сержантскими лычками и ещё пышной шевелюрой. Словно тот самый бывалый солдат из стихотворения 1966 года:

Атакой поутру мы старый замок взяли,  
Где неостывших гильз мерцала тускло медь.  
Я в бледных зеркалах себя увидел в зале  
И тихо подошёл, чтоб лучше рассмотреть.  
Распахнута шинель с оторванной полою.  
Царапина на лбу. Я не узнал себя.  
Лишь глубоко в глазах то давнее, бывшее,  
Тот, кем я был. Но кем уже не стану я.

На соседних почтовых марках квартблока — фронтовики Евгений Носов, Пётр Тодоровский и, конечно, Евгений Винокуров. Так судьба вновь свела их. Как и при жизни, фамилии этих двух поэтов произносили вместе:

Нас в продолжение лет  
Критики путали.  
Женщины, кажется, нет.

А ещё прошла интересная выставка в Государственном литературном музее, в его филиале на Спиридоновке — мемориальной квартире Алексея Толстого. Небольшая комната будто вместила всю жизнь Ваншенкина. Вот аттестат о среднем образовании. Одни пятёрки. Неужели он был отличником? Верится с трудом. Секрет мне раскрыла дочь поэта. Ещё в феврале 1943 года Народный Комиссариат просвещения РСФСР издал приказ «О выдаче аттестатов учащимся рождения 1925 года, призванным из 10-х классов средней школы в 1942/43 учебном году в ряды Красной Армии». Аттестаты об окончании средней школы выдавали ровесникам Ваншенкина без экзаменов, лишь на основании оценок успеваемости за первое полугодие 1942/43 учебного года. Его призвали в 17 лет из города Люберцы, где он учился в 10-м классе. После второй четверти, отправив в военное училище на станции Лобня под Москвой. А кто там будет разбираться, как учился призывник? Потому в аттестате одни пятёрки. Кстати, этот аттестат убедительно доказывает, что никакого якобы литературного псевдонима у Ваншенкина не было, опровергая «утку», запущенную в своё время одним литератором.

В архиве Государственного литературного музея нашли место трогательные записочки Константина Ваншенкина, адресованные его жене Инне Гофф: «поплёлся в булочную» или «вышел по делу». И везде им пририсован «фирменный» усатый кот с хвостом-трубой. Булочная была рядом, как и кинотеатр «Прогресс», разделявший два похожих друг на друга кирпичных дома, где обретались поэты, прозаики, критики, переводчики, драматурги. Много их было здесь, и невозможно не столкнуться у подъезда, в лифте или у почтового ящика, забирая потоком идущие к литераторам письма со всей читающей страны. В 1957 году Константин Ваншенкин справил новоселье в доме 15 по Ломоносовскому проспекту, дважды переезжая из одной квартиры в другую. Им с женой полагалось по отдельной комнате как членам Союза писателей. Сначала была двухкомнатная квартира, затем трёх-, наконец, четырёхкомнатная, где уже нашлось место и дочери, и внучке. На большой кухне — не раз поэт жарил картошку, любимое своё блюдо.

Ваншенкин как-то рассказал такой случай: приехали советские писатели в Китай, привели их в ресторан. Спрашивают: кто что будет заказывать? Тут все на радостях заказали себе национальные блюда. Никто же раньше в Китае не был. Кухня там вкусная, но специфическая. И лишь один Ваншенкин попросил принести картофель по-французски. Другие члены делегации лишь усмехались: картошка в китайском ресторане! Но когда остальным принесли то, что они пожелали, многие съесть это не смогли. И стали на Ваншенкина показывать — мол, и нам, и нам тоже картошку несите! А им и говорят: нет, дорогие товарищи, ваши блюда уже на столе! Приятного аппетита! Рассказывая подробности того визита в китайский ресторан, Константин Яковлевич расплывался в улыбке.

А вот ещё один архивный документ: его же цветной рисунок высотки гостиницы «Украина», в жилом корпусе которой до переселения на Ломоносовский проспект жила молодая семья Константина Ваншенкина и Инны Гофф. Рукописи поэта, фотографии, личные бумаги и документы ныне сосредоточены в двух архивах: РГАЛИ и Гослитмузея имени Даля. А ещё личные вещи — но одна из них всё же

не перекочевала в фондохранилище, а волею судьбы попала ко мне уже после кончины поэта. Это большой рог для вина с надписью золотыми буквами: «Константину Ваншенкину от Кайсына Кулиева», — подарок к пятидесятилетию. С Кулиевым они дружили. Когда-то этот рог украшал комнату поэта на Ломоносовском.

В последние годы у Ваншенкина одна за другой выходили новые книги: «Шёпот. Интимная лирика», «Фронтальная лирика», «Вернувшийся».

Я помню, как тщательно составлялись эти сборники. Остались у меня и рукописи некоторых стихотворений. А вот листочек с рифмами, написанными убористым ваншенкинским почерком:

Потёрта — пятёрки  
Заколку — за холку  
Поросята — полосата  
Выпекла — выпукло  
Рядышком — ядрышком  
Примусе — примеси  
Комнате — кормите  
Перестали — пьедестале  
Позах — посох  
Перебраться — панибратство  
Подлец — подлез  
Паперть — память  
Помада — помята  
Обиды — обиты  
С дерев — стерев  
Поскорей — постарей  
Надвое — наглая  
Фабула — падала  
Погибла — повидла  
Во лесок — волосок

Глаз у поэта был острый, даже в старости. Опечатки видел сразу. Гордился этим. Вычитывая присланные гранки, находил пропущенные корректорами ляпы. А те удивлялись: ну надо же! А чего удивляться? Ведь свои стихи он знал наизусть.

Не удручали ли старого поэта мизерные тиражи его новых книг? Тысяча экземпляров, ну две... И продавалось это довольно долго. На это он отвечал так: да, было время, когда стихи издавались сотысячными тиражами. И его в том числе. Такова была эпоха. Стихи читали на стадионах перед многотысячной аудиторией. Бывало, заходит он в книжный магазин на Ленинском проспекте, а «девочки-продащицы» говорят: «Уже тысячу экземпляров вашей новой книги продали до обеда, Константин Яковлевич!» Было это и в шестидесятые, и в восьмидесятые годы. «Тысячу, представляете?! — повторял Ваншенкин, — всего за несколько часов! А сейчас тысячу будут продавать три года, и ещё останется!»

Он говорил, что сотысячные тиражи поэтических сборников — это ненормально. Это что, столько любителей поэзии у нас? Это же китч, мода. Настоящих ценителей поэзии не может быть много. Как и истинных знатоков живописи. Потому что нет в массовой культуре подлинного понимания сути искусства. Но к этому мнению Константин Яковлевич пришёл уже на закате жизни. А до этого у него ежегодно выходило по два-три сборника стихов. Первый был издан в 1951 году — «Песня о часовых».

Какие только названия не давал он своим книгам! И выбирал преимущественно лаконичные: «Подарок», «Весна», «Портрет друга», «Волны», «Надпись на книге», «Солдатская судьба», «Окна», «Армейская юность», «Большие пожары», «Другу», «Зеркала на плацу», «Повороты света», «Во второй половине дня», «Непонятливая Лица», «Соловьиный коридор», «Опыт», «Станция», «Десантники», «Поездка к другу», «Прикосновение», «Характер», «Как соловей лета», «Костры воспоминаний», «Лица и голоса», «Дорожный знак», «Десятилетье», «Поздние яблоки», «Ветка», «Городской мотив», «Жизнь человека», «Родня», «Его опасные пасы», «Примета», «Графин с петухом», «Далёкий свет», «Зимняя дорога», «Любовь по переписке», «Замена спектакля», «Ещё одно десятилетье», «Музыка из окна», «Ночлег», «Летом в Воскресенске», «Волнистое стекло», «Женщина за стеной», «Поступок».

Кроме стихов изданы две книги мемуаров, в т.ч. «Писательский клуб». Последняя книга при его жизни вышла в 2010-м.

Шестьдесят лет издаваться — редкий прижизненный стаж поэта! И что бросается в глаза — ни в одном из названий нет «Я люблю тебя, жизнь!» или «Алёша». Почему? Вопрос вопросов! Так же, как и его нежелание носить свои награды хотя бы на День Победы.

Из современных, но более молодых поэтов, ценимых им, называл Ваншенкин две фамилии: Геннадий Калашников и Геннадий Красников. Высоко отзывался об их стихах. А неизменное раздражение вызывал известный поэт, почти ровесник. Какое бы время года ни стояло на дворе, Константин Яковлевич, приводя пример «чудовищной пошлости в поэзии», упоминал его фамилию, не удивляясь его популярности, а лишь констатируя факт: каково время, таковы и кумиры. «Всё рухнуло, что же вы хотите...» — повторял он при этом.

Как-то привычный натюрморт на его круглом столе, накрытом по случаю, оказался разбавлен новым, ранее не виданным напитком: коньяк «Белый аист». «Это Ион Друцэ подарил, ему из Молдавии присылают», — пояснил Константин Яковлевич.

Писатель и драматург Ион Пантелеевич Друцэ жил в доме напротив. Выступая на панихиде в ЦДЛ, он сказал, что Ваншенкин жаловался на одиночество. Но, скорее всего, речь шла вовсе о другом. Как раз о том, что выражено в стихах:

Постепенно ветру всё трудней  
Пробивать туманов оболочку.  
Постепенно яркий круг друзей  
Сузился и превратился в точку.

Точка — это сам Константин Ваншенкин, переживший своих друзей: Булата Окуджаву, Юрия Трифонова, Эдуарда Колмановского, Яна Френкеля, Марка Бернеса, Виктора Некрасова и многих других.

Ваншенкин был с большим чувством юмора. В 2009 году поэту присудили Горьковскую литературную премию, среди награждённых оказались Валентин Курбатов, Владимир Орлов и я, грешный. За премией велели приходить в такой-то день, в назначенный час на Воздвиженку. В тот самый дом, известный по роману «Война и мир» как дом старого князя Болконского, деда Льва Толстого. Стоял март, рано темнело. Одним из учредителей премии был «Фонд развития русского языка». Константин Яковлевич приехал на церемонию раньше, я застал его стоящим на улице и несколько растерянным. Спрашиваю: «Что не заходите?» Он: «А куда? Не могу найти

вывеску “Фонд развития русского языка”. Где вывеска?» Мы бы ещё долго блуждали вокруг внушительного здания, если бы не встретился другой лауреат, ранее уже там бывавший. Вывески действительно не было. И тогда Ваншенкин пошутил: «Вы знаете, мне кажется, что мы как будто в Киеве: конспирация! Там тоже вряд ли могла бы висеть такая табличка». Напомню, что дело было в 2009-м году!

Однажды Ваншенкина пригласили в районную библиотеку на вручение памятной медали к очередному юбилею Победы. Собрали ветеранов. Старики узнали его, обрадовались, стали подходить, выражая свою приязнь и уважение. Один ветеран вдруг спросил: «А как Вы к Иосифу Виссарионовичу относитесь?» Ваншенкин своего отрицательного отношения к Сталину не скрывал, буквально в двух словах высказав свою точку зрения первому встречному, на что услышал: «Только осёл пинает дохлого льва!» «Да сам ты старый осёл!» — ответил Ваншенкин. Определённая резкость в оценках была ему свойственна.

Первая серия — Ягода,  
Вторая серия — Ежов.  
И тот, и тот — враги народа.  
Один кровотокающий шов.

Третья серия —  
Лаврентий Берия.  
Но и тут Генсек —  
Главный дровосек.

Нет, не на лесоповале,  
Не в суде и не в подвале,  
А в кремлёвской тишине  
Сам с собой наедине.

Это было написано в 1990 году. Часто, весьма часто припоминал он годы послевоенной молодости, рассказывая о ненужности своего поколения, вернувшегося с фронта. Он и про себя говорил, что чудом выжил. И сколько друзей там потерял, помня их поименно.

В ту последнюю встречу в декабре 2012 года Ваншенкин вдруг вспомнил май 1945 года, как десантные части 9-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта после взятия Вены шли через Венгрию на Чехословакию, в том числе и его батальон: «Был такой случай. Мы едем. Вся компания человек десять, на подводах. Нас обгоняют. Мы обгоняем. Дороги хорошие. Немцы уходят на Запад лесами. К американцам, не вступая в перестрелки. А мы едем. И всякие были приключения. Мы, не заметив, вышли из Венгрии в Чехословакию. Границ-то нет, таможенных постов нет, ничего не понятно. И указателей дорожных тоже нет. А к Чехословакии была уже другая политика и отношение к братскому государству, которое мы освобождаем, а не побеждаем как Венгрию. Венгрия — это одно, а Чехословакия — совсем другое. И всякие насилия жутко пресекались. Например, реквизиция лошадей. Мы дуриком взяли в одной конюшне прекрасных лошадей — с белыми гривами и хвостами — впрягли в телеги. Вместо наших усталых коней... И вот едем. Прекрасная дорога. Ещё деревня. И кузница. А у нас лошадь расковалась. Мы остановились подковать. А одна наша телега с ребятами и чужими лошадьми вперёд уехала. Вдруг подкатывает виллис со старшиной и двумя сержантами-автоматчиками. Сразу к нам:

“Кто такие? Ваши документы?” И смотрим — с ними тот старик, у которого мы лошадей увели. Сержант грозно показывает старику на нас: “Они твоих лошадей взяли?” Тот обалдел от своей потери, и мы для него — все в пилотках — все на одно лицо. Ничего сказать не может. И лошадей не узнаёт. Сержант спрашивает: “Откуда лошади? Смотрите, под трибунал отдадим!” И я, единственный сержант среди нас, отвечаю: “Это наши лошади, полковые!” Наврал, значит. Старшина говорит: “Где остальные? Впереди?” Сел на виллис, и ходу. Искать поехал, догонять. А ребята наши, значит, заехали в другую деревню, остановились в доме. Там закрытый двор. И не видно их. Виллис так быстро почесал, что мимо проехал. Мы после до наших доехали — они нас окликнули. И мы в этом доме даже переночевали. А виллис так вхолостую и проездил.

Город Зноймо мы взяли 9-го мая. А 11-го мая впервые увидели союзников. Едем мы и едем. Уже мост, знаменитый мост через Влтаву. Река течёт далеко вниз. И там, внизу, ещё один мост подвесной. Тут нам навстречу едут на виллисах американцы: все такие здоровые, с закатанными рукавами. Все из Техаса, под два метра. И на обеих руках по несколько пар часов. Началось братание, то да сё, пьянка. Но они себя не очень уверенно проявили. Наш солдатик в обмотках и с котелком на ремне выпивал кружку спирта как ни в чём не бывало. А когда американец попробовал, то сразу лёг... Мы потом вместе с американцами патрулировали город Писек. Несколько раз меня фотографировали вместе с американцами. Они говорили, завтра фото принесём! Подарим! Ничего не принесли. Наверное, где-то в семейном архиве хранятся эти старые снимки».

Больше я Ваншенкина живым не видел. Через несколько дней, листая сборник «Примета», нашёл это стихотворение:

Сорок лет тому назад.  
Утро. Чешский город Зноймо.  
Чьи-то слёзы. Ранний сад.  
И — пуста моя обойма.

Не звучал пока приказ,  
А салют колеблет кроны.  
Но на случай, про запас,  
Всё же есть ещё патроны.

Мы не поняли тогда  
И потом не знали сами,  
Что тот день не на года —  
На всю жизнь случился с нами.

Просто слышали шрапнель,  
Ночью вздрагивали сдуру,  
Даже сняв свою шинель,  
Даже сбросив эту шкуру.

А тому поэту, творчество которого Ваншенкин приводил как пример «чудовищной пошлости», недавно памятник поставили в одном городе и доску прилепили на доме. Хоть и не фронтовик, и не к столетию. А самому Константину Яковлевичу доска не светит. Не умел он дружить с начальством. Слишком сложно нынче доску повесить — не менее, чем выбить участок на Ваганьковском...

*Евгений Абдуллаев*

## Августовский Толстой, сентябрьский Волошин

Литературная жизнь, между тем, движется по своему пестрому календарю.

27—29 августа в Ясной Поляне прошли очередные, уже тридцатые, писательские встречи. 13—20 сентября в Красноярске прошел очередной, уже двадцать третий, Волошинский поэтический фестиваль.

Две разные формы существования литературы: проза и поэзия. Два очень разных имени, которым эти события посвящены: Толстой и Волошин. Два разных стиля проведения.

Но не буду забегать вперед. Скажу вначале о том, что эти проекты объединяет.

Оба они возникли на волне перенастройки литературной жизни, начавшейся со второй половины 1990-х. Прежние, советские, формы ее организации были разрушены либо впали в длительный анабиоз. И стали возникать новые. Небольшие, почти авторские, проекты.

Одним из таких проектов стали писательские встречи.

В советское время в их организации особой нужды не было. Происходили они сами собой, в писательских домах творчества. Или на писательских семинарах, конференциях; площадок хватало.

В начале девяностых эти площадки исчезли.

В 1994 году директором Музея-усадьбы Льва Толстого стал Владимир Толстой, а уже через два года, в 1996-м, под эгидой музея прошли первые Яснополянские писательские встречи<sup>1</sup>.

Ясная Поляна при Толстом была меккой для писателей; кто только здесь ни побывал: Тургенев, Чехов, Бунин, Горький... И так, традиция возобновлялась. А с 2003-го, после создания премии «Ясная Поляна», встречи стали частью премиального процесса: на них происходило закрытое заседание жюри и определение списка финалистов.

Кроме прозаиков приезжают литературные критики, филологи, издатели. Под толстовской Веймутовой сосной встречались Фазиль Искандер, Андрей Битов,

---

<sup>1</sup> Кроме «Яснополянских встреч» стоит упомянуть «Переделкинские встречи», проводившиеся «Дружбой народов», с приглашением авторов из бывших союзных республик. К сожалению, прошли только две: в 1998-м и 2006-м. Но помнятся и сегодня.

Валентин Распутин, Владимир Маканин, Лев Аннинский, Игорь Золотусский, Валентин Курбатов... Из ныне здравствующих — Михаил Кураев, Дина Рубина, Сергей Гандлевский, Владимир Березин, Дмитрий Данилов, Илья Кочергин, литературоведы Игорь Волгин, Людмила Сараскина... Всех не назвать.

Первые годы по следам некоторых писательских встреч выходили сборники; с 2013 года их заменил ежегодный альманах «Текст и традиция», созданный и редактируемый Евгением Водолазкиным, ещё одним постоянным участником Яснополянских встреч.

В 2021-м появился новый проект: Школа критики имени Валентина Курбатова. Работает она пять-шесть дней в конце августа, накануне писательских встреч: два дня участники Школы и съехавшиеся в Ясную Поляну литераторы проводят вместе. Критики слушают выступления литераторов, общаются и даже играют с ними в футбол...

Школа увязана и с премиальным процессом. На мастер-классах обсуждаются книги, вошедшие в длинный список премии; а лучшие (на выбор мастеров) выпускники Школы привлекаются к работе жюри.

Так была построена и нынешняя программа.

С 24 по 28 августа проходили занятия в Школе литературной критики. Обсуждался ранний роман Толстого «Семейное счастье» (было дано задание сравнить его с каким-либо современным русским романом), и четыре текста из длинного списка «Ясной Поляны». Читались небольшие и не слишком академические лекции — в этом году мастерами школы были Павел Басинский, Алексей Варламов, Наталья Ломыкина, Александр Марков, Владислав Отрошенко, Татьяна Соловьёва и другие. В эту довольно плотную программу входило еще посещение дома Льва Толстого и просмотр недавней экранизации «Семейного счастья».

Впрочем, просмотр был 28-го, уже в последний день Школы, совпавший с первым днем Писательских встреч. Он же — день рождения Льва Толстого по старому стилю. С традиционной встречей под Веймутовой сосной (в этом году она была посвящена памяти трагически погибшего Евгения Чижова), выступлениями приехавших литераторов: Игоря Волгина, Сергея Шаргунова, Ксении Буржской, Нади Алексеевой...

Тема выступлений продолжала тему Школы. Игорь Волгин рассказал о семейных заботах Достоевского; Сергей Шаргунов, работающий сейчас над биографией Юрия Казакова, — о непростой личной жизни своего героя.

Этой теме был посвящен и следующий, второй и последний, день Писательских встреч. Читали отрывки из своих произведений, как опубликованных, так и еще находящихся в работе, Владислав Отрошенко, Евгений Кремчуков, Елена Холмогорова, Евгений Водолазкин, Вера Богданова, Илья Кочергин... Хотя в программе это было обозначено как «Писатели о семейном счастье», счастья в прочитанном было не слишком много. Что и понятно. Литература — начиная с истории о первой семье (Адама и Евы), — фокусируется на конфликте. Если счастье и присутствует, то только как его поиск; описание семейной идиллии, как правило, удается писателям редко.

Обсудили участники встреч и тему семьи в русской прозе начала 2020-х. Но рассказ об этом обсуждении уже выходит за пределы нынешней литературной хроники. Как-нибудь в другой раз. Перехожу ко второму событию — Волошинскому поэтическому фестивалю.

Волошинский фестиваль тоже возник в свое время вокруг дома-музея — Волошинского, в Коктебеле. Но автором идеи и бессменным руководителем проекта

выступил всё же не крымский, а московский поэт и литературтрегер Андрей Коровин. Именно он, заручившись поддержкой дома-музея Волошина и Союза российских писателей, многие годы организовывал в Коктебеле поэтический фестиваль. Как и в случае с Яснополянскими встречами, фестиваль вскоре прирос конкурсом, премией (последние годы, увы, не вручается) и мастер-классами — и для поэтов, и для прозаиков. И множеством других сопутствующих действ: выездными чтениями в ближайшие к Коктебелю города и веси, презентациями новых изданий, концертами...

По сравнению с Яснополянскими встречами, Волошинские всегда были более шумными и «расслабленными». Возможно, потому, что в Ясную Поляну приезжали прозаики, а в Коктебель — в основном поэты («существа легкие, крылатые и священные», по определению Платона). Сказывалась и история места. В Ясную Поляну ездили именно к Толстому, в духовное паломничество. В Коктебель же приезжали не столько к Волошину, сколько к морю, друг к другу, к той божественной, безымянной и дружелюбной обстановке, которая царила в доме при жизни поэта. «Славные ребята, надо только их обобормотить», — говорила, встречая гостей, мать Волошина. (Представить нечто подобное в устах Софьи Андреевны невозможно, хотя старше Волошиной она была всего на шесть лет.) И этот дух «обобормочивания», поэтической вольницы вполне ощущался и на Волошинских фестивалях.

Последние годы фестиваль поменял локацию — стал перемещаться по России: Казань (2022), Калининград (2023), Махачкала (2024). В нынешнем году — Красноярск.

Что, в общем, логично.

Если в нулевые заметных поэтических фестивалей было даже где-то с избытком, то к началу 2020-х почти все они исчезли. Биеннале поэтов в Москве, «Киевские лавры», минский «Порядок слов», екатеринбургский «ЛитератураРентген», «Фестиваль поэзии на Байкале», калининградское «СлоWWWo»... «Волошинский», пожалуй, единственный из сохранившихся — и сохранивших свой изначальный импульс. И в нынешнем своем «странствующем» качестве он в какой-то мере подхватывает важную функцию этих угасших фестивалей. Служить сохранению единого пространства, на котором могут встретиться поэты и метрополии, и регионов (причем разных), и поэтического зарубежья.

Связь с Коктебелем, впрочем, не потеряна: нынешний фестиваль начался с телемоста с домом-музеем Волошина. Да и погода все дни фестиваля была солнечной, а под конец даже немного жаркой — словно подражая крымской. И программа, как и прежде, была насыщенной. Мастер-классы для поэтов и прозаиков (Максима Амелина, Светланы Василенко, Вячеслава Куприянова, Артёма Скворцова...), поэтические чтения и встречи с читателями.

Мне больше всего запомнилась встреча в красноярском Литературном лицее, где мы побывали вместе с бразильским поэтом и переводчиком Астьером Базилио. Лицей — еще один из «авторских проектов» конца 90-х. Создан при поддержке Виктора Астафьева, по инициативе другого известного красноярского литератора, Романа Солнцева (в короткой экскурсии по лицейу нам показали его мемориальный кабинет). Есть здесь и свой литературный кружок. Ведет его преподаватель лицея, детская писательница Елена Тимченко; она же редактирует еженедельное приложение к местной газете «Городские новости» — «Детский район». Выходит оно уже 23 года. Здесь же публикуются и первые пробы пера красноярских школьников. Вот, например, из небольшого эссе о грозе: «Гроза — мое любимое природное явление. ...В этом году не было ещё ни одной грозы, и я, на самом деле, ужасно соскучилась» (Даша Семёнова, лицей № 2, 10-й класс). А вот из рассказа о летних каникулах:

«Дача — такое магическое место, где время тянется медленно, а силы расходуются быстро» (Полина Сологуб, гимназия № 3, 11 класс).

На отдельном стенде — фотографии лучших выпускников лицея. Интересуюсь их дальнейшей судьбой. «Поступают в столичные вузы, — отвечает Елена Владимировна. — И, к сожалению, там, в Москве и Петербурге, и остаются». Обычная история... На самой встрече с лицеистами читались стихи: и на русском, и на португальском (с переводом). А уже после встречи, за чаем, Астьер Базилио рассказал об удивительной судьбе симоновского «Жди меня» во время Второй мировой в Бразилии. Хотя переведено стихотворение было не полностью и свободным стихом, мгновенно стало популярным.

Обо всех встречах, конечно, не расскажешь. А они были не только в Красноярске, но и в Минусинске, и даже в Шушенском. Пресловутое Шушенское, место ленинской ссылки, оказалось удивительно живым и интересным. Влияние казенного ленинского культа совершенно не чувствуется; впрочем, именно благодаря ему когда-то удалось создать этот уникальный этнографический музей под открытым небом — фрагмент сибирской деревни конца позапрошлого века. Что касается условий, в которых будущий глава советского государства отбывал ссылку (активно занимаясь при этом переводческой деятельностью и неплохо ею зарабатывая), то они больше напоминают писательскую резиденцию... Хотя, конечно, упаси Бог от таких резиденций.

Завершить эти дорожно-литературные заметки чем-то итоговым сложно.

Два, как уже было сказано, очень разных литературных проекта, два разных стиля их реализации. Более камерный, семейный — в Яснополянских встречах, более мобильный — в Волошинском фестивале. Хотя и общих черт у них, как оказалось, немало.

Главное, наверное, их широта — и эстетическая, и мировоззренческая. Не всеядность — но открытость к разнообразию взглядов, мнений, тенденций. Если поэзия, то любых форм: и силлабо-тоника, и верлибр (два мастер-класса на Волошинском были посвящены им). Если проза, — то, опять же, в широком диапазоне жанров, приемов, оптик. В целом — направленность не на раскол, не на возведение между различными частями литературного поля рвов и заграждений. Трудная, уязвимая, но крайне нужная работа по сохранению единого пространства литературы.

*Александр Чанцев*

## Путь к Беатриче

Тебе, о Даля, зопарк рекомендую  
Сравнить я с книгой, где причудницы тапир.  
Католик-римлянин, я законоведу  
Премировать часиками верных терапий.

*Виктор Іванів. Ревизионизм*

*Этот выпуск рубрики знакомит с двумя необычными швейцарцами: врачом Адриенн фон Шнайр и издателем Титусом Буркхардтом. Первая была новой святой, второй — суфием и традиционалистом. Рассказ о них продолжает размышления Джеймса Фрэзера о магии, религии, интуитивном познании и стремлении к бессмертию. А также проявляет, объединяет и финализирует все те темы, о которых мы говорили в нашей рубрике все эти годы.*

### *На ступенях огромной лестницы*

**Джеймс ФРЭЗЕР. Человек, Бог и бессмертие: размышления о развитии человечества. / Пер. с англ. С.Бранда, В.Фролова. — М.: Альма Матер, 2024. 491 с.**

Новая, дотоле не переводившаяся книга Джеймса Фрэзера, автора «Золотой ветви» и иных сочинений, ловко балансирует между собственно научным сочинением и минимальным, но весьма неординарным и прозорливым изложением его взглядов по поводу оных. Нас будет интересовать второе. Что не согласуется как раз с его прогнозом — говоря о кратком веке книг, он прогнозирует, что «если наши труды и найдут место в кабинетах потомков, то скорее благодаря описанным в них причудливым обычаям и верованиям, нежели благодаря теоретическим рассуждениям. Не стоит забывать, что у книг, как и у людей, есть своя судьба и что подавляющему большинству из них рано или поздно суждено погибнуть».

Читать из наших дней его трактат любопытно, конечно, во многих аспектах. Так, он никак не склонен рассматривать всеобщее равенство, его, убежден Фрэзер, нет и быть не может. В духе гражданина той Британской империи, над землями которой никогда не заходит солнце, в пример он приводит чаще всего англичан и шотландцев, белых возводит на пьедестал, африканским народам отказывает в цивилизационном развитии. И в равенство верить отказывается, идею эту вообще

находит дурной: «Самого способного человека тянет вниз самый слабый и глупый, поскольку сам подняться не может. В таком обществе есть видимость равенства, однако это равенство мнимое, ложное — оно не способствует развитию общества». Отметим такие звоночки и обертоны его мысли, что сближают его с мыслью традиционалистов (равняться на лучших, стремиться вверх, а не плыть в болоте всеобщей уравниловки), к ним мы еще вернемся в другом ракурсе.

Что же касается «причудливых обычаев и верований», всякой экзотики и оригинальности, ради которых зачастую и берут подобные антропологические научно-популярные книги, то такого «контента» будет изрядно, это и есть главная тема. Фрэзер рассматривает в этой книге такие явления, как тотемизм, обычаи дикарей, появление экзогамии, запрет на инцест, групповой брак (и левират и сорорат как его пережитки), виды магии и табу, формы естественной религии («первая форма — поклонение природе, вторая — поклонение мертвым»), миграцию от магии к религии и затем к науке и многое, многое ещё. В каждом из этих разделов появляются так или иначе интересные осмысления. Так, например, науку Фрэзер считает отчасти продолжением магии: если раньше первобытный человек замечал какие-то природные закономерности и поклонялся им, то его более развитый потомок склонен их уже анализировать, работать с ними. Фрэзер вообще радуется неожиданными параллелями. Герберт Спенсер, обнаруживается, повторяет Эмпедокла: «Как и его греческий предшественник, английский философ считал, что материальная Вселенная проходит через периоды концентрации и рассеяния, строительства и распада, в зависимости от того, как попеременно преобладают силы притяжения и отталкивания». А дикари и современные ему академические круги, отмечает он, одинаково подходят к феномену смерти (о котором он много пишет): «Они расходятся лишь в том, что если дикари смотрят на смерть как на результат прискорбной случайности, то наши ученые считают её благотворной реформой, заложенной природой как средство приведения численности живых существ в соответствие с количеством пищи и потому способствующей усовершенствованию, а значит — и счастью всего вида».

Возникают по ходу изложения и более или менее далекие от основной темы, но весьма симпатичные и справедливые мысли. О том, что к идее Бога человек пришел «одним из двух способов: либо размышляя над устройством собственного разума, либо наблюдая над процессами природы». Фрэзер вообще размышляет над тем, что формирует мировидение человечества. «...Цивилизация — лишь тонкий слой шпона, который под воздействием непростых условий жизни вскоре истончается и стирается, обнажая твердую сердцевину язычества и дикости» (любопытный скепсис для английского джентльмена и ученого, которому следовало бы верить в поступательный прогресс и светлое научное будущее!). Однако «два-три поколения литературы могут сделать больше для изменения мысли, чем две-три тысячи лет традиционной жизни», а поэтам подчас дано знать больше<sup>1</sup>, подчеркивает он примат интуитивного знания.

Рассуждая страницами и главами про особенности и частности восприятия родственных уз, брака и жизни-смерти древними, Джеймс Фрэзер вдруг уходит в области высоких обобщений, прозрений и видений будущего человечества. А ему при этом можно верить, ведь он оказывается прав как в частности (предсказал возвышение Японии), так и в общих посылах-прогнозах, сбывшихся уже в наше время: «Старое представление о том, что принципы добра и зла неизменны и вечны, больше не выдерживает критики. Область этики так же, как и физический мир, подчинена закону непрерывных изменений, вечной информации и текучести».

Итак, Фрэзер проговаривает вдруг совершенно необычные вещи. Он исходит из убеждения, что никакого золотого века, синкретической гармонии человека и окружающего мира в прошлом не было, ведь никаких научных доказательств тому до сих пор не обнаружено. При этом он настойчиво призывает даже в далеком будущем развитии опираться на законы, сформулированные в не менее далеком прошлом. «Даже в самом, казалось бы, революционном постановлении всегда есть консервативный элемент, который зиждется на согласии общества ему повиноваться. Только тот закон, который в какой-то мере соответствует истории народа, может сформулировать будущее этого народа». И если не учиться, то учитывать нужно самое дальнее наследие: «И всё же из тех, кого мы обязаны помянуть добрым словом, многие, если не большинство, были первобытными дикарями. Так или иначе, наше сходство с ними всё ещё преобладает над отличиями. Тем, что у нас есть общего с ними и что мы сознательно сохраняем как истинно здоровое и полезное, мы обязаны нашим диким предкам, которые постепенно приобретали на опыте и передавали по наследству те кажущиеся теперь фундаментальными идеи, которые мы склонны считать оригинальными и интуитивными. Мы подобны наследникам состояния, которое передавалось из поколения в поколение на протяжении стольких веков, что память о тех, кто его стяжал, утрачена, а обладатели состояния в настоящее время считают, что оно было их изначальным и неотъемлемым от самого начала времени».

Эти высказывания вроде бы противоречат друг другу, но укладываются в более широкий контур его мысли. О том, что пред человечеством открыты бескрайние почти дали, если, конечно, человечество пойдет по более сложной, требовательной, взыскующей упорного труда дороге. В конце её и видится, как мираж, тот истинный прогресс, который в погоне за сиюминутными профитами склонны подменять прогрессом материальным и прагматичным. «Общество в целом, возможно, станет счастливее, но по тону оно будет мрачнее, по цвету — серее и однообразнее» (опять тема уравниловки и равенства).

Уже на самых первых страницах, в предисловии, Фрэзер постулирует принципиальную бесконечность эволюции, восхождения человека: «До сих пор мы всего лишь навсего<sup>2</sup> старались изучить некоторые фазы эволюции человека, и книга эта, так сказать, была призвана осветить для читателя несколько отдельных ступеней долгого восходящего пути человечества от дикости к цивилизации. Восхождение это ещё продолжается и, без сомнения, будет продолжаться, когда мы уйдем. Пункт назначения неизвестен, скрыт в туманах будущего». Можно догадаться, что во Фрэзере в данном случае глобальный мыслитель одерживает вверх над прикладным ученым, и эти туманные перспективы эволюции увлекают его больше, чем простые антропологические импликации. Он, как Тейяр де Шарден и Даниил Андреев, верит — может, подспудно, тайком от своих высокоученых коллег, в бесконечную, бескрайнюю эволюцию, что может радикально трансформировать человека, поелику он захочет и приложит усилия к собственному возвышению: «То есть мы не ходим по одному и тому же кругу: история человечества — не печальный круговорот чередующихся иллюзий и разочарований, это вечное колебание между верой и сомнением, между надеждой и отчаянием. Нет, все-таки есть прогресс, медленный, но ощутимый, который ведет нас от неизвестного начала к столь же неизвестной цели. Человечество, если можно так выразиться, стоит на ступенях огромной лестницы, что берет своё начало в тёмной бездне и ведет к высотам, освещаемым лучезарным и безоблачным днем. Нам, хрупким эфемерным созданиям, не дано ни исследовать эту жуткую бездну, ни взглянуть на головокружительную вершину. Мы можем лишь увидеть мельком

ступени этой лестницы у нас под ногами и понять, что человечество движется вверх, а не вниз». Наш британский академик-то — настоящий мистик! И вот, да, он подчас прозревает во всём божественную волю (из-за неё человечество пришло к экзогамии, запрету на инцест) и чаёт если не воскресения мертвых, то жизни вечной, победы над смертью. Это проговаривается в книге буквально в паре мест, но, кажется, проблема бессмертия волнует Фрэзера больше, чем сотни свидетельств о том, как туземцы Австралии воспринимали смерть своих сородичей и как они проводили погребальные обряды. Он «лелеет надежду, что всё-таки можно найти какую-то лазейку для выхода из стен тюрьмы, которая грозит закрыть и раздавить нас; что, блуждая в потёмках, человечество всё же сможет отыскать золотой ключик от дворца вечности и таким образом перейти из этого мира тьмы и печалей в мир света и радости». Жаль, что он не пишет о своих истинных видениях, а создает научный труд, который, да, и в фактических данных, и в выводах во многом устарел, снискать бессмертие точно не сможет...

А если же не выйдет с человечеством, то «не стоит забывать: органическая эволюция, как и великая космическая эволюция, не останавливается лишь на нас, вырождах этого племени. Она величаво будет идти от века к веку, создавая более совершенных существ, способных, в отличие от нас, понять истину». Что ж, аминь!

### *Безусловная, окончательная самоотдача*

**Ганс Урс фон БАЛЬТАЗАР. Первый взгляд на Адриенн фон Шпайр / Пер. с нем. О.Хмелевской. — М.: Издательство Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2023. 218 с.**

Выдающийся теолог Бальтазар в этой своей книге сам полностью на задворках и за кадром. То есть показывает то самое умаление себя, о котором мы и поговорим в связи с темами этой книги. Она же — свидетельство. О настоящей праведнице, той, которая жила совсем недавно, жила в миру, а была — почти святой (про вопросы канонизации судить мне сложно, возможно, это дело будущих времен).

Адриенн фон Шпайр (1902—1967), швейцарская католичка, была врачом (первой женщиной, допущенной к практике), мистиком и автором около шестидесяти религиозных книг. С Бальтазаром они долго общались и сотрудничали. Он готовил её к переходу в католичество из протестантизма, вместе они основали общину св. ап. Иоанна, если же обобщить, то — он был при ней верным другом, помощником и почти учеником. Так, книги записывал, прося диктовать ему, именно Бальтазар, он их издавал при её жизни и после, а ещё говорил, что и собственные сочинения писал под её влиянием (проще сказать — она вдохновляла его как живой пример праведнического служения). Кстати, удивительное и радостное дело — книги фон Шпайр, или Адриенн, как называет её Бальтазар, можно найти и на русском языке<sup>3</sup>.

Отчасти и для того, чтобы помочь только знакомящемуся с ней читателю разобраться во взглядах фон Шпайр, не испугаться этих многих теологических и мистических книг, Бальтазар и принялся за свою. Биография известна, и Адриенн заставили в своё время взяться за неё (доведена она, впрочем, только до молодых лет), и, вся в трудах обыденной, ежедневной праведности, довольно бессобытийна, никаких там яркостей, подобно участию добровольцем в войне, заточению и уморению себя голодом, как у Симоны Вейль, нет (а сравнение с Симоной напросится ещё не раз —

или со средневековыми святыми). Приводит Бальтазар и полную библиографию сочинений и старается кратко изложить взгляды фон Шпайр на самое важное в вере, включая для этого в книгу собственные высказывания, отрывки из произведений и её молитвы. При жизни вышло 37 книг из примерно 60, рецензий особо не было, как и некролога, а к оставшимся рукописям никто внимания не проявлял. «...Постепенно она поняла, что это её удел — при жизни говорить и работать в пустоту», — замечает с большой горечью Бальтазар. Что ж, это удел большинства писателей. Хорошо хотя бы, что «первый опыт страстей и ада» постепенно находит отклик после многих лет после её смерти, хоть так, мельницы Бога, как известно, мельт медленно.

Но мы присмотримся все же к биографии (первая треть книги), она в чем-то и архетипична, и уникальна. Из-за тяжелых родов её не любила собственная мать: один раз больному ребенку никто не приносил три дня даже воды, мать не признавала и противилась желанию дочери стать врачом (должна была получить более практическую профессию и выйти замуж за пожилого богатого клерка), а признала довольно поздно, после двух браков Адриенн с известными врачами<sup>4</sup> и подступающей собственной известности. Отсюда и эскапизм, сразу приходит на ум вульгарное психологическое объяснение? «За ежедневные выговоры со стороны матери ребенок получает тайную компенсацию <...> совершенно детское существование в Боге и для Бога, под руководством “ангела”», она начинает вести «безмолвную жизнь в Боге». Отчасти спасали дни пребывания у бабушки, которая разделяла религиозность внучки, во всяком случае, точно с ней не воевала: «У бабушки можно не думать о Боге. Ты просто находишься рядом с Ним, смотришь на него. И ты волен смотреть на Него, как пожелаешь. Дома тебя постоянно беспокоят. “Адриенн, стойте прямо! Адриенн, почему вы молчите?” Люди постоянно ворчат на тебя. <...> Меня предупреждали: осторожно! Будь внимательна! Бесполезно, через секунду я делала то же самое. Отец каждый раз бинтовал мне колени, смазав их предварительно йодом. Мне всегда казалось, что это должен делать Бог»<sup>5</sup>.

И свое служение она начинает тогда же, очень рано: хочет стать врачом, ходит с отцом в клинику, помогает там больным. Она помогает вообще всем, кому может и не может: шьет и вяжет с подружкой для бедных, а в классе, когда учитель спрашивает, кто совершил тот или иной проступок, всегда тянет руку и берет вину одноклассников на себя. Тогда же начали формироваться и некоторые противотечения: её внутренне отвращал протестантизм, она не переставала ощущать, что «Бог другой»<sup>6</sup>. А последующий переход в католичество был воспринят крайне враждебно: родственники и горожане отвернулись от Адриенн, и только то, что она была хорошим врачом и её кабинет был отзывчиво открыт всегда, постепенно примирило окружающих с её выбором.

И дальше идет то, что мы знаем по жизнеописаниям многих святых, духовидцев и людей, пришедших им на смену (им вослед) в новое время. Адриенн много болеет, многие боли останутся с ней навсегда, а потом, с 1940-х, их образуется полный букет: сердце, диабет, артроз суставов, отнимающиеся ноги, слепота. Болезни, с одной стороны, будто следовали её логике умаления себя, с другой — затрудняли служение, делали его настоящим ежедневным подвигом. Подобно Святой Терезе Иисуса, Адриенн фон Шпайр использует хотя и менее эротический, но всё ещё глубоко чувственный язык, что вообще отнюдь не редкость у католических святых. Она говорит о полном вовлечении тела и души в мистический опыт<sup>7</sup>, о страдании и соучастии в страданиях Христа, но, в отличие от Терезы, эротический контекст

Адриенн ослаблен в пользу материнского, жертвенного, врачебного. К ней приходят и видения святых, Богоматери, библейских сцен. Потом добавятся и стигматы<sup>8</sup>, появляющиеся на Страстную неделю: одна рана под грудью осталась на всю жизнь, а так она очень переживала, что стигматы увидят другие, решат что-то не то, она их скрывала, бинтовала и молила, чтобы они были поменьше. Проявлялся и дар предсказания — про смерть отца и первого мужа она знала заранее.

Адриенн много читает — тут не обошлось, кстати, и без русского следа: она зачитывалась Достоевским, учила русский язык. А так потом её круг чтения включал как Иоанна Креста и Фуко, так и детективы, и те психологические романы, что мы сейчас назвали бы и женскими.

К слову, не раз встречающиеся в книге Иоанн Креста и Тереза Авильская были в чем-то такой же парой XVI века, где мистический опыт и богословие переплеталось, как и сам союз Бальтазара и Адриенн. Хотя дуэт их и довольно ассиметричен, он предполагает взаимное обогащение до внутреннего единства: она — оракул, мистик, своего рода его «практическая мистическая лаборатория», он — богослов и интерпретатор, переживания фон Шпайр дополняли богословский разум Бальтазара, и это мистический союз нового образца, не алхимический брак, а своего рода соучастие, кенозис и понижение энтропии открытой системы до состояния идеальной. В конце концов, тома глобального и программного труда Бальтазара «Теодрама» и были посвящены теме снижения энтропии бытия (хаоса, греха, распада) через кенозис и воскресение до идеального состояния — Царствия Божьего, где любовь есть совершенный порядок.

Адриенн же талантливо играла, занималась каждый день по много часов музыкой, но бросила — семья не хотела оплачивать ей обучение на врача, она зарабатывала сама, безумной кучей частных уроков. И ничуть не роптала — посчитала музыку тоже своего рода платой за то, чтобы стать врачом и смочь, наконец-то, по-настоящему помогать людям. Во врачебном деле она видит живой опыт Бога. Жаль, в иных пластах жизни она, кто знает, могла бы стать Жаклин Дю Пре или Марией Юдиной...

Передавая её жизнь, звучишь на современный циничный взгляд как-то неестественно, будто бесплатные аляповатые брошюры о святых цитируешь. Но вот несмотря на очень непростую жизнь (а под конец было разное, вплоть до того, что по дому её перемещали санитары, сама уже не справлялась с лестницами и прочим), она всегда была в хорошем настроении и, признается, в досаде была только раз в жизни, после долгого вождения машины.

И ещё то, что не очень рифмуется с картиной нашего нового времени (или, в силу ужасов и боен века прошлого и нынешнего, как раз и монтируется?). Ей продолжают являться видения и святые. И если тут нужны какие-то доказательства, то есть и они: она иногда описывала жития тех святых, чьих имен и не знала (узнавал Бальтазар), а одно из явлений сопровождалось вспышкой такого яркого света, что в страхе отпрянул случайный прохожий рядом. Ещё она совершала «путешествия» — туда, где больше всего требовалось утешение (в концлагеря, например), или же туда, где в каком-то приходе какой-то священник плохо справлялся со своим служением. Эти дальние приходы где-то во французской глубинке она потом тоже описывала, и их узнавали.

Верить всему этому или нет, вопрос, как мне кажется, не столь даже важный. Важнее, что во всем этом проявлялся вектор её служения. А вот это уже самое главное. «Теория мистики, которую сформулировала Адриенн, сводится к одному утверждению: мистика — это особая миссия, особое служение в церкви, которое правильно

реализуется только в полном уходе от себя, самозабвении (она любила слово *effacement*<sup>9</sup>) и готовности слуги по отношению к Божьему слову». Вот это служение и тотальное самоумаление, как и у Симоны Вейль, это самое главное, тот стержень, на котором строилась её жизнь. Служение это бескомпромиссно и тотально: «Прежде всего, ясно: этот “мистицизм” — чисто “рабское” служение, лишённое всякой рефлексии над самим собой. Служение смотрит прямо на задачу. Поэтому это радикально антипсихологический, богословский мистицизм истории спасения. Мистицизм, который понимает себя только как харизму<sup>10</sup> в служении всей церкви». Разный мистицизм видели мы в XX веке, но вот такого, напроочь лишённого индивидуалистских коннотаций, очень редко. Это она и не то что проповедовала (вспомним, что её книги — это записи за ней в тот часовой перерыв в работе врачом, что она готова была выделить под это), но старалась донести. «...Серьезный христианин отдает себя бесповоротно, так что он не может “забрать себя назад”: либо в нерасторжимом брачном союзе, либо — в жизни евангельскими советами — с обетом, который в принципе так же нерасторжим». Это абсолютный, но при этом не строго зафиксированный, а живой союз человека и Бога: «Но между человеком и Богом не существует такого равновесия, которое можно достичь раз и навсегда. Человек должен снова и снова позволять Богу удивлять, обезоруживать и побеждать себя. И чем больше человек переживает и постигает безмерность Божьей любви, тем большими ему будут представляться требования, предъявляемые этой любовью». Или, как изрекает уже сама Адриенн в одной из приведенных её молитв: «Господь всемогущества и Господь бессилия, в Своей святости Ты открываешь все одновременно: и Свое всемогущество, которое способно побороть и направить каждого из нас, и Свое бессилие, которое зависит от любви и самоотверженности каждого из нас». А молитвенные медитации были крайне важны для нее, так, она оставила целую серию того, как видела молитвы других — святых, римских пап или современной ей Эдит Штайн, немецкого философа, католической святой, монахини-кармелитки, погибшей в концлагере Освенцим из-за своего еврейского происхождения: «Я вижу её ошупывающую, удивительную молитву, которая вначале выглядит как разговор, который ведет она сама, очень контролируемый. Она похожа на вопрос, который Эдит задает сама себе, не вполне осознанно полагая, что начатое ею предложение, возможно, не нужно заканчивать, что вопрос не нужно полностью формулировать, что, возможно, Бог может вмешаться в середине предложения...» Подобные видения, согласитесь, сильно отличаются от визий других мистиков, к которым являлись махатмы и сообщали об их исключительной роли...

Сама Адриенн, например, развлекала себя тем, что высылала милостыню абсолютно незнакомым нуждающимся и улыбалась, как те будут радоваться и гадать, вскрыв конверт с купюрами, от кого тот мог прийти.

Недаром и из всего Священного Писания ближе всего ей была Мать Божья. «Потому что Мария, в силу своего избрания, единственная способна в каждом акте согласия удержать вдали от себя всякое сознательное или бессознательное ограничение, каковое всегда вносит грешник, — она бесконечно открыта для бесконечного». Бесконечного служения, прежде всего, ответа Богу на его призыв. «Она абсолютно готова ко всему, к гораздо большему, чем то, что он может знать, выдумать или вообразить. С точки зрения Бога, это “да” — высшее достижение, возможное благодаря благодати: безусловная, окончательная самоотдача».

Болезни же и физическая немощь всё усиливались. Адриенн фон Шпайр почти ослепла под конец жизни, но продолжала писать письма своим духовным детям, подругам-монахиням и всем нуждающимся. Если в её ручке заканчивались чернила,

письма отправлялись с белыми листами. Праведница-доктор умерла в день доктора-святой Хильдегарды.

Смерти, впрочем, она не только не боялась, но давно ждала. «Уже маленькой девочкой она всегда радовалась, когда заходила речь о том, что она может умереть. Одним из последних её слов было: “Как прекрасно умереть!” Ибо там перед нами только Бог». Смерть она ещё сравнивала с переходом в старший класс школы (а чтобы ей, девочке, дали доучиться в продвинутой гимназии, ей тоже в свое время пришлось поспрашивать с семьей) — «там непременно будет что-то захватывающее».

В этом наивном на скептический взгляд энтузиазме нетрудно усмотреть детские черты характера. Детскость, сохранившуюся — сохраненную — до самых поздних лет и отмечали в ней её близкие. «...Она всю жизнь была и оставалась ребенком. Казалось, нет временного промежутка, отделяющего её от собственного детства. Она была полна детских воспоминаний, которыми любила делиться со своими братьями и сестрами, она любила детские книги, красивые старые кукольные домики, которые реставрировала, чтобы дарить другим детям. Она была и оставалась чистым ребенком по отношению к Богу, церкви и своему духовнику, относилась к ним с доверчивостью человека, которому нечего скрывать. Она обладала особым, по-детски ясным пониманием характера других, взрослых людей. Своим детским сердцем она проникла в предвечное отношение между Сыном и Отцом. Бесхитростная обнаженность сердца, возможно, является тем ключом, который открывает все двери её существа и её текстов. Это не мешало ей быть зрелой, мудрой<sup>11</sup>, материнской, неустанно требовать и наводить порядок, когда это необходимо, обладать качествами, которые можно назвать “мужскими” (какие и Тереза Авильская проявляла по отношению к своим духовным дочерям). Они возникали там, где миссия вынуждала её требовать от других послушания Богу. Мы должны принять такие парадоксы в характере истинных христиан: они отражают нечто от полноты и непостижимости Бога».

### *Божественный человек и его элементы*

**Титус БУРКХАРДТ. Зеркало ума: эссе о традиционной науке и сакральном искусстве / Пер. И.Ерзина<sup>12</sup>. — М.: Касталия, 2025. 294 с.**

Титус Буркхардт (1908—1984), немецкий швейцарец, традиционалист второго, сразу после Генона и Эволы, призыва, философ, искусствовед и переводчик (переводил, в частности, Генона на немецкий). Происходил из дворянской семьи, внучатый племянник Якоба Буркхардта, родился во Флоренции. Изучал живопись, скульптуру и историю искусств по разным европейским городам. Ещё в школьные годы в Базеле подружился с Фритьофом Шуоном и дружил с ним всю жизнь. Писали они тоже на близкие темы, почти дуэтом. Пожив, как Берроуз, в Марокко в 1928 или 1929 году, Буркхардт затем прочел работы Генона — это послужило стимулом и вектором для его духовного рождения. В 1933-м вернулся в Марокко в поисках духовного наставничества, выучил арабский, принял ислам и, не сразу, после некоторых неприятностей даже, нашел суфийского шейха, который принял его в суфийский орден. Из Марокко, любопытный штрих, его выслали французские колониальные власти, у которых он вызвал подозрение своим слишком глубоким погружением в арабскую жизнь и глубоким знанием языка. Как и того же Берроуза, его, видимо, приняли за шпиона, допустить бескорыстный интерес к арабскому миру французы не могли.

По возвращении в Европу изучал восточные языки, писал статьи, в том числе для геноновского журнала, о традиционном (прежде всего христианском, исламском и индуистском) искусстве, космологии, алхимии — на этих темах и статьях выросли его последующие книги, представлены они и в этом издании. Служил художественным директором издательского дома в Лозанне, готовил к публикации и издавал факсимиле средневековых манускриптов, курировал серию изданий историко-религиозных исследований по разным странам. Бальтазара папа Иоанн Павел II хотел сделать кардиналом (тот умер как раз накануне консистории), а Буркхардта в виде поощрения за издаваемые им книги наградил аудиенцией Пий XII (не будучи католиком ни по рождению, ни по своей нынешней вере, Буркхардт поцеловал не папское кольцо, как то полагается, а пальцы, «что папа с улыбкой позволил»). Буркхардт регулярно возвращался в Марокко после обретения им независимости, особенно в любимый Фес, куда его делегировало и ЮНЕСКО для работы над реставрацией медины и традиционных ремесел, он провел там пять лет. Глубоко интересуясь религией американских индейцев, он не раз посещал Америку, участвовал в проведении их обрядов. На русский, к сожалению, переводился довольно ограниченно.

Данное издание — сборник. Кстати, письмо Буркхардта характеризует не только весомая почти суггестивная, гипнотизирующая даже смысловая нагрузка, но при этом и какая-то легкость. От большого эссе к маленькой заметке он может сменить кардинально регион, тему и стилистику, но все это читается совершенно бесшовно, воспринимается как один большой разговор. О едином.

При этом формально разброс тем действительно может показаться изрядным. Иконы, индуистские храмы, горгульи, символика зеркала («Бог — это зеркало, в котором ты видишь себя, и ты Его зеркало, в котором Он созерцает Свои имена», — цитирует он одного арабского мыслителя) и чистой воды, символизм шахмат, церемониальные священные маски, прозрения Данте и их обоснования, возвращение Одиссея, суфийские молитвы, которые он разбирает текстологически, буквально по каждому знаку, и, конечно же, алхимия. О последней он пишет: «...Трансмутация духа в тело и тела в дух в более или менее прямой и очевидной манере встречается в каждом методе духовной реализации, однако алхимия сделала её своей главной темой, в соответствии с металлургическим символизмом, основанном на возможности изменить “агрегатное состояние” тела».

От том, насколько доступна, но при этом глубока его экспертиза в этих небольших совсем эссе, могут служить его наблюдения над исламской религиозностью. Воля ваша, скажу, пожалуй, волюнтаристскую ересь, но они лучше представляют ислам, чем какое-либо прозелитское сочинение. Так, он дает понимание тех самых реперных точек, что скорее всего могут вызвать непонимание и неприятие у западного читателя. Чем мотивирован определенный культ священной войны, джихада в исламе? «Если вспомнить, что цель справедливой войны — это истинный мир, легко понять роль “священной войны” души: внутренняя “война” — это отмена другой войны, ведущейся земными страстями против бессмертной души и против чистого ума». Запрет на изображение человеческих образов<sup>13</sup>? Кроме того, что человек есть подобие невыразимого Бога, «в человеке есть нечто такое, что не могут передать никакие средства выражения». Отсутствие икон в исламе? «Искусство ислама в целом стремится создать среду, помогающую человеку осознать свое изначальное достоинство; поэтому оно избегает всего, что может быть “идолом”, даже относительным и условным образом. Ничто не должно вставать между человеком и незримым присутствием Бога». И, в целом, если главное содержание европейского искусства — это образ<sup>14</sup>, «с точки

зрения ислама, напротив, главный предмет искусства — это не подражание или описание природы (труды человеческие не могут быть равны искусству Бога), а оформление человеческого окружения. Искусство должно наделить все вещи, которыми человек естественным образом окружает себя (дом, фонтан, сосуд для питья, одежда, ковер), тем совершенством, что присуще каждой вещи по природе». Утилитарный, прагматический подход? Наоборот же, возгонка всего до истинной, высшей сути, постоянная и повсеместная эпифания. Ведь «эта красота проникает в душу, минуя рациональное мышление, и для многих верующих это более прямой аргумент, чем чистое учение. Это что-то вроде жизни и плоти религии», тогда как основанное на формальных, технических приемах стремление европейского искусства к наибольшему подражанию и лучшему выражению образа остается зачастую там, и было порождено, на контурах (и котурнах) рационального мышления. Или, более глобально, «очевиден переворот перспективы по сравнению с христианством; тогда как последнее рассматривает Бога с исходной точки зрения человека, ислам рассматривает человека с исходной точки зрения Бога, что исключает всякую фиксацию на антропоморфном образе; образ божественного человека, так сказать, растворяется в его элементах; он исчезает в универсальных теофаниях, отсюда его отсутствие в пластическом искусстве, которое становится безличным призыванием вроде волн моря или мерцания звезд».

Кроме того, замечание о том, что всё утилитарное должно быть прекрасно и нести отпечаток совершенства, проговаривает и более генеральные вещи. Это свидетельствует о переходе античной интуиции в исламское искусство — функциональные вещи должны быть красивыми, включая узоры и орнаменты на сосудах, коврах и в архитектуре. Точно так же античный разум в целом стал частью исламской цивилизации — как универсальный аналитический язык Аристотеля (категории, силлогизмы, учение о сущности и причинах), так и метафизическое измерение Платона (иерархия бытия, идея Единого, тот орнамент мысли, который Сасанидская Персия и затем Аббасидский Багдад приняли в качестве наследия, вспомним «Дом мудрости», корабль философов после закрытия философских школ в Афинах и проч.). И сам поворот к исламу традиционалистов кажется после этого совершенно естественным. На фоне кризиса и заката Запада Рене Генон, Фритьоф Шуон и Титус Буркхардт искали и алкали живую традицию, где разум не был бы противопоставлен вере. И находили её в исламе (особенно в суфизме), потому что там ещё сохранялись язык античной рациональности (через логику, философию и право) и непосредственная вертикаль Откровения (Коран, шариат). Буркхардт обращается в ислам, видя в нём не «новую религию», а сохраненную форму универсальной Традиции, восходящей ещё к античности. Ислам удерживает баланс разума как рационального инструмента и Откровения как сакрального центра, в то время как Запад, где разум был отделен от духа, утратил целостность. Средневековые схоласты встроили было Аристотеля (вернувшегося в Европу опять же через арабов) в христианскую теологию, но Новое время постепенно секуляризировало античное наследие и сформировало рационализм без традиции и науку без сакрального. Таким образом, поздняя античность (начиная ещё с классической и с Сократа с его «не боги, а Бог» и т.п.) выступает отчасти и предтечей монотеистических религий (христианства и ислама), и праматерью той великой Традиции, что почти угасла в географическом сердце ойкумены и теплится лишь на правоверных (Аль-Коран, шариат, суфизм) и православных (византийская литургия и исихазм) её краях, где и находили её сбегавшие туда отцы-основатели традиционализма.

Впрочем, есть и один, но довольно существенный момент, где тонкость и глубина суждений заметно изменяют Буркхардту. Это тема Пьера Тейяра де Шардена. Уж не знаю, кто из благородных ученых мужей наступил другому на любимую больную мозоль, но Шардена Буркхардт просто на дух не переносит, троллит постоянно. И если собственно посвященная Тейяру де Шардену заметка выдержана в довольно ригористичном и попросту риторическом ключе («Худшая и самая причудливая черта тейярдизма заключается в том, что он вынужден рассматривать пророков и мудрецов древности как умственно “недоразвитых” людей: разве они не ближе к обезьяне, чем современный человек?»), явная софистика, а не софиология, то в других своих работах Тейяру де Шардену уготованы шпильки размером с добрую шпагу. Главная претензия Буркхардта к католическому мыслителю и своему по сути-то собрату по мысли в том, что для Тейяра де Шардена (как и для Фрэзера) эволюция человечества обещает в будущем качественно иное развитие и почти приближение, чуть ли не единство и равенство с Богом. Почему только в будущем, почему какая-то эволюция и вообще как это на одной ступеньке и престоле с Богом, возмущается про себя протестант-суфий? Буркхардт же не только и не столько за золотой век прошлого, сколько утверждает во всех своих работах, что гармоничное возвышение человека к божественному возможно всегда. Поэтому он даже хитрит, бросаясь в лобовую атаку на тейярдизм, дескать, остатки первобытных примитивных людей (а сам де Шарден обнаружил-открыл синантропа) могли быть лишь свидетельством выродившихся людей, существовавших параллельно с настоящими. Это все повод уколоть и подкопаться под тезис о том, что «сам человек представляет собой только промежуточное состояние в эволюции, начинающееся с одноклеточных организмов и заканчивающееся своего рода глобальной космической сущностью, единой с Богом». Ах, хочется сказать, разнимая и примиряя эти два великих ума, вы же говорите даже не в пределе, а очень близко, просто под другими именами, об одном и том же — возвышении человека, религиозном ли, эволюционистском ли, но возвышении к его потенциальному собожественному статусу. Право, не ссорьтесь!

Достается, Впрочем, ещё и Юнгу. И если Юнга и тем более прочий фрейдизм не жалко, они сами за себя постоят, то за полусвятого де Шардена все же обидно. Тут у Буркхардта частные претензии (объективность из зафиксированного опыта, как и ставящийся в основу некий здравый смысл психологов — всё довольно относительные понятия), укладываемые в более глобальное несогласие — «душа, как и всякая другая область реальности, может быть поистине познана только тем, что её превосходит». Для самого же Юнга «метафизика была лишь спекуляцией в пустоте, или, точнее, иллюзорной попыткой психики выйти за пределы себя, сравнимой с бессмысленным жестом человека, пытающегося вытащить себя за волосы из болота»). Не оправдывают в глазах Буркхардта и психологические толкования алхимии по Юнгу, сам он пишет об этом в книге *Alchemy: Science of the Cosmos, Science of the Souls*, а прочитавший её верный друг Фритьоф Шуон спешит на помощь и бросается в драку с неравными силами психоаналитиков: «Люди обычно видят в юнгианстве, по сравнению с фрейдизмом, шаг к примирению с традиционной духовностью, но это совершенно не так. С этой точки зрения единственная разница в том, что, тогда как Фрейд хвастал непримиримой враждой с религией, Юнг симпатизирует ей, в то же время опустошая содержание, которое он заменяет коллективным психозом, то есть чем-то инфраинтеллектуальным и потому антидуховным».

Всё это, конечно же, для Титуса Буркхардта не просто локальные разборки, но часть его общей стратегии, глобальной войны даже не против современности

(а ведь мог бы и круто приложить её — «Случаи одержимости дьяволом, явно требующие обряда экзорцизма, похоже, ныне встречаются реже, без сомнения, потому, что демонические влияния уже не зажаты “дамбой” традиции, а могут распространяться более или менее повсюду в “разбавленных”, так сказать, формах»), как у других традиционалистов, но против такого её главного манифестарного и субстанционального проявления, как современная наука во всех её проявлениях.

Модерная наука противна духовным движениям и поэтическому, альтеррациональному гнозису, то есть она идет в разрез с тем синтетическим подходом к окружающему миру, о котором всю дорогу говорит Буркхардт. Поэтическая<sup>15</sup> картина мира, как и у Юнгера и Фрэзера, о котором мы писали в прошлых главах, отнюдь не наивна, наоборот, она одна способна передать единство мира (и даже метафоры и прочие тропы становятся элементами этого самого познания и его трансляции): «Таким путем Вселенная проявляет свое внутреннее единство и в то же время показывает неисчерпаемый спектр своих аспектов и измерений. Некоторая поэтичность такого видения, очевидно, никак ему не вредит, поскольку всякая подлинная поэзия включает в себе предчувствие сущностной гармонии мира; именно в этом смысле Мохаммед мог сказать: “Воистину есть мудрость в поэзии”». Современные ученые же «обладают подлинным отвращением ко всему, что выходит за рамки якобы приземленной природы “точной науки”». В их глазах обращение к поэтическому качеству учения дискредитирует это учение как науку. Такое сильное “сциентическое” недоверие к величию и красоте данной концепции выдает полное непонимание изначальной природы искусства и природы вещей». Наука в её современных импликациях вообще предстает, по Буркхардту, крайне неблагоприятным актором: «...Уродство современной науки лишает её всякой ценности с точки зрения созерцательных и вдохновенных наук, ведь главный предмет таких наук — это единство всего сущего, такое единство, которое современные ученые вообще-то не могут отрицать, поскольку всё неявно его подтверждает — но которое они, тем не менее, мешают “испробовать” своим рассекающим подходом». Подход науки в корне не верен, сиречь пагубен, «потому он ведет себя так, будто человеческого субъекта не существует, или будто этот субъект не утонченное зеркало, незаменимое для феноменального облика мира. В сциентизме намеренно игнорируется то, что субъект — это гарант логической непрерывности мира и, в своей интеллектуальной сущности, свидетель всей объективной реальности». Современная наука игнорирует или даже нивелирует само человеческое значение — этот тезис Буркхардт разрабатывает, обращаясь опять к своей нелюбимой, яростный привет Тейяру де Шардену<sup>16</sup>, теории эволюции: «Если спросить современную науку, что такое человек, она либо останется безмолвной, осознавая собственные пределы, либо ответит, сказав, что человек — это животное с особенно развитыми мозговыми способностями. И если поднять вопрос о том, каково происхождение этого человека, наука заговорит о бесконечно длинной цепи совпадений, случаев и случайностей. Всё равно что сказать, что в существовании человека нет смысла». В своем «разборе» феномена человека современная наука склонна полностью исключать те «сверхъестественные элементы, которые может предоставить только подлинная и полная духовная традиция. Это значит, что всякая подлинная космология привязана к божественному откровению...»

А Шардену достается именно за эволюционизм и сциентизм. Последователь (со страстными оговорками в адрес учителя) Генона и неортодоксальный католик (как сам Тейяр де Шарден!) Жан Борреля подтверждает, что доставалось последнему именно за сциентизм и эволюционизм: «...Неудача возрождения гнозиса у Гегеля

или у Тейяра де Шардена, где первый намеревался примирить познание и бытие, а второй — науку и веру (или наоборот, в зависимости от точки зрения). <...> Кто будет отрицать необычайный успех творчества Тейяра де Шардена? Тем не менее он целиком основывается на эволюционистской гипотезе, настолько хрупкой, что один из его самых твердых сторонников, Жан Ростан, заявил однажды публично, что она была “совершенно невероятной”»<sup>17</sup>. Странно хотя, ведь сторонники интегрального традиционализма и их потенциальные сторонники сами же всегда горевали из-за разрыва науки и веры. А тут как раз попытка их не просто объединить, а рассматривать как составляющие единого процесса, ведущего к тем же целям, которые проповедуют они сами. Несколько нелогично...

И, дабы не столько разбавить сугубые инвективы науки, сколько придать им другой ракурс, приведем такое ещё суждение касательно воззрений Жана Борелля: «В религиозной истории Запада гнозис был отодвинут на второй план, в силу чего вера и разум оказались разделенными, а закономерным следствием этого разделения стал всеобщий духовный кризис европейской цивилизации, выразившийся, с одной стороны, в иррационализме и избыточном фидеизме религии, а с другой — в оторванности философии и науки от своих экзистенциальных корней. Преодоление этого кризиса Ж. Борелля видит в возвращении к гнозису, к его нераскрытым возможностям, и в этом проекте в равной мере важны и ортодоксальная приверженность христианству, и строгая верность апостольской традиции, и обращение к разработанным и апробированным Р.Геноном методологическим техникам реставрации священной науки»<sup>18</sup>.

Мы же, коснувшись нескольких сюжетов этой книги, конечно, не сможем, к сожалению, поговорить про все. Но обратимся по краям к тем темам, что — дают нам ключ, практически объясняют ту суть, что стояла за отдельными феноменами той же Адриенн фон Шпайр! Если наука противна духу, то «современные исследователи, очевидно, не осознают, что художественный выбор форм, принадлежащих к вдохновенным и неизменно передаваемым принципам, способен осязаемо выразить постоянные и неистощимые возможности Духа, что традиционное искусство тем самым применяет “логику” в универсальном смысле слова». Искусство выражает духовное, как, безусловно, является его проводником врачевное и прочее служение Адриенн. Тому истинному знанию, которое лежит в основе подобного подхода, свойственны черты даже своего рода «веселой науки»: «...Для традиционной космологии вполне возможно обладать (и она обладает) реальным знанием — и несравненно более обширным и глубоким, чем предложенное современными эмпирическими науками — в то же время сохраняя ребяческие (или, точнее, “человеческие”) мнения о реалиях физического порядка».

Говоря о том, о чем говорит Буркхардт в своей многомерной книге, он имплицитно действительно показывает, чем определялись состояния и движения Адриенн. Например, её болезни, которые были увязаны с её религиозным рвением, являясь и их причиной (в умаленном теле усиливается энергия духа), и сопутствующим обстоятельством (разделение страстей Господних), и просто характерной чертой: «Так, например, в случае несколько “анархичной” категории созерцателей, известных как “дураки милостью Божьей”, духовные состояния не проявляются гармонично и нормально и не используют рассудок; наоборот, глубоко патологическое состояние — и как таковое подвластное дочеловеческим и хаотическим наклонностям — может порой и случайно раскрыть проход в наземные реальности; это лишь говорит о неистощимой сложности человеческой души». То, что та же конвенциональная наука

назовет, возможно, болезненными галлюцинациями, традиционное знание посчитает видениями, дарованными за следование Богу: «...Высшее видение Бога, о котором говорит Данте в своей работе, согласуется со спонтанным исполнением божественной воли». А та в свою очередь ведет к высотам знания через инициацию страданиями на самом дне: «Смысл всего этого в том, что путь Данте, благодаря особой благодати — это не путь заслуг, а путь знания. Когда Вергилий говорит, что для него нет другого пути к Беатриче, к Божественной Мудрости, кроме как прямо через ад, это показывает, что знание Бога нужно достичь на пути самопознания; самопознание предполагает постижение бездн, скрытых в человеческой природе, и сознательное отбрасывание всякого самообмана, укоренившегося в страстной душе. Нет большей самоотверженности, и потому нет большего покаяния». Это, разумеется, и путь аскетических испытаний: «Различные наказания в Чистилище, описанные Данте, можно считать не только посмертными состояниями, но и стадиями аскезы, ведущими к интегральному и изначальному состоянию, в котором знание и воля — или, точнее, знание о вечной цели человека и его стремление к удовольствию — уже неотделимы друг от друга». Нет сомнения, что это та воля, которая заставляла Адриенн служить людям даже тогда, когда просто передвигаться по собственному дому было для нее настоящим испытанием, сродни трипу Данте, а силы приходили, ибо «человеческий дух, проникая всё глубже в Божественную Мудрость, постепенно преобразуется ею». Это дает свободу — и от страданий и немощей плоти, и просто абсолютную свободу («свобода в служении», как звучит рыцарский девиз): «Подчинение Божественной воле — это не отсутствие свободы: напротив, воля, восстающая против Бога, именно по этой причине впадает в принуждение».

Из всех этих посылов для Буркхардта очевидно следующее видение человека: «Ведь что такое человек? Что значит его ничтожная воля? Как он может пристать к Абсолюту, не интегрировав сначала все свое существо в неиндивидуальную (то есть надындивидуальную) форму? А точнее: нет духовного пути вне следующих традиций или религий: иудаизма, христианства, ислама, буддизма, индуизма и даосизма...» То есть разделение науки, рационального и веры, интуитивного знания, вредит разделяемым актантам дважды: и вера объявляется неким темным суеверием, и таковым она поневоле и становится. «Это означает, что наука постепенно определяет себя как неверие, а вера — как нечто ненаучное»<sup>19</sup>.

#### ПРИМЕЧАНИЯ:

<sup>1</sup> Здесь, конечно, подразумевается «связь поэзии как ремесла с магией и чарами, с околдовыванием. Поэзия — это приведение к бытию через рассказ (мифо-поэтика) и одновременно рассказ о том, как вещи приходят к бытию (мифо-поэтика)». *Нечкасов Е.* К другому мифу. — М.: Тотенбург, 2023. С. 108.

<sup>2</sup> Перевод, да, демонстрирует иногда подобные стилистические наивности.

<sup>3</sup> <https://www.livelib.ru/author/1108735-adrienn-fon-shpajr>.

<sup>4</sup> Отец первого мужа был знаком с Ницше.

<sup>5</sup> Очень похожие воспоминания о детстве, непризнании родителями своей веры (мать плакала, когда она молилась в ванной), отягченных ещё и преследованием КГБ, оставила недавно умершая Татьяна Михайловна Горичева в своей книге «Опасно говорить о Боге»: «Я существовала как затравленный и злой маленький зверёныш, никогда не поднимая головы, никогда не пытаясь что-либо понять, что-либо предпринять. В школьных сочинениях я писала

то, что надо было писать: что я люблю родину, Ленина, свою маму. Но это было чистой ложью. С самого детства я ненавидела всё, что меня окружало: людей с их мелкими заботами и страхами, ненавидела до отвращения; я ненавидела родителей, которые ничем не отличались от других обывателей и которые случайно породили меня. Меня охватывало бешенство, когда я думала, что выброшена в этот мир без всякого моего желания. Я ненавидела и всю природу с её вечно повторяющимися, скучными ритмами: лето, осень, зима... Единственное, что я любила, — это одиночество. Самым лучшим временем было для меня, когда родители уходили, и я оставалась одна в нашей маленькой комнате».

<sup>6</sup> «...Всё это вплетено в один поиск Бога, в пугающее знание: это не так. И снова и снова меня отбрасывало от Бога: как будто я смотрела на множество проблем под неправильным углом. Это чувствовалось очень остро». Так, что во время кризисов веры или же после кончины первого мужа Адриенн, как и в юные годы, когда ощущала свою ненужность и неуместность, серьезно думала над прекращением своей жизни.

<sup>7</sup> Что справедливо и правильно, ибо полное отрицание телесности не совсем правильно и даже чревато. О чем всегда предостерегали, от великих богословов древности («Бытие души, так же, как и бытие тела, является совершенными в Христе: в Боге, в Сыне», 67-я проповедь Майстера Экхарта) до современных исследователей. «Подобную зависимость от тела следует назвать положительной, а отношение к жизни — наивным реализмом. Сильное развитое отдельное “я”, духовно практикуясь, склоняется к тому, что оно не есть тело, которым он отказывается быть, с которым у него конфликт, и тогда возникает отрицательная зависимость от тела. Вот почему мастер учению о недвойственности говорит своим ученикам, что им нужно как-то избегать как концепции тела, так и концепции отсутствия тела». *Перельштейн Р.* Этюды о вселенском духовном сознании. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 32.

<sup>8</sup> «Каждый раз, когда я думаю о распятии Христа, я совершаю грех зависти» (Симона Вейль).

<sup>9</sup> Стирание, исчезновение.

<sup>10</sup> Возможно, стоит напомнить об изначальном религиозном значении понятия «харизма», чаще используемому сейчас в других совсем контекстах: «У понятия “харизма” богатая *longue durée*. Это слово впервые использовал апостол Павел для обозначения конкретных церковных служений. Причем речь шла не только о пророчестве, апостольстве или пастырстве, но и о различных формах диаконии, чудотворении и «говорении на языках». Всё это разнообразие даров объединяет одно: каждый из них должен быть направлен на благо церковной общины. Иными словами, харизма изначально имеет коммунитарную природу и неразрывно связана с призванием. В дальнейшем понятие харизмы оказалось в центре многих богословских и интеллектуальных дискуссий. Так, в эпоху Просвещения оно приобрело значимость в контексте спора о природе евангельских чудес: совершались ли они в действительности, и, если нет, — как тогда следует понимать само понятие “харизма”. Харизма также оказалась важным элементом в предистории пятидесятничества и, наконец, стала ключевой в дискуссии историков рубежа XIX и XX веков о том, кто именно в древней церкви имел основанную на харизме власть. Особое значение в истории этого понятия принадлежит Макс Веберу, которому мы во многом обязаны его распространением не только в академической среде, но и в языке широкой культуры». *Никитин Ф.* Интервью с Вячеславом Ячмеником // Горький. 2025. 10 сентября (<https://gorky.media/context/xarizma-stala-chastyu-selebriti-kultury?>).

<sup>11</sup> Мудрость же, как известно, является одной из эмблем Богоматери. Как сказано в следующей книге, к которой мы буквально через минуту обратимся, «согласно средневековым теологам, Дева Мария, благодаря внутреннему совершенству её души, обладала всей мудростью, на какую только способен человек».

<sup>12</sup> С какого языка (и издания) выполнен перевод, не указано, но можно реконструировать, что это был английский. В целом же позволяющая себе иногда довольно небрежные переводы «Касталия» здесь выпустила вполне выверенное издание.

<sup>13</sup> Когда же запрет обходится и человек изображается, картины заведомо лишаются перспективы, то есть правдоподобия и жизненности.

<sup>14</sup> Список претензий к европейскому искусству Буркхардт развивает в своей книге «Сакральное искусство Востока и Запада. Принципы и методы» (М.: Алетейя, 1999) — оно является «индивидуалистическим утверждением» и не умеет «держаться в тени перед духом природы».

<sup>15</sup> То есть религиозная, потому что «вся суфийская традиция — это традиция, в которой поэтическое есть религиозное, а религиозное есть поэтическое» (*Померанц Г.* Собрание себя: курс лекций, прочитанных в Университете Истории Культуры в 1990—1991 гг. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 111.). И не только суфийская.

<sup>16</sup> А вот с Эволой наш автор согласен, приводит из его работы «Оседлать тигра» пространную цитату, в которой говорится, в частности, о причинах невозможности абсолютного доверия к современной науке: «Всё это идеи, которые, будучи заменены идеями прежней физики, никак не меняют переживание мира у нынешнего человека... Когда люди говорят, что нет материи, есть только энергия, что мы живем не в евклидовом пространстве из трёх измерений, а в “искривленном” пространстве из четырёх или более измерений, и так далее, и так далее, все остается так же, как раньше, мой реальный опыт никак не меняется, окончательный смысл того, что я вижу — свет, солнце, огонь, море, небо, цветущее растение и умирающее существо, — окончательный смысл всех процессов и феноменов никак не становится для меня яснее». (Переводчик совершенно справедливо не обращается к существующим переводам, а переводит «по Буркхардту», ибо тот в своих переводах склонен подчеркивать и даже амплифицировать определенные моменты.)

<sup>17</sup> *Борелля Ж.* Реставрация священной науки / Пер. с фр. Ю.Быстрова. — СПб.: Владимир Даль, 2016. С. 115, 355.

<sup>18</sup> *Быстров Ю.* Неогнозис Жана Борелля // *Борелля Ж.* Реставрация священной науки. С. 8—9.

<sup>19</sup> *Борелля Ж.* Реставрация священной науки. С. 113.

## Неочевидные связи на линии времени

*Ольга Балла и Кирилл Ямицков размышляют  
о книге Александра Чанцева «В какой-то детской стране»*

*Кирилл Ямицков*

### Презумпция абсолюта

«Я люблю случайные книги», — признаётся автор этого глубоко неслучайного труда на странице четыреста двадцать пятой. Узреть кремень, вольфрам его кредо можно на любой из врезок: интерес к спонтанному, перелётному (вот был чудесный призрак — и нет его уже) определял художественное своеобразие Александра Чанцева в предельно далёкой литературной ситуации начала века, этот же интерес определяет его и сейчас. Конспектировать, обносить иерархией счастливый хаос — дело сложное, во многом неблагоприятное, но «человек — одновременно — окраин и неочевидных связей»<sup>1</sup>, как метко написала десять лет назад Ольга Балла, не может поступать проще.

Интеллектуальный органон Чанцева-критика работает по слаженному, ловкому алгоритму: раз в пять лет — большая, подытоживающая конкретный период культуры книга, расшифровка не только духа времени, но и свечения long-dead gods (пользуясь формулировкой Г.Ф.Лавкрафта), — спящих возможностей, потенциалов литературы, которые при внимательном рассмотрении оказываются крепче и верней скоропортящихся поп-механик. Если в 2020 году были «Ижицы на сюртуке из снов», то сейчас, осенью 2025-го, читатель оказался «В какой-то детской стране», а если быть конкретным — «На линии времени».

Самые разнообразные заметки, колонки, обзоры, эссе и рецензии, собранные под доверительно тёплой обложкой, публиковались где-только-не, однако не вызывают чувства условности, поспешной компиляции: организованы тематически, параграфами, месмерически перекликаются энергиями. Особая ценность достигается тем, что места ряда оригинальных публикаций сейчас уже попросту отсутствуют, не отыскиваются

---

*Александр Чанцев. В какой-то детской стране: На линии времени. — М.; СПб: «Руграм» / «Пальмира», 2026. — 558 с. — (Серия «Пальмира — эссе»).*

<sup>1</sup> *Ольга Балла-Гертман. Быть Чанцевым. О книге: Александр Чанцев. Когда рыбы встречают птиц: Книги, люди, кино // Литература, 19.05.15. Дата обращения: 12.10.25.*

на карте (остров погибших значений), а потому видеть их спасёнными из воды как-то особенно приятно.

Анатомия меланхолий, жизнеописания, техно-футуро-аутро, большая философия и компактные гротески, иностранное, отечественное, промежуточное, кавалькада имён — от совсем забытого полимата Андрея Болотова до Пьера Дриё ла Рошеля и Хьюберта Крэкенторпа; словом, сновидческий вавилонский хаб, где встречаются,жимают руки и сбывают тоску величайшие из ничейных. Есть, по традиции органона, сквозные имена, герои-лейтмотивы: Эрнст Юнгер (текстом о котором книга символично прерывается), Ю Несбё, Владимир Казаков, Уильям Гибсон, Эдуард Лимонов etc. Правда, чем дальше, тем явственней проговаривается Чанцевым горечь от осознания текущей эпохи, в которой «нам только остаётся читать крохи воспоминаний о великих ушедших. Или смотреть в TikTok'e».

Чанцев формирует дополнительную глубину, канал связи между исходным, рецензируемым текстом, и своим же о нём представлением, то есть — создаёт ясный сюжетный ландшафт, в которой одна история оказывается невольным продолжением другой. Книга ритмически цельна, триптих в ней — самая частая из форм привязки, и это логично, так как распознавание образов есть первое и главное требование к счастливому хаосу, а труд критика в нём — труд перевозчика, ведь рано или поздно «прокладывать эти дороги, конечно, каждый должен сам — как на глобусе, так и в своём сердце».

Любопытна и типология заглавий, в случае Чанцева давно ставших чем-то вроде отдельной экосистемы, берущей своё начало, вестимо, от new-po-wave литературной критики двухтысячных годов, поколения, если угодно, «Дебюта», которое примиряло толстожурнальную периодику с эксцентрикой глянца. Не скажу, что в этом смысле Чанцев исключителен: бойкие, смелые, афористичные titles в то время были у многих («Пораженцы и преображенцы» (2005) Валерии Пустовой, «Круговые объезды по кишкам нищего» (2007) Льва Данилкина, «Мятеж и посох» (2008) Алисы Ганиевой), но именно у Чанцева они возводятся в статус полноправного художественного приёма.

Тут есть «Гимн полыни», «Ночного времени манкость», «Двойкодышащие», а есть не в пример конкретные «Ход биографией», «Матрёшки Кафки», «Иные пейзажи Владимира Казакова» — вполне массовый извод литературной критики, которая не убегает в эксперимент. Чанцев множественен. Свести его приём к одной-двум остротам значило бы упростить сам принцип взгляда на природу литературы (ей, конечно, ничто в книге не ограничивается); но если мы говорим о некоторых опознавательных знаках Чанцева-критика, то это и будет: спланированная, подготовленная случайность, или, как определял когда-то свою манеру арт-безумец Momus, «аналоговое барокко».

Точки пересечения критики Чанцева с его прозой имманентны и не выказывают себя до последнего; как правило, это скрытые максимы («институтом юродивых мы можем по праву гордиться»), акты художеств внутри намеренно импровизационной, почти разговорной критики («цинизм и идеализм будут цвести в “Жиле”» и дальше пышным, траурным цветом с тяжёлым ароматом»), тезисы, предлагаемые читателю как бы «на вырост» («ведь словари тем и хороши, что читать их можно в любом направлении — хочется подумать о будущем этой интересной работы»), сокращение дистанции между собой, читателем, книгой и вечностью («прошу прощение за занудство и придирки, но, возможно, это как-то пригодится автору...»).

Стилевое, тематическое, интонационное буриме хорошо и приятно, но меркнет перед свободолобием, незатёртостью самих чанцевских рассуждений, их оголённой

восприимчивостью: «...И тут можно задуматься о страсти немцев даже не к захвату территории, а о её культивировании, утопическом улучшении себя и аборигенов, оборачивающихся неизменно самой жестокой антиутопией...»; «и кто даст гарантию, что система действительно неправа?»; «он точно из тех редких людей, кто бывает при рождении красивых и редких проектов будущего, при сдвиге не тектонических плит, но расхождении, запуске лёгких, изящных и важных трещин в земной коре мысли».

Карта знакомств = карта сокровищ, это мы понимаем довольно скоро. Всеядность погружения, рискованного турне туда-обратно (к тексту и к читателю, а может, — к самому себе) у Чанцева всегда начинена элементами чудесного, детского, иерофанического первооткрывательства (когда одно крошечное впечатление от мультфильма или зимней прогулки определяет личность, долг, судьбу). В этом смысле — и в отношении предельной любви к выбранному ремеслу — и следует, на мой взгляд, трактовать название книги. Линия времени остра, по ней страшно ходить, но спасает детство, превосходство игры над тяжёлым и взрослым.

«Если Джойс выбрал своим жизненным кредо девиз “Молчи, скрывайся и лукавь”, то Пессоа любил выставлять напоказ свои несчастья и, как бы сказать, стремился к ним. Из хорошей семьи, со знанием языков и изрядным всё же образованием, он мог получить весьма недурное место, но отказывался от всего, что помешало бы его работе. Кто-то из его друзей сказал, что, женившись, он смог бы прожить дольше, — но нет, как Кафка Милену, он мучил своих реальных, тайных и, возможно, выдуманных барышень (некая блондинка с голубыми глазами, ишь ты!) бесконечной перепиской, неадекватным поведением и прочим».

Из мелочей, безделиц, фантиков быта складывается экспресс-литературоведение, стремительная раскадровка культурной ситуации последних пяти лет, когда рассмотренные Чанцевым книги выходили и обсуждались, неких зависающих, главенствующих её тем (*blowin' in the wind*); иногда книга становится поводом для размышления внутреннего, глубинного, иногда — выходом в открытый космос компаративистики. Знать маршруты бумажной крови, уметь прижечь её ассоциацией — дело одно; но если в эти процессы вклинивается живое чувство, то, конечно, сама книга начинает восприниматься *ярче*.

Не как отчётный гроссбух, разумеется: чем дальше бродишь среди этих кринов и зверят, тем чаще слышишь собственное дыхание. В духе «Ресторана со множеством заказов» Кэндзи Миядзавы; сказочно и бодро. Даже предположить не можешь, что ждёт тебя за перевёрнутой страницей, а потому — наблюдаешь, застреваю мыслью на той или иной теме, фигуре, коллизии. Прибавляет цельности и строгая последовательность обзора, в этот раз не разделяемого (как было, например, в «Ижицах») интервью, беседами, в общем-то, объяснимой формальной полифонией.

Непрерывность потока укрепляет мой личный интерес — к фундаментальному сюжету Чанцева-критика, который берёт и разглядывает знакомые имена, а потом, конечно, сбивает с ног совсем уж головокружительными интересами: это и научные изыскания Василия Молодякова («Королевские газетчики против»), Хайдеггер, Мэнсон, Нуреев и Прочие; редкая (здесь) и потому столь интересно дышащая под микроскопом поэзия, вылазки — без скафандра — в любопытную трудность, кварталы дальние и печальные (что вновь подтверждает авторская речь: «Интерес энтузиастов — всегда заразен, это тот, пожалуй, единственный марш, к которому хочется присоединиться»).

Пребывая как «на линии времени», так и «на странных берегах», мы не хотим и не можем причалить к последней истине, к всепрощающему абсолюту, который вроде бы и подминает под себя все эти тексты-краски-голоса, но при этом отчётливо бежит

ловца. Разбираясь, уточняя, структурируя (где-то — и развенчивая привычный угол зрения), выдвигая к формулировке, Чанцев предлагает культурный объект, что не начинается и не заканчивается, книгу-процесс, которая, хочется верить, будет складываться до тех пор, пока не иссякнут хорошие, трудные, странные книги (занятно было бы угадать эту риторическую дату).

Новейшая глава книги-процесса вышла увлекательной и многообещающей: с тем посылом, целебным запалом, что красноречивее любых на его счёт предположений. В одной любимой мною космоопере есть сцена, где очень хороший и уже отчётливо мудрый герой бросает, как спасательный круг, оторвавшемуся от истины ученику фразу во всех отношениях полемическую: «Только ситхи всё возводят в абсолют». Мало того, что фраза несколько бредовая (так ты, получается, тоже ситх, раз сам в абсолют возводишь), так и брошена настолько пафосно-лощёно, что нельзя не усмехнуться.

На самом деле Оби-Ван Кеноби предлагал своему горе-падавану не прибавляться дохлой тушей к одному из полюсов ложного, щедро мирского, но — искать неторный, тайный компромисс (бездонную копилку в пустоте), что позволил бы достичь гармонии с великой, незримой Силой. Абсолют возможен, хотя человек внутри него — куда вероятнее; оттого неудивительно, что итоговой метафорой я выбрал фантастическую сагу, целиком и полностью стянутую из японского взгляда на вещи.

Александр Чанцев — джедай побольше старины Кеноби, и в его бусидо есть только одно нерушимое правило: *будь интересен*. Остальное приложится. «Впрочем, читать его действительно сложно, он и тут — между». Это слова из вдумчивой рецензии (тридцать девятой, кажется, по счёту), посвящённой Дэвиду Джонсу, но их, уверен, можно применить и к самому Александру Чанцеву: ведь быть интересным ему, вне всяких сомнений, ещё как удаётся.

Ольга Балла

## Детская страна граничит с небом

В своём новом сборнике книжных рецензий за истекшую пятилетку Александр Чанцев — литературовед-японист, культуролог, прозаик, эссеист, литературный критик — говорит с читателем, максимально устранившись от позиции литературоведа-профессионала, специалиста и эксперта — и, соответственно, от практически неминуемого взгляда сверху вниз и на объект анализа, и на тех, кто экспертным знанием не обладает. Он удерживает в свёрнутом виде своё сложное специальное знание и убирает подальше терминологический инструментарий, которым вообще-то прекрасно владеет. Новая книга даст нам возможность в очередной раз в этом убедиться: по крайней мере, один такой текст в ней есть — но и рецензируемая книга такова, что обыденным языком о ней без серьёзных искажений не выскажешься, правда, инструментарий тут пригождается скорее философский, чем филологический, поскольку книга — по философии вегетативной жизни (да, Чанцев любит экзотические

сюжеты!): «Каковы же эти категориальные понятия растительного мира? Это, прежде всего, свойственная растениям темпоральность и динамика...» В целом же он предпочитает смотреть на текст и на его автора как частный человек, понимающий собеседник. Да, собеседник безусловно умный, начитанный, искушённый, с отчётливой системой ценностей и критериев перед внутренним взором — но не имеющий перед автором рецензируемых книг никаких преимуществ. Маркер этого — и речевая манера Чанцева: тяготение его в целом к тому, чтобы изъясняться языком, очень близким к разговорному, как бы даже немножко устным, как будто не вполне обязательным — болтает с нами, сопонимателями того же, что интересно и ему. (Вообще, у него несколько стилистических регистров, среди которых есть и близкий к художественной прозе. Но разговорный — в явном приоритете. Потому ли, что даёт большую свободу, чем все остальные?)

Конечно, Чанцев обсуждаемые тексты оценивает — и вполне внятно. Но он их не судит. Он не строит теорий, не измышляет гипотез, избегает соблазна далеко идущих обобщений. Он даже не выстраивает собранные в книгу тексты хоть в какое-то подобие системы, не подминает их под концепцию — и в системе, и в концепции неизбежно есть нечто искусственное (опять же — ограничивающее свободу). У него получается что-то вроде живого потока чтения в той последовательности, которая складывалась волею случая и внутренних движений читающего.

Чанцев тут — прежде всего прочего — просто читатель. Делится (квалифицированными, да) впечатлениями. А тексты — по существу личный читательский дневник, писанный нередко от первого лица (разве что недатированный — но с ролью дат прекрасно справляются годы издания рецензируемых книг, неизменно указываемые в их выходных данных). Отсылками к собственной жизни и опыту Чанцев вообще-то не злоупотребляет, но время от времени они у него появляются — как вполне органичная часть текста. Одну рецензию он прямо так и начинает: «Я люблю случайные книги...» В рецензии такое не нужно: какое читателю дело до того, что любит рецензент? — но в личном высказывании совершенно уместно.

При любом удобном случае Чанцев охотно выходит за пределы рецензий как таковых и говорит — в случае, например, Бориса Останина — не только о тексте, но и о его авторе как о человеке.

Интересно, что у Чанцева-читателя (почти) нет иерархий — поле его внимания устроено более сложно, прихотливо, можно даже сказать, неожиданно. Есть авторы, которых он ценит исключительно высоко, — из здешних героев таков прежде всего Эрнст Юнгер: ему тут посвящено несколько текстов — и собственным его книгам, и его биографии. Есть и такие, к которым он существенно критичнее, но тем не менее постоянно к ним возвращается — таков Виктор Пелевин: текстов о нём в книге, кажется, даже больше, чем о Юнгере, но это всего лишь в силу того простого обстоятельства, что Виктор Олегович издаёт по роману каждый Божий год, а Чанцев с той же регулярностью его рецензирует. Отчасти это, конечно, традиция, однако не в меньшей степени и интерес к пелевинскому литературному проекту, — даже при том, что уязвимые стороны этого проекта рецензент отчётливо видит и неизменно на них указывает. Но есть среди его героев и авторы совершенно безвестные, книги которых, более того, вышли исчезающе-малыми тиражами в столь же безвестных издательствах: таковы Макс Неволошин (явно псевдоним), сборник рассказов которого, прочитанный Чанцевым с большим интересом, вниманием и благодарностью, вышел аж в Бостоне в издательстве M-Grafics, Сергей Сумин, издавший свой сборник стихов, афоризмов и разножанровой микропрозы в не имеющем даже названия тольяттинском

издательстве; русский казахстанец Александр Шантаев (кстати, автор очень интересный!) — его книга вышла, правда, в столичном «Стеклографе», но, кажется, Чанцев — единственный, кто обратил на неё внимание. По отношению к ним Чанцев оказывается фактически первооткрывателем и первоосмыслителем (о Максе Неволошине было по меньшей мере ещё две рецензии — Елены Сафроновой и Татьяны Веретёновой<sup>1</sup>, но Сумина и Шантаева точно никто не заметил), он выводит их из слепых зон на уровень общекультурного внимания (вообще — делает их видимыми. Шантаева он, правда, больше цитирует, чем анализирует, но здесь, пожалуй, тот самый случай, когда именно этого прежде всего и надо — чтобы увидели: крупные куски жгучего, пряного текста). Он говорит о них совершенно на равных с авторами масштаба того же Юнгера, Чорана, Ханса Хенни Янна и ставит их в большие контексты (соответственно, спрашивает с них по самому большому счёту — без всяких скидок на «провинциальность» и «экзотичность», без всякого снисхождения к малым сим, — текст говорит сам за себя, и этого достаточно): Неволошина — от Довлатова и Гениса до Бродского; Шантаева — от изысканного ферганского европейца Шамшада Абдуллаева до совсем уж изысканнейшего колумбийского мыслителя Николаса Гомеса Давилы (оба — великолепные одиночки; кстати, это один из авторских типов, особенно привлекающих Чанцева как читателя и аналитика). Надо ли говорить, что после такого обозначения культурных координат неизвестного прежде автора хочется читать немедленно, немедленно. А у Чанцева — учиться крупности взгляда.

Кстати, стоит обратить внимание и на то, что помимо русских книг он рецензирует ещё и англоязычные, которые многие из нас не только вряд ли прочитают, но и не будут иметь возможности взять в руки (по большей части это интеллектуальный нонфикшн — например, биографии Ницше, Юнгера... впрочем, среди этого на равных правах может оказаться и английский перевод норвежского детектива). Он это делает не то чтобы систематически, до создания общей картины, например, англоязычной или британской интеллектуальной жизни тут очень далеко — но и задачи такой он себе не ставит: Чанцев, скорее, открывает в эту жизнь форточки, а то и целые окна.

Вне всяких сомнений, у Чанцева есть свои пристрастия, которых он и не мыслит скрывать, а, напротив того, всячески демонстрирует, подчёркивает и культивирует. Этим частный читатель как тип позиции отличается от исследователя, для которого равноценны все участки его исследовательского поля. Так и хочется сказать, отличается выгодно: это опять же даёт (не раз нами тут упомянутую) свободу — как, кстати, и то, что Чанцев не состоит в штате ни одного из литературных периодических изданий, не скован редакционными заданиями и редакционной политикой — о чём хочет, о том и пишет. Одно из следствий этого — у него очень-очень редки отрицательные рецензии (на всю эту книгу, пожалуй, только одна: рецензия на биографию Юрия Мамлеева, писанную Эдуардом Лукояновым). Да, ему случается в том или ином упрекать своих героев, он прекрасно видит слабые стороны и уязвимые точки обсуждаемых текстов, — но если уж он взялся о чём-то писать, можно быть уверенными, что оно того стоило. Понятно, что интересные ему авторы способны разочаровывать, обманывать ожидания, что Чанцев с корректной жёсткостью (так!) и высказывает — как в случае пелевинского «Непобедимого солнца». Вообще же в рецензируемой книге, даже если она откровенно неудачная, Чанцев непременно усмотрит хоть какое-то преимущество, ради которого на неё не жаль потратить время. Ну хотя бы — как у Лукоянова, — сама её тема (Мамлеев, несомненно, одна из интересных Чанцеву

---

<sup>1</sup> «Урал», 2024, № 7 и «Дружба народов», 2025, № 4 соответственно.

фигур). Или вдруг оказывается, что в слабой в целом книге есть достойные внимания мысли и наблюдения: у того же Лукоянова «про антигуманизм и про тему детей у Мамлеева, кстати, интересно». А о чём не хочет, — о том и не пишет, и вследствие того нам не найти в книге высказываний, например, о поэзии. И жаль, и удивительно, поскольку Чанцев, как очень немногие, восприимчив к её ближайшим родственникам: и к эссеистике, и к стихопрозе, ко всякого рода неформатным текстам. Уж не неформатность ли, не нарушение ли границ, не установление ли связей поверх барьеров, не короткие ли смысловые замыкания — коренное, имплицитное свойство поэзии?! А ведь это — из того, что Чанцев ценит едва ли не прежде всего.

Так вот, самое время подробно рассмотреть его читательские и критические пристрастия. Кем надо быть, какими надо обладать свойствами, чтобы стать интересным Чанцеву? (Ответ «хорошо писать» — недостаточен, хотя в варианте «быть хорошим стилистом» уже может быть принят к рассмотрению.)

Некоторые ключевые слова произнесены: неформатность и нарушение границ. Экзотичность (которая тоже была упомянута выше)? — пожалуй. Недоосвоенность общекультурным вниманием (как в случае романа о прокажённых, написанного в первой половине прошлого века совершенно забытым ныне автором)? — весьма вероятно!

Отчётливо выделяются несколько ареалов его интереса. Они могут показаться очень различными — до противоположности, но при внимательном рассмотрении оказываются друг с другом связаны. Так, наряду с текстами и авторами неформатными, пересекающими границы, не укладывающимися в рамки ему интересна самая что ни на есть формульная беллетристика — те же детективы (Ю Несбё и даже детективы для детей), фантастика, в первую очередь киберпанк, вполне реалистичные Евгений Чижов и Роман Сенчин, наконец, Пелевин, который сам себе жанр. С другой стороны, формульность и твёрдая жанровость интересны Чанцеву лишь постольку, поскольку внутри них обнаруживаются нетривиальные ходы, неожиданные решения; а вообще очень притягивает смешение жанровых форм. (Неформатное и формульное — два полюса его интереса, предполагающие, требующие друг друга.) Ему очень интересны биографии — совсем не только интеллектуалов! — рецензий на них в книге очень много: Нуреев, Фернанду Пессоа, Юнгер, Селин (его — целых две биографии, обе переводные), Сент-Экзюпери... — включая автобиографии: от германского авантюриста, трикстера (и писателя-модерниста) Эрнста фон Заломона до радикальной художницы, специалиста по искусству выносливости Марины Абрамович и коллеги-япониста, искусствоведа, гражданина мира Евгения Штейнера. Очень привлекают контркультура, нонконформизм и экстравагантность, разного рода альтернативы мейнстриму — что бы под таковым ни понималось. Интересны культурное и социальное одиночество, прихотливо-индивидуальные культурные тропы (интеллектуальные построения самоучки Циолковского). Интересны эзотерика, оккультизм, традиционализм (не религия как таковая в её канонических вариантах — куда скорее её маргинальные формы с их нонконформистским потенциалом) и взаимодействие их с массовой культурой. Напряжение между высоким и массовым. Интересна не столько философия, сколько философствование — дерзкое, не считающееся с правилами, идущее глубже правил, на свой страх и риск (как у Симоны Вейль).

И безусловно приоритетно то и те, что и кто не уместается ни в какие рамки, отторгается противоположными друг другу сообществами, ломает конвенции, совмещает несовместимое (как, например, Ханс Хайнц Эверс, поссорившийся в своё время «со всеми лагерями» и писавший «прозу вне определений»). То, что расширяет границы и проблематизирует устоявшееся. (Один из типичнейше чанцевских героев,

Питер Хёг, «любит работать на той смутной границе, что отделяют устоявшиеся и избитые даже жанры от границы неведомого» — именно, именно это приближение к границе неведомого, какими бы средствами оно ни достигалось.) Неудобное и трудное — вплоть до скандального (одна из глав книги, объединяющая три рецензии, посвящена «неудобным мыслителям» — вот, вот оно!). Окраинное и промежуточное. Неочевидные ходы, нехоженные пути. Герои, тексты и проблемы такого рода тут в решающем большинстве: подумаешь, если бы Чанцеву вдруг захотелось, — он на основе прочитанного и продуманного мог бы написать целую монографию о таком человеческом типе, о свойственных этому типу способах культурного участия.

Если говорить о текстах, большей частью это эссеистика: Бориса Останина (ещё один любимый автор Чанцева, к которому он возвращается не раз), Андрея Першина, «проза на грани стиха» Артёма Пудова, «тексты по случаю» Салмана Рушди, переходная форма — «роман-эссе» — Сергея Соловьёва... и нонфикшн — философия, история и теория культуры и культурных практик. А если уж роман, — то лучше всего нечто невообразимое, как «Река без берегов» Ханса Хенни Янна, который, по всей вероятности, потому и не прочитали, что просто не знали, как это читать.

Цена у рецензируемых авторов, с одной стороны, точность, корректность, информативность... — с другой стороны, гораздо более того Чанцев ценит выход с уровня фактов и правил к метафизическим глубинам, на которые известные нам правила уже не действуют.

Что бы ни вкладывал сам Чанцев в понятие «детской страны» (подумаешь: с такими-то персонажами — детская? — что Селин, что Чоран, что антисемит Тиняков, что вообще Эрнст фон Заломон, сидевший в тюрьме за убийство? Ну, эти персонажи важны автору уже хотя бы тем, что максимально неоднозначны. Тут главный герой, собственно, — сама неоднозначность. Во всей книге насквозь), можно предположить: «детская» эта страна по открытости восприятия, по безудержности внутренних движений, по принципиальной установке на рост, который взрослых обыкновенно уже не слишком волнует. Границы её неопределимы (и, по всей вероятности, изменчивы), но одной из этих границ она несомненно соприкасается с небом.

По сравнению с предыдущим сборником, с «Ижицами на сюртуке из снов», размеры «Детской страны» нетипично скромны: если в книге 2020 года было семьсот с лишним страниц большого формата, — и в транспорте-то не считаешь как следует, — то теперь их всего-то пять с половиной сотен формата вполне традиционного (в небольшой рюкзак умещается), и, в отличие от предыдущих книг, сюда не включены ни тексты о кино и музыке, ни интервью. С одной стороны, это даже милосердно, потому что и читать удобнее, и существенно обозримее область авторского внимания, сосредоточенного на сей раз исключительно на словесности — пусть и не только на художественной — и истории мысли (а также воображения, если учесть, что одна из важных областей интереса автора, как мы уже заметили, — фантастика, особенно киберпанк). С другой — книге всё-таки недостаёт прежней великолепной и нетривиальной объёмности, позволяющей увидеть глазами Чанцева словесность как всего лишь часть культурного универсума, пронизанного многими и неочевидными связями, а в самом авторе — человека, мыслящего о культуре в целом. Впрочем, отважмся на небольшой спойлер: как стало известно из тайных источников, «В какой-то детской стране» — только первый том, за ним должен вскоре последовать второй — и, возможно, туда как раз войдут тексты о других искусствах и культурных практиках, к которым автор не перестаёт быть внимательным. Уххх, почитаем!

Ольга Девш

## Вся любовь

Леонид ЮЗЕФОВИЧ. Мемуар:. Стихи и переводы. 1965—2023. — М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. — 188, [4] с.

«Вчера Дезик читал мне свой мемуар со всем жаром отвергнутой любви, со всем хладом более правильно прожитой жизни», — писал Борис Слуцкий в «О других и о себе». Сейчас, наверное, мало кто знает, о ком шла речь. Фамилия Кауфмана тоже уже знакома только знатокам биографии Самойлова и литературного нон-фикшна. Как вспоминал Константин Симис, близкий друг Давида Самуиловича (кстати, именно Слуцкий, однокурсник Симиса, их познакомил в 1939 году в Московском юридическом институте на организованном им вечере поэтов — «встрече двух поколений молодой советской поэзии»): «Когда Дезик во время войны ушел (добровольцем) в армию, он был уверен, что с детским именем покончено. Но в запасном полку, когда вышел на плац, первое, что он услышал, было: “Дезька, давай к нам”»<sup>1</sup>.

Но Леонид Юзефович о своем детском прозвище — и было ли оно — в «Мемуаре» не сообщает. Лишь упоминает, что назван в честь маминого младшего брата «после его ареста в 1947 году». И добавляет без обиняков: «А вот сам я — плод школьного романа». Родители учились в одном классе. А прадед по отцу — из смоленского дворянского рода. Блок посвятил стихотворение «Испанке» двоюродной бабушке, младшей сестре деда по маме, эстрадной певице и танцовщице Бэле Казарозе-Шеншевой. Всю войну мама прошла с томиком Блока... Да, это «Мемуар». Перед нами сборник стихотворений и переводов. Избранное за жизнь.

Тут уместно процитировать из словаря, что мемуар — литературное произведение, повествующее в форме записок от лица автора о событиях прошлого, участником или свидетелем которых он был. Не лишним станет примечание: обычно используется форма множественного числа — мемуары. Однако Юзефович поставил в единственном. Интересно почему?

Потому ли, что это первая поэтическая книга признанного прозаика и привычной мыслить в категориях «роман», «повесть», «рассказ», где всё единственное? Или нужно отталкиваться не от множественных записок, а того, что это литературное

---

<sup>1</sup> Константин Симис. Воспоминания о Дезике / Публикация и примечания Г.Медведевой // Знамя. — 2010, № 2.

произведение, то есть единое целое? Или чтобы слово как у любимого поэта в мемуарах... Всё может быть. И вот фотография на обложке — монохромный снимок, рука автора (тыльная сторона кисти, выпрямленные пальцы плотно примыкают к друг другу) лежит на ровной поверхности, вероятнее всего стола, и будто сдерживает или успокаивает что-то — еще сильнее питает догадку о посыле названия «Мемуара»: смотрите, здесь честный человеческий документ, право, обещание, вещное и inferнальное, факты и следы. Жест доверия и предложение, если не просьба, выслушать.

Что же делать, куда брести?  
Чем согреться и как забыть?  
Разве сердце зажать в горсти  
И на счастье его разбить.

В конце завершающего книгу эссе «Автопортрет на фоне ямбов и хореев» Леонид Юзефович признаётся: «Жизнь оказалась длинной — и теперь, когда моя молодость приближается ко мне стремительней, чем в былые годы от меня уходила, я опять полюбил стихи едва ли не больше всего на свете». Вы слышите здесь хоть кварк кокетства? Нет. Его здесь нет нигде: ни в ранних стихах, что насыщены романтикой чуткого и ответственного поиска героя, способного если не изменить мир, так ответить по существу («Ландшафты»); ни в верлибрах о людях, их судьбой отмеченных фигурах, за которыми зыбится история («Лица»); ни в переводах, совершенно не застилизированных, а таких понятных, запоминающихся, чужой культурный пласт переработавших в своё письмо, отзывающееся поэтическим принятием на грани открытия, потому что время стиха, образность совсем другие и приходится соответствовать. Как здесь, например: «Он вспоминал её глаза/ И волосы её,/ И как качает ей слеза/ Ресницы остриё», — Уильям Батлер Йейтс («Духи облаков»).

Но ни в чем Юзефович не кокетничает. Для примечаний к стихотворениям отведены парные с ними страницы, и они выступают как полноправные участники повествования. Это в какой-то степени роднит построение «Мемуара» с пьесами, где ремарки работают как арматура в несущих конструкциях здания. Персонажи выходят один за одним, у каждого своя драма. И ход с делегированием полномочий «рабочим текста» уместен, поскольку Юзефович прежде всего историк, его поэтический язык мало отличается от прозаического. В центре стихотворения всегда человек или история человека. Изобразительные средства строги, нет мутных абстрактных картинок, преобладают исторические фотографии (к примеру, «Сперанский», «Правнучка Гёте», «Борис Волков»), житейско-событийные зарисовки (это преимущественно ранние тексты вроде «После смены», «Ветеран», «Манёвры», а с философским флёром более поздние, как «Чернеет ночь, белеет снег...»), этюды и офорты на исторически-мифологические сюжеты («Баллада», «Спектакль» и др., а также стихи, написанные для прозаических произведений, например, «Песенка Казарозы»). Стихотворения, подобные верлибрам «Любовь», «Сосна декабристов», «Мамлюк», должны называться рассказами, поскольку по сути и даже форме они и есть. Очень сконцентрированные, на дыхание заточенные рассказы. Их сюжеты вполне могли бы стать основой для одноактных пьес в антрепризе.

Складывается впечатление, что Леонид Юзефович старается соблюдать такой баланс документальность/художественный вымысел, чтобы прототипы не оскорбились

персонажами. Все живые. Или жили когда-то. Отчего так требуется еще больше. История не терпит допущений, однако писатель создает миры не при помощи фотоаппарата или копировальной машины, литературное произведение требует иных инструментов. Память — один из них. Да, инструмент капризный, с ним нужно работать деликатно, чтобы не омемуарить себя в дурном свете. Не всё годится для записывания. Но в «Автопортрете на фоне ямбов и хореев» Юзефович бесшовно срастил личную историю с посвящениями любимым поэтам, с воспоминаниями о важных людях.

Когда в «Автопортрете на фоне...» он рассказывает о первой своей поэтической публикации в очень коллективном альманахе (уж что-что, а подобные сборники, как скрижали, не претерпевают перемен) и последовавшей за ней разгромной критикой Виктора Астафьева. (И как тонко в паре предложений отражена трагедия самого Астафьева: «Это “дерево печали” — сибирский кедр, но тогда я не понимал, что Виктор Петрович читал о нём как о самом себе, тоже одиноко ворвавшимся в высоту и обречённом жить с “раной от огня” встреченных там молний».)

Чувствуется самоирония, но тонкой полуусмешкой, и то скорее рисуешь её сам, выстраивая по ощущениям образ автора таким, как бы сказать, заостренным внутрь. Не могу выбрать между нашедшим опору, состоявшимся в жизни Пьеро и избавленным от слабости порывистого драматизирующего характера Лётчика — есть что-то от обоих.

Чтобы понять чувства,  
владевшие нами в молодости,  
нужно прожить жизнь.  
Свою жизнь я почти прожил —  
но не понимаю,  
почему много лет назад  
возникла передо мной эта картина.

Снежное поле,  
птичьи гнёзда в моих следах.  
Что это было?

Вот это «почти прожил» — не упрек, а констатация факта и вместе с тем шаг в будущее, ведь «почти» говорит о настоящем и его хочется переносить и переносить в завтрашние дни. В этом «почти» и надежда, и благодарность.

Вся любовь в «Мемуаре».

Вера Калмыкова

## Один маленький книжный магазин...

Мария ЗАКРУЧЕНКО. Bookship. Последний книжный магазин во Вселенной. — М.: Альпина нон-фикшн, 2025. 464 с.

Вообще-то люди любят читать. Вот только читать они любят про людей, которые к чему-то стремятся, чего-то добиваются, идут к своей цели, кого-то любят, что-то понимают. Такой герой вдохновляет, становится *другом*, даже если он совсем *другой*.

Практика показала: люди не любят читать о том, как исключительная личность созерцает свой пуп или совершает странные, порой противоправные действия, оправданные ощущением собственной исключительности. Когда книжный рынок наводняется подобными сюжетами, читательский спрос сокращается, тиражи падают, книги загромождают склады. Потому что они скучные. Быть таким человеком не хочется, жить рядом с ним — тем более. Производство дорожает, продукция не расходуется. Начинается издательский кризис. Все плачут. Книги не нужны — вывод простой и беспощадный.

А ведь дело обстоит совсем иначе. Повествование должно быть увлекательным, это раз. Читатель имеет право переселиться в реальность внутри переплёта и жить там в предлагаемых автором обстоятельствах, участвовать в событиях, происходящих с действующими лицами во времени и пространстве. Значит, время и пространство, а также обстановка вплоть до мельчайшей детали должны быть непротиворечивы и убедительны, а художественный мир в целом — правдоподобен, даже если он фантастичен в согласии с фабулой. От писателя требуется тщательно продумать мир, который он создает.

Достоевский в своё время унился до детектива, чтобы вовлечь тысячи (а потом и миллионы) людей в процесс решения важнейшей проблемы — право человека на жизнь. Главной в «Преступлении и наказании» стала идея, что самую гадкую старушонку нельзя просто так взять и убить. Но как внедрить эту мысль в головы современников? На помощь пришел Порфирий Петрович. Он Достоевского и спас.

Пункт два: герой книги должен быть таким, чтобы с ним можно было *само-отождествить-ся*, расширив пределы эмпатии до высшей степени рефлексии. Это не *он*, вымышленный человек, а *я*, реальный, физический и душевный, духовный — двигаюсь, взаимодействую, выясняю, нахожу, преодолеваю, открываю. Или просто живу, ничего особенного не совершая, но постепенно обнаруживая в жизни смысл или смыслы, приобретая и осмысливая опыт. А что *мой* опыт на самом деле оказывается *не прожитым, а вычитанным из книги*, так на то и художественная литература.

Придуманное кем-то противопоставление между элитарным («высоким») и массовым («низким») чтением столь же опасно, сколь и искусственно.

Если за эталон элитарности брать Рильке, Пруста или Джойса, то стоит помнить: даже такие мастера параболы, бессюжетности и абсурда, как Виктор Соснора, с задачей этого плана... не справились. Извините за прямоту. Видимо, в атмосфере 1900—1920-х годов было нечто, располагавшее к изображению героя, который ищет главное *внутри себя*, но на выходе «литературы пупа» не получается. Атмосфера середины-конца XX века и позже — иная, в воду Пруста не войти, хоть кожу на берегу оставляй.

Потом, десяток-другой лет спустя, жанр *поиска* стал сюжетным, приключенческим, *скатившись* до обычной увлекательности. Толкин, Льюис, Урсула ле Гуин, позже братья Стругацкие и иже с ними без специальных усилий выдали синтез «высокого» и «низкого», не заботясь о том, чтобы их читали только высоколобые. Но Германа Гессе стоит отнести туда же, в эту же группу. Как и Умберто Эко.

Да простится мне столь обширное вступление к разговору о романе Марии Закрученко «Bookship. Последний книжный магазин во Вселенной». Иначе не умею объяснить, почему, как мне кажется, с появлением подобных книг начинается *новый виток развития русского романа*. Пробы произведены. Негодные результаты отброшены. Предпосылки созданы. Читатель готов. Поехали.

Отставить спойлеры, нечестные по отношению к автору и читателю. Фабула романа проста: человечество, расселившееся по космическим просторам, колонизировав обширный космос, не желает помнить, что когда-то жило на Земле. Сюжет связан с юношей по имени Дик, ищущим свои корни — а заодно, параллельно, и корни человечества, от которого он, ничейный сын, подкидыш, ощущает себя неотделимым.

Перед нами типичный *роман-поиск*. Написанный изящно, изобилующий авантурными поворотами, неожиданностями и небанальным построением. Отношения Закрученко с русским языком нормальные, т.е. творческие.

Возьмем героя. Он найденыш, не помнящий ничего, кроме своего имени — Ричард, Дик.

*Истощенный и обезвоженный после нескольких дней в пустыне, Дик не мог произнести ничего, кроме своего имени. Осколок, уцелевший от прошлой жизни. <...> Когда Дик входит под своды дома, каждый раз застывает на миг. Одного взгляда на него достаточно, чтобы понять: он здесь чужой. <...> С ним держатся вежливо, раз один из старейшин когда-то пригрезил найденыша у себя. Но никогда не дадут забыть, что он здесь чужак.*

Откуда он, никто не знает, но ему больше всего на свете хочется это выяснить. Для чего необходимо отправиться в странствие.

Чужеродность Дика подчеркнута многократно. И не верится, что в душе читателя не раздадутся пушечные выстрелы: здесь бабахнет «орудие» Фродо Бэггинс, там жахнет — Гарри Поттер.

Маленькие люди, представители ничтожных меньшинств (хоббиты и волшебники в своих реальностях количественно и социально соотносимы), но именно им предстоит осуществить, по Мандельштаму, «огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля». Не каким-нибудь ахейским великим мужам, богатырям и воинам, а самым что ни на есть микроскопическим песчинкам.

...Мне непредставимо повезло в жизни: посчастливилось общаться с людьми, которые мыслятся не одной лишь мною как великие. Несколько таких встреч

и даже отношений довелось пережить. И мне трудно предположить, чтобы Григорий Соломонович Померанц, например, самоотожествился с Арагорном. А вот с Фродо человек, который говорил, что в лагере был придурком, — безусловно, встал бы на одну ступень...

Дику в романе Закрученко приходится преодолевать сопротивление тех, для кого привычная картина мира дороже чьей-то жизни, особенно чужой, разумеется. Традиционный, общепринятый ход мысли всегда видится более надежным и устойчивым, такое мышление — это своего рода гарантия стабильности. Пока ты с нами, как бы говорит странному человечку устойчивое общество, мы готовы тебя терпеть. Но если ты вздумаешь против нас, мы сделаем всё, чтобы тебя не было. Не только с нами, но и вообще. Мы будем уничтожать тебя и всё такое, как ты, и вот за это отдадим и наши собственные жизни.

Выбор между зоной комфорта и правдой *неестественен*, однако именно он определяет перспективу — не для кого-то одного, а для всех. Немудрено, что в поисках правды герой оказывается на борту космического корабля класса Bookship, летучего хранилища бумажных книг.

*Покончив с тайнами, капитан возвращается в каюту и в первую очередь отхлебывает из фляги. Это действительно помогает, а ей сейчас просто необходимо расслабиться. Она открывает одну из пазух, которые перерыли вдоль и поперек при обыске, и улыбается. Подтягивается на руках и пролезает в отверстие по пояс. Искусственная дальняя стена дрожит, как мираж, и исчезает. Маленькая библиотека Bookship, обложенная свинцовыми листами со всех сторон, в полном порядке. Книги, закрепленные в индивидуальных железных стойках, не затронет ни радиация, ни прямое попадание ракеты. Капитан ставит книгу в одну из немногих пустых ячеек, фиксирует её там. Задерживается, чтобы окинуть взглядом свою коллекцию — последнюю библиотеку бумажных книг во Вселенной. Если они и будут гореть, то с ней вместе. Ей хочется взять одну и перечитать, но она одергивает себя: не сейчас, позже. Она делает ещё один глоток, чтобы спалось крепче. Но ещё долго не может заснуть.*

Это на борту. А что на обитаемых планетах? Если ты читаешь, ты чужак. Знакомо, не так ли? Но в «451° по Фаренгейту» Брэдбери пожарные сжигали книги. В Bookship не пожалеют и тех, кто читает.

Книги могут открыть правду, потому что они «не меняются. Их невозможно переписать сиюминутно, перекроить под “сейчас” и изменить завтра. В книгах оставалась правда о том, что внезапно стало запрещено...» Имеются в виду прежде всего бумажные книги, потому что электронную версию в любой момент можно изменить или удалить из сетевого доступа, если кому-то из охранителей удобного миропорядка она покажется опасной. С бумажной номер не пройдет.

*Знаете, почему Инквизиция так стремилась уничтожить печатные знания? Потому что подделать их намного сложнее, чем инфоканалы в Сети! Там Инквизиция тасует информацию, как наперсточник в подворотне. Сегодня у нас одна правда, завтра другая, ну и что, никто не отличит, ведь раз сказали, так и было, а вчерашняя информация уже ушла, утонула в песок. И если что-то исчезло бесследно, то это больше никогда не найти!*

Вспомнилось: у Льюиса в «Хрониках Нарнии» *не менялись* говорящие животные, оставаясь носителями исторической памяти. Здесь — книги. Неодушевленные, казалось бы, предметы. Вечно живые пристанища души и мысли.

Логично, что борьба за чтение в романе Закрученко — то же самое, что борьба за выживание. Индивидов. А инквизиция, борющаяся с чтением и преследующая космический корабль с тайным грузом, стремится уничтожить этих самых индивидов, людей с определенным типом сознания. Он сам по себе враждебен, как, разумеется, и его носители.

Роман-поиск в том виде, в котором его принимает и порождает современность — космический вестерн, или космосага, или космо-опера и т.д., — разумеется, продолжает развитие жанра, возникшего задолго до Толкина. У Закрученко планета Земля оказывается тем самым Граалем, который дарует чудо познания, — в данном случае единства пространства и времени. Но есть законы искусства, и они действуют: жанр имеет историю, она отражается на любом произведении, и каждое новое сочинение должно поставить свою задачу. Значит, таковая должна быть и у романа Закрученко. И мы видим: этот автор острее, чем предшественники, решает вопрос о соотношении индивидуального и всеобщего. В Bookship потребность читать осознается единицами, разрозненными, разбросанными по бескрайнему Космосу. Но чтение необходимо всему человечеству, сколько бы людей ни было на свете.

Не говоря уже о том, что сохранность знаний, хранящихся на электронных носителях, немножко слишком зависит от стихии или злой воли. Мы как-то не думаем об этом, а зря. Закрученко думает, а роман-поиск благодаря таким размышлениям превращается в роман-предупреждение.

Пространственно-временной континуум удостоверяет саму реальность жизни. Дик и подобные ему хотят жить в непрерывности, там, где прошлое, настоящее и будущее не симулякры, а условные вехи одного и того же естественного процесса. Инквизиторы и подобные им, напротив, настаивают, что возможно и нужно только *сейчас*, равное *всегда*; хода времени они боятся, связь эпох кажется им опасной. Дик говорит Анне простую, казалось бы, вещь: «Без прошлого нет будущего», — но в мире агрессивного настоящего это чудовищная ересь, наказание за которую жестоко.

Охранители предлагают массе обманчивый мир, в котором линейное развитие отсутствует, а значит, возможны только экстенсивные процессы, подменяющие собственно движение. Однако безграничному расширению противостоит картина мира, основанная на ценности книги, — она линейна, как в Книге книг, в Библии, разговор о которой составляет ключевой элемент сюжета. Если Земля — чудесный Грааль, то книга, отпечатанная Гутенбергом, играет в романе роль триггера (вот так интересно Закрученко работает с живым и неживым), побуждающего героев совершать рискованные поступки.

В конце концов побеждают человек, Книга и Земля, выступающие в единстве. Если верно, что Марию Закрученко читают подростки, это хороший знак: значит, им нужна увлекательная христианская литература. Потому что там, где говорится о линейном движении времени и о Писании, непременно имеется в виду Христос.

Ольга Гертман

## «Вечность торчит повсюду, как ржавый гвоздь»

Наталья ПОЛЯКОВА. Переплывая лето. — М.: Литература, 2025. — 224 с.

Предваряющие новую книгу Натальи Поляковой небольшие аннотации поэтов очень разных — и безусловно очень хорошо понимающих поэзию, явно без того, чтобы авторы друг с другом сговаривались, при всей своей разности настаивают на одном: стихи Поляковой просты, они, по большей части, — прямые высказывания. Галина Климова: «Поэзия Натальи Поляковой — прозрачная, понятная и сдержанная». Ирина Ермакова: «Новая книга Натальи Поляковой — прямая открытая речь». Юрий Казарин: «Стихи Натальи Поляковой — это образец поэтического прямоговорения». Сдержанность — да. Прямота — пожалуй, да, нередко; но эта прямота полна умолчаний. А вот простота... — это хочется оспорить в первую очередь.

Да, некоторые тексты этой книги такое впечатление производят. Но сразу же приходит на ум и то, что как раз простые по видимости тексты требуют особенного внимания — именно в силу своей как бы понятности: простота и ясность, на которых не спотыкаешься, рискуют стать предметом восприятия поверхностного, автоматизированного и потому, в конечном счёте, слепого. Со стихами Поляковой именно такая ситуация.

Они могут показаться простодушно-реалистичными, описывающими — по преимуществу традиционной силлабо-тоники (которая — как хорошо обжитый дом, при том, что уюта и спутника его — спокойствия лирической героине как раз очень недостаёт, но это так, в сторону) — всё воспринимаемое привычной пятёркой чувств и сопутствующие этому, вполне предсказуемые, эмоции: печаль по ушедшему детству и всему, что было тогда, даже если оно было трудным — а оно было; по бабушке, дедушке, родителям, по скоротечности жизни, по неминуемой старости и неустранимой смертности, по одиночеству человека в мире и хрупкости всего, что его защищает — если защищает, вообще, нежность к растущему ребёнку, горький огонь трудно складывающейся — скорее не складывающейся — любви.

(В общем-то уже из сказанного понятно, что от простодушия всё это довольно далеко. Сами темы — даром что традиционные и проговоренные в мировой поэзии необозримое количество раз — к нему не располагают. А прямые высказывания тем и прямые, что поэт говорит о самом существенном.)

Но всмотримся же в эти стихи как следует. Усилия оправдываются.

Что до силлабо-тоники, её твёрдые формы, кажется, выполняют защитную функцию: упорядочивают, умирят хаос жизни внешней и внутренней, по крайней

мере — внятно и упорно возражают ему (надо ли повторять, насколько это важно в катастрофические времена). Производят тонкую настройку восприятия.

Твёрдая форма — надёжная опора. Никаких истерик.

Есть в книге и верлибры — например, целиком поэма «За всех своих» — о предках автора, стихотворение «Цветные осколки», — но тоже очень сдержанные, настолько, что хочется сказать — жёстко держащие форму, — при том, что речь идёт о предметах, провоцирующих скорее на крик. Однако нет: никакого повышения голоса. Чистая констатация фактов. Терпение, дисциплина и тихое, упрямое достоинство.

Когда вернулся из леса Андрей Поляков с дочкой  
С полными саними дров:  
Ни дома,  
Ни четырёх сыновей,  
Ни соседского мальчишка,  
того самого,  
Единственного у родителей, долгожданного...  
Только чёрная воронка,  
Только запах войны и —  
Ни живая, ни мёртвая —  
жена.

Чей это был снаряд?  
Красных или белых?  
Их же не отличить.  
Имело ли это значение?

Поэма, завершающая книгу, стоит особняком — в том числе в отношении выделки текста, совсем лишённого и красок, и метафор, и даже перепадов интонации, — чистая жёсткая фактография, чёрным по белому, беспощадная, мороз по коже. Остальной корпус стихов организован иначе.

Прежде всего, это очень телесные стихи — на многих уровнях. Реальность ощупывается подробно и всем телом — неотделимым от души, между ними нет границы — как и между разными чувствами, сливающимися, переходящими друг в друга. Остро- и густо-чувственные тексты Поляковой полны запахами: «Запах детства — “Красной Москвы” и помады,/ Бензина дешёвого семьдесят шестого»; «К тридцати принимаешь свой быт, он пропах табаком,/ Сыростью, пивом», «Пахнет апрель проталинами и луковой шелухой», «Дом к выходным наполняется хлебным духом», и даже ягоды, падая «в почву», «пахнут светом» (у света есть запах! — да, подтверждает поэт, есть: «...Пахнет свет вишнёвой брагой». Он есть даже у вечности: «...Вечность пахнет тёплым сургучом,/ Рекой, травой, резиновым мячом...»). А уж людей он характеризует, может быть, точнее всего: «Бабушка пахла мукой и остывшей золой./ Девочка — щебетом птичьим и счастьем щенячьим./ Запах одной засыпали разбухшей землёй./ Запах другой увозили в вагоне гремящем»). Воздух, в свою очередь, имеет вес: «Воздух, как жизнь, обретает и вес, и объём». Звуки сплошь телесны: «шум течёт, течёт, вливается подкожно», «И брызнет из проклёванных пустот/ Зелёный шум и речью прорастёт». Жизнь чувствуется и на вкус: «жизнь сладка, как перезревший лук», «зелёные яблоки вяжут во рту».

К яблокам и яблоням у Поляковой мы ещё вернёмся.

Пока же задержим внимание на чувственном аспекте её стихов: они перенаселены вещами. В основном это — вещи быта бедного и трудного, усталого, замученного до слепоты, — не только в детстве, пришедшемся на девяностые годы, но и более позднего. «Шапка “петушок”», «алый галстук», «москитная сетка», «качели <...> на одном винте», «мамин белый капор», «саночки», осколки, рассыпанные вокруг Фарфорового завода (но и «пуговиц волшебный сундучок, <...> И самолёт бумажный, и волчок» — таинственные вещи детства), диван и старинное бюро, простыни, «грубые доски стёртого паркета»...

Не говоря уже о том, что у Поляковой интенсивная (опять-таки — прямо физически осязаемая) звукопись: «Шуми во мне солома, сено, силос./ Шуми, шуми, пока не износилось» — шорох, шелест, свист ветра в соломе. Поэт вслушивается в досмысловое, звуковое устройство слов и втягивает его в смысловую работу: «До-садный шум, где скоро будет сад». Сам язык для неё — телесное событие.

Поэт впускает в свои тексты множество предметов непоэтизируемых — не просто утилитарных, но даже куда скорее низких, чем хоть сколько-нибудь высоких: «старые тряпки», «поношенные тряпки», «рваная джинсовка»; «Беломора окурки намокли и пожелтели./ На балконе стул влажен и неказист». При этом лирический субъект Поляковой не перестаёт чувствовать ненадёжность «вещного мира». Да мир и вообще «хрупок <...> как будто из стекла». Но это никак не отменяет пристальности, с которой поэт всматривается и в мир, и в его преходящие хрупкие вещи: и они, и связанные с ними практики перенасыщены значениями, которые не перечисляются тут единственно потому, что их и не перечислить («Кто чинит вещи — не опустит руки./ И боль пройдет/ в игольное ушко»). Весь объём возможных значений не выговаривается прямо ещё и затем, чтобы — в ответ на вещь-стимул, вызывающую к ассоциативной сфере читателя — смыслы разворачивались в его собственном внутреннем пространстве.

Тем более что «мы сами — вещи, сложенные сложно».

То, что выглядит как бытопись, как физиологический и критический реализм, — одновременно символические высказывания. Они — о человеческом состоянии, о человеческой ситуации в мире. Да, «мир познаётся опытным путём:/ Река, трава, суглинок, чернозём». Но к суглинку и чернозёму опытно постигаемой реальности он — по мысли и чувству поэта — точно не сводится.

И вот о яблоках и яблонях. Это у Поляковой один из сквозных и очень настойчивых символов. В стихах первой, «детской», части их много — и почти всегда это самые настоящие яблоки, из дедушкиного сада, те самые, что «вяжут во рту»: «А за домом — яблони — в полный рост». Но не менее настойчива яблочная образность и там, где уже не о детстве: «Яблони зацвели в Гефсиманском саду сиротливо», «однажды вернуться назад,/ Где яблокопад барабанил <...> В тридцати километрах от МКАДа ждёт брошенный сад,/ Там антоновки рано поспели», «...яблони уснули,/ Яблоки под снегом залегли».

Сад — ещё одна из ведущих образных линий книги. Огромное ассоциативное поле: «Я в сад вошла, скатившийся к реке <...> В нём яблоко, как брошенное слово», «Но посмотри, как много дел в саду,/ Плоды сочатся сладостью земною», «По лестнице пожарной от врачей/ Сбегают в сад проснувшийся Иаков», «Зацветут однажды садами твои дела». «Время с яблонь вечность собирать». С чего же ещё.

(Понятно, что сад устойчиво ассоциируется тут с архетипическими садами христианской истории: не только с Гефсиманским, но прежде всего с райским —

особенно сад детства, того самого, которое ею несколько не идеализируется. Рай — это не о хорошем или приятном, это об изначальном и безусловном. И, как положено раю, это рай утраченный, в том числе и по собственной вине.)

Стихи Поляковой полны разнообразной и преизбыточной жизнью: и фауной, и, особенно, флорой, большей частью дикой (одним из значений которой видится витальная сила). Всё названо по именам — тут зрение поэта очень отточено: не просто сад, лес, трава, но сплошь индивидуальности со своим обликом и нравом, в роскошном изобилии: чертополох, крапива, пастушья сумка, рябина, полынь, иван-чай, луговой мятлик, перечная мята, хмель и плющ, дикий виноград, «снежнотродник белый», «липа, берёза, ива», куст малины...

(Книга — горькая по основным интонациям. Ведущие чувства тут — с одной стороны, почти непреходящие горечь и печаль, с другой — чувство и хрупкости, и чудесности «простых» вещей, их тайны и глубины, — и, конечно, два этих эмоциональных ряда связаны друг с другом.)

При этом всё переполняющее книгу многообразие жизней ни на минуту не забывает, что каждая из них, не переставая быть чувственным фактом, ещё и символ, которого, как и положено символу, не исчерпать, но коренные, архетипические смыслы в нём узнаются.

Всё живое. Всему больно.

В основе понимания этого — устойчивая интуиция, согласно которой человеку всё соприродно и созвучно.

На самом-то деле прямые высказывания в книге не в таком уж изобилии. Есть, конечно, и такие — и, вследствие самоочевидности высказываемого, это не самые сильные строки. Иной раз не удаётся избежать и банальностей. Большой же частью её тексты — чувственно-подробные виденья, почти сны наяву. И вот это действительно и сложно, и интересно.

Целый пласт стихотворений книги говорит об одиночестве и оставленности, о потребности в любви — отождествляемой одновременно с жизнью и болью — и (почти?) невозможности её. Тут особенно много прямых высказываний — до прямолинейности, до совсем-незащищённости. Тут много сильного и горького. Но, кажется, по-настоящему сильными её тексты становятся, когда — опираясь на личные обстоятельства автора, — выходят за их пределы:

Трава растёт, из тьмы произрастая,  
Беспомощная, сильная, простая.  
Её всеобъясняющую тишь  
Услышишь сердцем, если помолчишь, —

когда от собственной единичной человеческой биографии, от её запутанностей и тупиков («Не разобрать себя, как сложный текст,/ Не посчитать все стопы и длинноты»), поэт поднимается к смирению и тишине: «Я в диком поле мак и васильки, Я *жёлтый одуванчик у забора*», а оттуда — к архетипическому, к универсальным символам. «Я изначальность, я земная твердь,/ Слежавшаяся комьями земля». Биографические подробности на таком уровне самовосприятия уже не важны.

Эти «простые» стихи только и говорят, что о сложности, дают пережить её телесно и чуть ли не дословно («дословный шум, на слух неуловимый...»).

Здесь символично всё насквозь, вплоть до рутинных бытовых действий, — особенно они. И стихотворение о перебирании риса недаром открывает книгу,

как ключ: оно именно об этом и говорит. О сплошной осмысленности дел человеческих, о том, что пустой породы нет вообще. «Каждой чашкой кухня глядела в нас». Не пусты и не случайны даже размокшие и пожелтевшие окурки: они впитывают время.

Да ещё речь тут идёт о том, что бесконечно крупнее быта с его неурядицами и неудобствами (а ведь о нём тут много!). О том, что больше и самой истории, тоже ничем хорошим не заполненной (есть тут и о ней — гораздо меньше, но во второй половине книги её объёмы нарастают — не вытесняя, впрочем, всего остального и даже не преобладая над ним: «Вот город в шлеме ОМОНа и разгоняет/ фанатские драки,/ Пикеты дольщиков и стихийные митинги на Манежке»; «И стоит солдатиком маленькая скрипачка,/ Сражаясь смычком в переходе узком,/ Хрупкая женщина. Девочка, где твоя пачка?/ Солдатик твой где? Под Суджей лежит, под Курском?» Больше всего истории в поэме «За всех своих» — истории семейной, рассказанной через историю страны, — но мы уже сказали о том, что основной корпус текстов организован иначе).

Там, в разломах повседневной корки, в её истончениях открывается и просвечивает большое время, в конечном счёте родственное вечности, — *вечностное* время: «февраль морозный подмосковный,/ Сотканный из звёзд и пустоты», «голубая высь», которую на свободе вышивает «юркая синица». На самом деле тут всё пронизано чувством, что к повседневным подробностям человеческое существование не сводится, не может сводиться. Для понимания этого чувственные подробности в их обилии, собственно, и нужны — что в жизни, что в стихах.

«Вечность торчит повсюду, как ржавый гвоздь». Воистину.

Замечательное сравнение — не только своей неожиданностью, но и подчёркиванием того, что вечность — вопреки привычным человеку обобщениям — совершенно не обязана быть для нас ни удобной, ни приятной.

Очень возможно, что смиренная на первый взгляд бытопись выявляет это как ничто другое.

*Борис Минаев*

## Там, где мама молодая

Много лет назад я написал цикл рассказов, которые стали книгой. Потом циклом книг: «Детство Лёвы», «Гений дзюдо», «Чужие ребята», «Прекрасный летний день». В сущности, это один и тот же текст, который я писал, можно сказать, всю жизнь.

Всю мою уже довольно долгую жизнь...

Никогда не предполагал, что это может стать спектаклем. Даже не думал об этом.

Место, которое я описываю в своих рассказах, — оно довольно странное. Находится ровно посередине между «центром» и «рабочей окраиной». Здесь всё вперемешку: старая-старая фабрика и набережная Москвы-реки, девятиэтажки, пятиэтажки, вставшие когда-то в 60-е на месте деревянных домов и бараков, их построили как раз в тот момент, когда наша семья сюда переехала, — и с другой стороны, довольно древние, прямо скажем, очень заслуженные дома. Например, доходный дом начала XX века, где вырос Владимир Маяковский. Там он жил с мамой и двумя сёстрами. В доме пионеров, который возвышается над Рочдельской улицей, была когда-то дворянская усадьба. В Краснопресненском парке культуры и отдыха — не просто усадьба, а одна из самых знаменитых усадеб в Москве, «Студенец» (князья Гагарины — Фёдор Толстой — Закревские).

Если пытаться сформулировать «дух» или «гений места» Красной Пресни — тут подходит слово из современной фантастики: «портал» — коридор для перехода из одного измерения в другое, из одной эпохи в следующую, смешение всех жанров, хаос воспоминаний. Ничего застывшего, постоянного, всё временное. Всё — как дыра в «пространственно-временном континууме», как говорил герой фильма «Назад в будущее», смешной профессор с лохмами белых волос — доктор Эммет Браун.

Как это показать в спектакле?

Как показать в спектакле этот «пресненский портал»: из одной эпохи моей жизни в другую, из одного века России в другой, из той Москвы — в эту? Как показать «пушку для салюта», которая стояла возле памятника Шадра, верней, его точной копии: «Бульжник — оружие пролетариата» в сквере Павших борцов (сейчас он называется «Парк Декабрьского восстания»), как показать моего усталого отца, который пешком идет с работы, в неизменной белой рубашке с галстуком, как показать пустыри над Рочдельской улицей, где стояла его фабрика, как показать голубятни и деревенские палисадники вдоль окон первого этажа нашей девятиэтажки?

Режиссёр Рузанна Мовсесян, которой достался весь этот материал, сделала — на мой взгляд — невозможное: она показала воздух.

В спектакле «Лёва», который идет сейчас на Маленькой сцене РАМТа — ничего этого, конечно, нет: парка, реки, переулков, старых домов и новых домов, всё это где-то там, за пределами сцены.

А на сцене — подъезд, в котором стоит Лёва, мой герой (Сергей Печёнкин), и смотрит на дождь, приоткрыв дверь. Мимо него проходят люди — наши соседи. Некоторые останавливаются с ним рядом — посмотреть на дождь.

Лестница, лифт, почтовые ящики, мусоропровод. Вот подъезд, он и есть — этот портал, дыра во времени и пространстве, через которую просачивается моя жизнь.

Трудно передать это ощущение — когда ты сидишь и смотришь не просто как «инсценируют» твою прозу, а смотришь на свою жизнь, как она проходит, как ты сам протягиваешь руку — себе маленькому.

Порой это совершенно невыносимо, порой горько, порой — прекрасно и светло. А порой странно — ведь это был другой человек, тот, что всё это когда-то написал. Сейчас я (он) так бы не смог.

Рассказ «Осень», из которого и родился этот подъезд, связующая нить всех дальнейших сюжетов, совсем маленький, две странички, и родился он почти случайно, значительно позже, как дополнение к первому корпусу текстов.

Но именно в этом подъезде режиссёр нашла не просто камертон, некое театральное электричество, благодаря которому воздух старой Пресни сгустился, стал видимым, живым — так же как атмосфера всей той эпохи. Моей эпохи — ведь у каждого она своя.

Кто-то и не узнает...

Почему невыносимо, почему горько? Ведь в спектакле много смешных сюжетов. Иронических деталей.

Лучше всего об этом сказал Геннадий Шпаликов:

...Путешествие в обратно  
Я бы запретил,  
И прошу тебя, как брата,  
Душу не мутить.

А не то рвану по следу —  
Кто меня вернёт? —  
И на валенках уеду  
В сорок пятый год.

В сорок пятом угадаю,  
Там, где — боже мой! —  
Будет мама молодая  
И отец живой.

Когда-то мне казалось, да даже ещё недавно, что война, «сорок пятый год» — это такая глубокая древность, доисторическое время, как декабристы или Пушкин. Сегодня понимаю, что от этого детского, раннего, почти младенческого «сорок пятого года» (валенки, санки) у Шпаликова — до моего рождения всего лишь 14 лет. Да, другая Москва. Другая история. Но сегодня я бережно — из спектакля, который как бы не только смотрю, но и читаю, вслушиваясь в каждое слово — постепенно извлекаю портрет своего поколения.

Родители у нас, как правило, не воевали — но видели войну детьми. Они помнили запах и вкус барачных тюрем, хлеба по карточкам, эвакуации, звук бомбежек

и фронтовых сводок — нам же передали как главную ценность: свою веру, что всё (и быт, и общее устройство мира) *должно* меняться к лучшему, что никаких войн больше не будет, что человечество *поумнело*.

У всех родителей было своё ощущение времени, свои отношения с властями, придерживающимися, да и с «идеями», то есть со словами, лозунгами, книгами, стихами, которыми был наполнен тот мир. Но вот это — было общим. То, что мы, дети, *обязаны* расти в другом, лучшем, будущем. Что будущее — оно по определению лучше. По сравнению с войной, «тридцать седьмым», с разрухой и послевоенным голодом. По сравнению с теми же бараками, коммуналками и продуктовыми карточками. Движение «к лучшему» было ощутимо и безусловно. Хотя, конечно, в «коммунизм», который обязательно наступит к 1980 году, никто не верил, подсмеивались над этим, было множество анекдотов на эту тему.

Это же ощущение мы передали и своим детям. Что мир должен, обязан измениться в хорошую сторону. Горько в какие-то моменты смотреть мне этот спектакль ещё и потому, что сама собой возникала мысль: сумели ли мы сохранить этот взгляд на вещи? Как незыблемый и фундаментальный?

Папа, который в спектакле рассказывает Лёве о войне, — совсем, конечно, другой, чем мой отец, Дориан Михайлович. Внешне другой. Мой папа не был крупным мужчиной. У него не было такого густого голоса. Но его мужское спокойствие, сдержанность, скромность, стальной внутренний стержень, его порядочность, доброту и простые принципы, которым он следовал всегда, — актёр Иван Воротняк передал очень точно.

Но самое главное — любовь. Папа и мама (её играет Нелли Уварова) — вместе составляли для меня волшебную основу мироздания, его целостность — потому что сами были слитным, единым целым. Вроде бы передано это простыми средствами. Но такими... волшебными. Когда на кончиках пальцев, в почти неуловимых интонациях эта целостность мира — ощущается остро и сильно.

Из этого папиного и маминного мира произрастает и все другое. Подъезд заселяется соседями, соседи — своими историями, истории — смыслами. Рождается речь, слова, которые точно передают *тот мир*, не потому что режиссёр Рузанна Мовсесян точно воспроизвела мои, а потому что почувствовала и передала то, что стоит *за* словами. Между словами.

Блестящих актерских работ в спектакле немало — «Интересный Жора Нудель» из одноименного рассказа (Андрей Бажин), блестящий советский интеллектual и книголюб, дядя Юра (Виталий Тимашков), по нему уже в мирное время советская история проехала своим колесом, попавший в лагерь на волне хрущевской борьбы с артелями и кооператорами, наша соседка по лестничной клетке, спасавшая детей от мужа-алкоголика, который их бил (Дарья Семёнова), нянечка, найденная мамой для Лёвы, простая и добрая, с которой он постоянно спорил о мироздании (Татьяна Весёлкина). Каждый из актеров играет две, три или четыре роли, и в переплетениях их судеб, обозначенных такими скупыми, но сильными деталями, такой пронзительной игрой, что ничего лишнего, никаких других подробностей сюжета уже и не надо, — и рождается весь этот мир.

Папин мир. Мамин мир.

Мир нашего дома. Дома номер 18 по улице Трёхгорный вал.

...Так что же стоит за словами? Между словами? Что таит в себе этот прозрачный мерцающий воздух сырого от дождя подъезда, нагретого батареями и наполненного шагами, звуками, голосами радио, шумом лифта?

Что в нём такого особенного, что в нём можно разглядеть?

Художник (Мария Утробина) и композитор (Давид Мовсесян) сделали всё, чтобы этот воздух стал таким зримым и плотным. Чтобы читалось легче.

...И другой вопрос — куда идет Лёва, мой герой? Куда вместе с ним двигаюсь по жизни я, проходя сквозь эту «дыру времени», через пресненский портал?

Самый честный ответ — не знаю. Есть ли у мироздания (а в спектакле создано, на мой субъективный взгляд, не что иное, как мироздание) — четкие формулы, в которые облечены ясные ответы? Не уверен.

Другой вопрос — о конечности того мира. Кончилось ли то мироздание, и началось ли другое? Новое и враждебное предыдущему?

Тоже не знаю. Может быть, потому что не понимаю и не чувствую его — нового.

Мне кажется, что двигаюсь я туда — к своему отцу. К своей лучшей, но так и не завершённой (пока) версии.

Глядя *отсюда*, из тёмного маленького зрительного зала, на папу и маму, освещённых театральными софитами, я в очередной раз понимаю, что для меня — они всегда были людьми, на которых держался этот советский мир. При этом обо всех этих «символах веры» в доме почти никогда не говорили, или говорили иронически, только когда я приставал с расспросами. Даже в лучших своих проявлениях — «Куба — любовь моя», великие стройки века, «Гагарин наш простой советский парень», «Хотят ли русские войны» — родителям хватало того, что во время завтрака я послушаю по радио всю эту официозную лабуду, они про советский мир не говорили, они в нём просто жили.

...Нет, это был просто их мир. Мир этот возникает в самый последний момент спектакля — когда дождь кончается и Лёва, наконец, выходит из подъезда. Он видит дома, московские окна, горящие ровным теплым светом. «Московских окон негасимый свет» — да, в этой песне я никогда не чувствовал советской слащавости, лишь боль и тепло.

Это были люди, в этих окнах, которые больше всего хотели мирной жизни, домашнего уюта, не ненавидели «чужих» — только отдельных «своих», по глубоко личным причинам.

Люди, которые, с моей точки зрения, — жили своим незаемным умом.

Спасибо, Лёва, что ты всегда идешь ко мне, а я иду к тебе — по нашим переулкам и по Большевицкой улице, где булочная, старые дома и церковь в конце.

---

## СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДРУЖБА НАРОДОВ» ЗА 2025 ГОД

Авторы «ДН» (№№ 1–12)

|                                             |                             |
|---------------------------------------------|-----------------------------|
| АБАДЖЯНЦ Микаел X                           | ВЕРЕТЕНОВА Татьяна I,IV,VII |
| АБДУЛЛАЕВ Евгений I,II,III,IV,V,VI,VIII,XII | ВЕРКИН Эдуард XI            |
| АВЧЕНКО Василий I                           | ВЕСЕЛОВА Наталья IV         |
| АГИШЕВА Гузель II                           | ВИГИЛЯНСКИЙ Владимир I      |
| АЛБУЛ Елена II, VII                         | ВЛАСОВ Герман VII,VIII      |
| АЛЕКСАНДРОВ Николай XI                      | ВОЕВОДИН Игорь I            |
| АЛЁХИН Алексей V,VI, VIII                   | ВОЛИКОВ Роман X             |
| АЛМАМЕДОВ Аннадурды IX                      | ВОЛОСЮК Иван VIII           |
| АМАНГУЛОВ Анвар X                           | ВОЛОШИНА Инна I,II,III      |
| АМЕЛИН Максим III,VIII                      | ВОРОБЬЁВ Руслан IX          |
| АНДРЕЕВА Дарья VII                          |                             |
| АНТИПОВА Елена III                          | ГАБРИЛОВИЧ Мария XI         |
| АНУФРИЕВА Мария VIII                        | ГАВРИЛОВ Степан II          |
| АРБАЧАКОВА Любовь III                       | ГАЗИЗОВА Лилия VIII         |
| АСИМ Заир VI                                | ГАЛКИН Вадим VI             |
| АФЛАТУНИ Сухбат V,VIII,XI, XII              | ГАСИН Дмитрий VIII          |
|                                             | ГЕРТМАН Ольга XII           |
| БАДАЛОВА Татьяна IX                         | ГЛАЗУН Максим VII           |
| БАЛАБИН Михаил VI                           | ГЛОТОВА Любовь IV           |
| БАЛАХОНОВА Ирина II                         | ГЛУХОВСКИЙ Алексей XII      |
| БАЛИН Денис III                             | ГОБЗЕВ Иван II              |
| БАЛЛА Ольга I,III,IV,V,VII,VIII,X,XI,XII    | ГОНТОВСКИЙ Аркадий XII      |
| БАРАБАНОВА Ирина VI                         | ГОНЧУКОВ Арсений IX,XII     |
| БАРАНОВА Евгения Джен III,V,VIII            | ГОРДЕЕВА Елена V            |
| БАРБУХ Александр X                          | ГОРОХОВ Александр X         |
| БАТОМУНКУЕВ Анатолий XI                     | ГРАТТ Георгий V             |
| БАХНОВ Леонид VIII                          | ГРИГОРЬЕВА Лидия VIII,X     |
| БЕГЗИН-ООЛ Алексей III                      | ГРИЦМАН Андрей II           |
| БЕЗУКЛАДНИКОВА Анна VI                      | ГУРЕЕВ Максим I,VII,VIII    |
| БЕЛОЕДОВА Наталья II                        | ГУЦКО Денис VIII            |
| БЕЛОЗЁРОВ Андрей IX                         |                             |
| БЕРШИН Ефим VIII                            | ДАМАДАЕВА Амина II          |
| БЕССОНОВА Мирослава VIII                    | ДЕВШ Ольга XII              |
| БЕСФАМИЛЬНАЯ Надежда VIII                   | ДЕКИНА Женя VIII            |
| БОГАТЫРЁВА Ирина II,III,VIII                | ДЕЛАЛАНД Надя X             |
| БОРИСОВ Андрей X                            | ДЖУМАЕВ Александр VIII      |
| БУЛКАТЫ Игорь VIII                          | ДМИТРЕНКО Сергей VIII       |
| БУНИМОВИЧ Евгений VIII                      | ДОЛГОПЯТ Елена III,VIII     |
| БУШКОВСКИЙ Александр VIII                   | ДРАГУНСКИЙ Денис VIII       |
| БУШУЕВА Мария I,II                          | ДУБАКОВ Леонид IX           |
| БЫЛИНИН Константин V                        | ДЪЯКОНОВ Евгений VI         |
| БЫЛИНСКИЙ Валерий VIII                      | ДЪЯЧКОВ Алексей V           |
|                                             |                             |
| ВАЛЕВСКИЙ Анатолий VIII                     | ЕВСТИГНЕЕВА Елизавета IV    |
| ВАСЕЦКИЙ Антон XII                          | ЕРМАКОВА Ирина III          |
| ВАСЬКИН Александр VI, XII                   | ЕРМОЛОВИЧ Елена XI          |
| ВЕРГЕЛИС Александр XII                      | ЖУКОВА Ирина XI             |
| ВЕРЁВОЧКИН Николай VI,VIII                  |                             |

- ЗАБОРЦЕВА VIII,XI  
ЗАЙЦЕВА Нелли XI  
ЗАТОНСКАЯ Мария VII  
ЗЕМЦОВСКАЯ Дарья XI  
ЗОЛОТАРЁВ Сергей IV  
ЗОЛОТАРЁВА Анна X  
ЗУБАРЕВА Вера V,VIII,IX
- ИВАНОВ Алексей VI  
ИДИАТУЛЛИН Шамиль VIII  
ИЛИМАР Илай V  
ИСАКЖАНОВ Дмитрий IV,XI  
ИСКАКОВА Асель VII  
ИСМАИЛОВ Адалат II
- КАБЫШ Инна XI  
КАГРАМАНОВ Юрий IV,VIII  
КАЗАКОВ Мурат XI  
КАЗАРИН Юрий I  
КАКУРИНА Екатерина X  
КАЛАШНИКОВ Геннадий V,VIII  
КАЛИНКИНА Галина III  
КАЛМЫКОВА Вера IX,XII  
КАМЕНСКАЯ Анастасия II  
КАМОВ. О. II  
КАПУСТИНА Евфросиния XII  
КАРАЕВА Наталья VIII  
КАРЕНИНА Ирина XII  
КАРИМОВА Алёна V,VIII  
КАРМАЛИТА Кристина V  
КЕЛАРЕВА Надежда V  
КИРОВ Александр VII,XI  
КИТАЕВ Юрий II  
КЛЕХ Игорь VI  
КНЯЗЕВ Григорий X  
КОЗЛОВА Елена I  
КОЛЕСНИКОВ Алексей VII ,VIII,XI  
КОЛЧИН Денис V,VIII,IX  
КОМАРОВ Константин I,V,VII,VIII  
КОРКУНОВ Владимир VIII  
КОРНИЕНКО Игорь IV  
КОРОВИН Андрей VIII,IX,X  
КОРОЛЁВ Анатолий VIII  
КОСТОЧАКОВ Геннадий III  
КОЧЕРГИН Илья VIII  
КРАВЧЕНКО Александра X  
КРАМСКАЯ Марина X  
КУДИМОВА Марина V,VIII  
КУЗНЕЦОВ Игорь VIII  
КУЗНЕЦОВА Инга II  
КУРАЕВ Михаил VIII  
КУТЕНКОВ Борис I,VIII,XI
- КУУЛАР Николай III
- ЛЕБЕДЕВА София III  
ЛЕОНОВ Аркадий X  
ЛЕОНТЬЕВА Мария IX  
ЛЕПИШЕВА Елена VIII  
ЛИДСКИЙ Владимир V,VIII,X  
ЛИМ Владимир VII,VIII  
ЛИПКИН Михаил III  
ЛОМОВЦЕВ Андрей IX
- МАКАРЕВИЧ Елизавета XI  
МАКАРОВ Иван XI  
МАКСЮТОВ Тимур V  
МАЛЫШЕВ Игорь II,VIII  
МАРКИНА Анна I,VIII  
МАРКОВ Александр I,VII,VIII,XI  
МАРЧЕНКО Марк II  
МАХНЁВ Александр VIII  
МЕДВЕДКИНА Александра XI  
МЕЛИХОВ Александр VIII  
МЕСЯЦ Вадим V,VIII  
МЕЩЕРЯКОВ Александр III  
МИНАЕВ Борис I,II,III,IV,V,VI,VII,VIII, IX,X,XI,XII  
МИНАКОВ Станислав VIII,XI  
МОНАСТЫРНЫЙ Андрей XI  
МОРЕЙНО Сергей XII  
МОСКВИНА Марина VIII  
МУРАВЬЁВА Ирина VIII, IX  
МУРАТХАНОВ Вадим V,VIII
- НАГИМ Фарид VIII  
НАЧКЕБИЯ Даур VIII  
НЕБРОЦКИЙ Андрей XI  
НЕЧИПОРЕНКО Юрий II  
НИГМАТУЛЛИН Тимур II  
НИКИШИН Александр IX  
НИКОЛАЕВА Олеся I,V,VIII  
НИКОЛАЕНКО Саша III,VIII  
НОВИКОВ Дмитрий I  
НУРОВ Владимир VIII
- ОБОЛЕНСКИЙ Андрей VII  
ОВАКИМЯН Сати XII  
ОДЕГОВ Илья II,VIII  
ОРЛОВ Александр VIII  
ОРЛОВА-МАРКГРАФ Нина VI
- ПАГЫН Сергей I,II,VIII,X  
ПАТРОНОВА Валентина II  
ПЕРЕВЕРЗИН Александр V

- ПЕРЕПЛЕСНИН Михаил II, IX  
 ПЕСТЕРЕВА Анна VI  
 ПОБЯРЖИНА Хелена II, XI  
 ПОДОСОКОРСКИЙ Николай I  
 ПОЛЯКОВА Наталья V  
 ПОНОМАРЁВ Павел VII  
 ПОПОВ Сергей II, V, VIII  
 ПОПОВСКИЙ Александр XI  
 ПРОЗОРОВ Илья X  
 ПРУДНИКОВ Сергей VIII  
 ПУСТОВАЯ Валерия I, II, VIII  
 ПЫЛЬНИКОВ Саша I  
  
 РАЧУНЬ Алексей I  
 РЕЗНИКОВ Владислав X  
 РЕЗНИЧЕНКО Евгений V  
 РЕНЬЖИНА Настасья V  
 РЫБАКОВА Ольга XI  
 РЯБОВ Олег VII, VIII  
 РЯЩЕВ Артём XI  
  
 САВВА-ЛОВГУН Евгения X  
 САЛИМОН Владимир I, VIII  
 САЛТАНОВА Наталья VI  
 САФРОНОВА Елена I  
 СВЕТЛИЧНАЯ Диана VIII  
 СЕЛЮКОВА Дарья X  
 СЕНЧИН Роман III, VIII  
 СИДОРОВ Евгений VIII  
 СИДОРОВ Олег VIII, X, XI  
 СИЧКАРЬ Ольга IV  
 СЛИВКИН Евгений XI  
 СОЛОГУБ Евгений III  
 СОРОКИНА Александра X  
 СОРОКИНА Виктория XI  
 СТЕПАНОВ Евгений VIII  
 СТЕПАНОВ Евгений X  
 СТОНОГИНА Юлия I  
 СУЛЕЙМАН III  
 СУЛЬЧИНСКАЯ Ольга VI  
 СУХОРЕБРЫЙ Владимир VI  
  
 ТАДТАЕВ Тамерлан VIII  
 ТАЖИ Айгерим III  
 ТАТАРЕНКО Юрий III, X  
 ТЕМЛЕЙН Саша II  
 ТЕМНОВ Андрей VI  
 ТЕР-АБРАМЯНЦ Амаяк VIII  
 ТИМОФЕЕВА Алёна VI  
 ТИМОХИНА Елена V  
 ТИХАНОВ Сергей III  
 ТОПЧИЕВ Евгений VIII  
  
 ТОРК Алексей VIII, X  
 ТРЕМАСОВА Светлана XI  
 ТРЕНИН Владимир I  
 ТРИФОНОВ Юрий VIII  
 ТУМАЛАЕВ Багдат VI  
 УЛЗЫТУЕВ Амарсана VIII, XI  
 УСАЧЁВА Елена II, XI  
 УСТИМЕНКО Алексей VIII  
 УСЫСКИН Лев III  
  
 ФАЛИКОВ Илья III, VIII  
 ФАМИЦКИЙ Андрей V, XI  
 ФЕТ Эгвина I  
 ФИЛАТОВА Татьяна IV  
 ФИТИСОВА Лидия XI  
  
 ХАКУАШЕВА Мадина VIII  
 ХАНИПАЕВ Ислам XI  
 ХАРЧЕНКО Вера X  
 ХЛЕБИН Антон XII  
  
 ЦИРУЛЬНИКОВ Анатолий IV, VIII  
  
 ЧАЙКА Елена IV  
 ЧАНЦЕВ Александр I, III, VI, VIII, IX, XII  
 ЧЕРНИКОВА Елена X  
 ЧЕЧИК Феликс IV, V  
 ЧИГРИН Евгений VII  
 ЧИЖОВ Евгений VIII  
 ЧУДНОВА Ирина II  
 ШАКАРЯН Константин V, VIII, X  
  
 ШАОВ Ибрагим VIII  
 ШАПИРО Адольф IV  
 ШАТОХИН Андрей X  
 ШАХНАЗАРОВА Лейла X  
 ШВАРЁВА Алёна IV  
 ШЕВАРОВ Дмитрий V, VIII  
 ШЕВЧЕНКО Александр XI  
 ШЕВЧЕНКО Ганна V, X, XI  
 ШИПИЛОВА Анна VII  
 ШОХ Клара XI  
  
 ЩЕЛКУНОВ Анатолий II  
  
 ЭРЛИХМАН Вадим IX  
  
 ЮЗЕФОВИЧ Леонид VIII  
 ЮКИТИ Фукудзава III  
 ЮРЬЕВ Павел VII  
  
 ЯКУШКИН Дмитрий VII  
 ЯМЩИКОВ Кирилл I, VII, IX

ПРОЗА  
(романы, повести, рассказы)

|                                                                                    | №     | стр. |
|------------------------------------------------------------------------------------|-------|------|
| АБАДЖЯНЦ Микаел. Человек за спиной, или Попытка автопортрета. <i>Рассказ</i> ..... | VII,  | 154  |
| АЛБУЛ Елена. Счастливый характер. <i>Рассказ</i> .....                             | VII,  | 203  |
| АЛЕКСАНДРОВ Николай. Щенок. <i>Рассказ</i> .....                                   | XI,   | 200  |
| АНДРЕЕВА Дарья. Триптих .....                                                      | VII,  | 186  |
| АНТИПОВА Елена. Дружок. <i>Роман</i> .....                                         | III,  | 9    |
| АФЛАТУНИ Сухбат. Цветы. <i>Рассказ</i> .....                                       | V,    | 157  |
| БАЛАБИН Михаил. Правильно — любить. <i>Рассказы</i> .....                          | I,    | 113  |
| БАРАБАНОВА Ирина. Дитё Советского Союза. <i>Рассказы</i> .....                     | VI,   | 32   |
| БАРБУХ Александр. Злые боги полей и могил. <i>Рассказ</i> .....                    | X,    | 78   |
| БАТОМУНКУЕВ Анатолий. О чём молчит печальный цвет сараны. <i>Рассказ</i> .....     | XI,   | 100  |
| БЕЗУКЛАДНИКОВА Анна. Тетрис. <i>Рассказ</i> .....                                  | VI,   | 153  |
| БЕЛОЗЁРОВ Андрей. Симфония умирающих котят. <i>Повесть в двух явлениях</i> .....   | IX,   | 150  |
| БОГАТЫРЁВА Ирина. На Луне шёл снег. <i>Рассказ</i> .....                           | III,  | 201  |
| БУШУЕВА Мария. Томский телеграфист. <i>Роман</i> .....                             | II,   | 9    |
| ВЕРЁВОЧКИН Николай. Хижина в ореховой роще. <i>Рассказ</i> .....                   | VI,   | 88   |
| ВЕСЕЛОВА Наталья. Милая Мила. <i>Повесть</i> .....                                 | IV,   | 83   |
| ВИГИЛЯНСКИЙ Владимир, НИКОЛАЕВА Олеся. Дело Гапона. <i>Роман</i> .....             | I,    | 7    |
| ВОЕВОДИН Игорь. Раскопки. <i>Рассказ</i> .....                                     | I,    | 75   |
| ВОЛИКОВ Роман. Фёдоровна. <i>Рассказ</i> .....                                     | X,    | 186  |
| ВОЛОШИНА Инна. Софа, София, Софико. <i>Рассказ</i> .....                           | I,    | 204  |
| ВОЛОШИНА Инна. Я просто не отказываюсь жить. <i>Новелла</i> .....                  | III,  | 22   |
| ВОРОБЬЁВ Руслан. Дом мёртвых птиц. <i>Отрывок из романа «Полёт стрекоз»</i> .....  | IX,   | 189  |
| ГАВРИЛОВ Степан. Три рассказа, и все об одном .....                                | II,   | 163  |
| ГАЛКИН Вадим. Добрые нелюди. <i>Рассказ</i> .....                                  | VI,   | 62   |
| ГОБЗЕВ Иван. Компьюссии. <i>Рассказ</i> .....                                      | II,   | 93   |
| ГОНЧУКОВ Арсений. Два рассказа .....                                               | IX,   | 64   |
| ГОНЧУКОВ Арсений. 2022. <i>Роман</i> .....                                         | XII,  | 6    |
| ГОРОХОВ Александр. Ирочка. <i>Рассказ</i> .....                                    | X,    | 167  |
| ГРАТТ Георгий. Двери войны. <i>Повесть</i> .....                                   | V,    | 9    |
| ГРИГОРЬЕВА Лидия. Из романа в штрихах «Термитник». <i>Том третий</i> .....         | IX,   | 129  |
| ГУРЕЕВ Максим. Мо-щи. <i>Рассказ</i> .....                                         | I,    | 195  |
| ГУРЕЕВ Максим. Святая гора. <i>Рассказ</i> .....                                   | VII,  | 150  |
| ДАМАДАЕВА Амина. Отпуск с Джамалудинчиком. <i>Рассказ</i> .....                    | II,   | 200  |
| ДОЛГОПЯТ Елена. Царь лев. <i>Рассказ</i> .....                                     | III,  | 135  |
| ЕРМОЛОВИЧ Елена. «Хуже Гитлера». <i>Рассказы</i> .....                             | XI,   | 123  |
| ЖУКОВА Ирина. Слепота. <i>Рассказ</i> .....                                        | XI,   | 135  |
| ЗАЙЦЕВА Нелли. Рассказы .....                                                      | XI,   | 205  |
| ЗЕМЦОВСКАЯ Дарья. Энжел. <i>Рассказ</i> .....                                      | XI,   | 186  |
| ИВАНОВ Алексей. Формула московского утра. <i>Повесть</i> .....                     | VI,   | 6    |
| ИЛИМАР Илай. Колдун. <i>Повесть</i> .....                                          | V,    | 124  |
| ИСАКЖАНОВ Дмитрий. Проскинитарий. <i>Роман. Продолжение</i> .....                  | IV,   | 9    |
| ИСКАКОВА Асель. Очищение огнём. <i>Рассказ</i> .....                               | VII,  | 232  |
| КАБЫШ Инна. Мой первый мужчина. <i>Повесть</i> .....                               | XI,   | 170  |
| КАЗАКОВ Мурат. Дверь. <i>Рассказ</i> .....                                         | XI,   | 227  |
| КАКУРИНА Екатерина. В одном и том же. <i>Рассказ</i> .....                         | X,    | 208  |
| КАЛИНКИНА Галина. Глубина промерзания. <i>Рассказ</i> .....                        | III,  | 154  |
| КАМОВ. О. Перед финалом. <i>Рассказы</i> .....                                     | II,   | 144  |
| КАРАЕВА Наталья. Всё сложилось. <i>Рассказ</i> .....                               | VIII, | 198  |

|                                                                                                          | №     | стр. |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------|------|
| КИРОВ Александр. Круги своя. <i>Рассказы</i> .....                                                       | VII,  | 78   |
| КОЗЛОВА Елена. Бумага. <i>Литературный триптих</i> .....                                                 | I,    | 152  |
| КОЛЕСНИКОВ Алексей. Звериная сила великой любви. <i>Рассказ</i> .....                                    | VII,  | 135  |
| КОЛЧИН Денис. Чёрный сад. <i>Повесть</i> .....                                                           | V,    | 70   |
| КОРНИЕНКО Игорь. Безделушки, или Сливовая косточка. <i>Рассказ</i> .....                                 | IV,   | 107  |
| КРАВЧЕНКО Александра. Похороны. <i>Рассказ</i> .....                                                     | X,    | 192  |
| КРАМСКАЯ Марина. Несвятые. <i>Рассказ</i> .....                                                          | X,    | 33   |
| ЛЕБЕДЕВА София. Череда потерь. <i>Рассказы</i> .....                                                     | III,  | 206  |
| ЛЕОНОВ Аркадий. Животные на войне. <i>Рассказ</i> .....                                                  | X,    | 213  |
| ЛИДСКИЙ Владимир. Два рассказа .....                                                                     | X,    | 91   |
| ЛИМ Владимир. Последнее кочевье. <i>История вымышленная, но правдивая</i> .....                          | VII,  | 11   |
| .....                                                                                                    | VIII, | 77   |
| ЛОМОВЦЕВ Андрей. Реставратор. <i>Рассказ</i> .....                                                       | IX,   | 168  |
| МАКАРЕВИЧ Елизавета. Собачьи дни. <i>Повесть</i> .....                                                   | XI,   | 67   |
| МАКСЮТОВ Тимур. Белый палач. <i>Рассказ</i> .....                                                        | V,    | 166  |
| МАЛЫШЕВ Игорь. Признак чего-то верного. <i>Рассказы</i> .....                                            | II,   | 109  |
| МАЛЫШЕВ Игорь. Три рассказа .....                                                                        | VIII, | 147  |
| МАРКИНА Анна. Там дальше теплее. <i>Рассказы</i> .....                                                   | I,    | 138  |
| МАРЧЕНКО Марк. Как красивы души каждого из нас. <i>Рассказы</i> .....                                    | II,   | 176  |
| МАХНЁВ Александр. Иронические рассказы .....                                                             | VIII, | 187  |
| МЕДВЕДКИНА Александра. Там, где цветёт картошка. <i>Рассказ</i> .....                                    | XI,   | 177  |
| МОНАСТЫРНЫЙ Андрей. Звездапад. <i>Рассказ</i> .....                                                      | XI,   | 197  |
| МУРАВЬЁВА Ирина. Волк. <i>Повесть</i> .....                                                              | IX,   | 7    |
| НИКИШИН Александр. Трудности перевода. <i>Повесть</i> .....                                              | IX,   | 97   |
| НИКОЛАЕВА Олеся, ВИГИЛЯНСКИЙ Владимир. Дело Гапона. <i>Роман</i> .....                                   | I,    | 7    |
| НИКОЛАЕНКО Саша. Страна, которой больше нет. <i>Главы из романа</i> .....                                | III,  | 111  |
| ОБОЛЕНСКИЙ Андрей. Консьержка. <i>Рассказ</i> .....                                                      | VII,  | 168  |
| ПЕСТЕРЕВА Анна. Два рассказа .....                                                                       | VI,   | 143  |
| ПОПОВ Сергей. Илья. <i>Скелет из семейного шкафа</i> .....                                               | VIII, | 177  |
| ПРОЗОРОВ Илья. Клён, который мы посадили. <i>Рассказ</i> .....                                           | X,    | 146  |
| ПЫЛЬНИКОВ Саша. Пять рассказов-мотыльков о сокровенном .....                                             | I,    | 213  |
| РЕЗНИКОВ Владислав. Новый мандарин. <i>Рассказ</i> .....                                                 | X,    | 65   |
| РЕНЬЖИНА Настасья. Ходун. <i>Рассказ</i> .....                                                           | V,    | 174  |
| РЫБАКОВА Ольга. Кошачья сотня. <i>Рассказ</i> .....                                                      | XI,   | 210  |
| РЯБОВ Олег. Зачем стрелял. <i>Рассказ из цикла «Жмуркин и Криворотов»</i> .....                          | VII,  | 222  |
| РЯЩЕВ Артём. Шерсть. <i>Повесть</i> .....                                                                | XI,   | 28   |
| САВВА-ЛОВГУН Евгения. Когда цветёт шиповник. <i>Рассказы</i> .....                                       | X,    | 109  |
| САЛТАНОВА Наталья. Два рассказа .....                                                                    | VI,   | 185  |
| СЕЛЮКОВА Дарья. Ночная лига пинг-понга. <i>Рассказ</i> .....                                             | X,    | 177  |
| СЕНЧИН Роман. Тиняков и Первая мировая. <i>Материалы к биографии</i><br><i>Александра Тинякова</i> ..... | III,  | 85   |
| СИЧКАРЬ Ольга. Сокровенное. <i>Рассказ</i> .....                                                         | IV,   | 147  |
| СОЛОГУБ Евгений. Время нежности. <i>Два рассказа</i> .....                                               | III,  | 177  |
| СОРОКИНА Александра. Перелётные. <i>Рассказ</i> .....                                                    | X,    | 51   |
| СОРОКИНА Виктория. Случилась жизнь. <i>Два рассказа</i> .....                                            | XI,   | 114  |
| СУХОРЕБРЫЙ Владимир. Сонет. Шекспир. Венок. <i>Рассказ с грузинским акцентом</i> .....                   | VI,   | 44   |
| ТЕМЛЕЙН Саша. Звёзды на крыше. <i>Повесть</i> .....                                                      | II,   | 124  |
| ТЕМНОВ Андрей. Эол. <i>Рассказ</i> .....                                                                 | VI,   | 76   |
| ТЕР-АБРАМЯНЦ Амаяк. Два рассказа .....                                                                   | VIII, | 205  |
| ТИМОХИНА Елена. Пекарь. <i>Рассказ</i> .....                                                             | V,    | 194  |
| ТОПЧИЕВ Евгений. Зло блуждает где-то рядом. <i>Рассказы</i> .....                                        | VIII, | 162  |

|                                                                                                     | №     | стр. |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------|-------|------|
| ТОРК Алексей. Релокант. <i>Повесть</i> .....                                                        | X,    | 7    |
| ТРЕМАСОВА Светлана. Колыбельная. <i>Рассказ</i> .....                                               | XI,   | 146  |
| ТРЕНИН Владимир. Два рассказа .....                                                                 | I,    | 177  |
| ТРИФОНОВ Юрий. Исчезновение. <i>Главы из романа</i> .....                                           | VIII, | 245  |
| ТУМАЛАЕВ Багдат. В тени бога. <i>Миниатюры</i> .....                                                | VI,   | 191  |
| УСАЧЁВА Елена. Младшая. <i>Рассказ</i> .....                                                        | XI,   | 214  |
| УСЫСКИН Лев. Гниды. <i>Маленькая сентиментальная пьеса</i> .....                                    | III,  | 166  |
| ФИЛАТОВА Татьяна. Спасибо за музыку. <i>Два рассказа</i> .....                                      | IV,   | 120  |
| ФИТИСОВА Лидия. Бабушкин чемодан. <i>Два рассказа</i> .....                                         | XI,   | 157  |
| ХЛЕБИН Антон. Фальшивые кртинки. <i>Рассказ</i> .....                                               | XII,  | 194  |
| ЧЕРНИКОВА Елена. 1992. <i>Рассказ</i> .....                                                         | X,    | 197  |
| ШАОВ Ибрагим. Общий котёл. <i>Рассказ</i> .....                                                     | VIII, | 215  |
| ШАТОХИН Андрей. Козулин дом. <i>Рассказ</i> .....                                                   | X,    | 203  |
| ШВАРЁВА Алёна. Ловля корюшки в тёмное время суток. <i>Рассказ</i> .....                             | IV,   | 136  |
| ШЕВЧЕНКО Александр. Неожиданно долгожданный. <i>Рассказ</i> .....                                   | XI,   | 219  |
| ШИПИЛОВА Анна. Птичка-невеличка. <i>Рассказ</i> .....                                               | VII,  | 123  |
| ШОХ Клара. Нетленное. <i>Рассказ</i> .....                                                          | XI,   | 222  |
| ЮРЬЕВ Павел. Австрийский инцидент. <i>Из записок</i><br><i>отечественного путешественника</i> ..... | VII,  | 230  |

## дружба на вырост

|                                                                                   |       |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------|-------|-----|
| БОГАТЫРЁВА Ирина. На Луне шёл снег. <i>Рассказ</i> .....                          | III,  | 201 |
| ВОРОБЬЁВ Руслан. Дом мёртвых птиц. <i>Отрывок из романа «Полёт стрекоз»</i> ..... | IX,   | 189 |
| ИСКАКОВА Асель. Очищение огнём. <i>Рассказ</i> .....                              | VII,  | 232 |
| КАКУРИНА Екатерина. В одном и том же. <i>Рассказ</i> .....                        | X,    | 208 |
| ЛЕБЕДЕВА София. Череда потерь. <i>Рассказы</i> .....                              | III,  | 206 |
| САЛТАНОВА Наталья. Два рассказа .....                                             | VI,   | 185 |
| ШАОВ Ибрагим. Общий котёл. <i>Рассказ</i> .....                                   | VIII, | 215 |

## маленьким карандашом

|                                                                                              |      |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------|------|-----|
| АЛЕКСАНДРОВ Николай. Щенок. <i>Рассказ</i> .....                                             | XI,  | 200 |
| ДАМАДАЕВА Амина. Отпуск с Джамалудинчиком. <i>Рассказ</i> .....                              | II,  | 200 |
| ЗАЙЦЕВА Нелли. <i>Рассказы</i> .....                                                         | XI,  | 205 |
| КАЗАКОВ Мурат. Дверь. <i>Рассказ</i> .....                                                   | XI,  | 227 |
| ЛЕОНОВ Аркадий. Животные на войне. <i>Рассказ</i> .....                                      | X,   | 213 |
| МОНАСТЫРНЫЙ Андрей. Звездопад. <i>Рассказ</i> .....                                          | XI,  | 197 |
| ПЫЛЬНИКОВ Саша. <i>Пять рассказов-мотыльков о сокровенном</i> .....                          | I,   | 213 |
| РЫБАКОВА Ольга. Кошачья сотня. <i>Рассказ</i> .....                                          | XI,  | 210 |
| ТИМОХИНА Елена. Пекарь. <i>Рассказ</i> .....                                                 | V,   | 194 |
| ТИХАНОВ Сергей. Менделеевский жилмассив. <i>Короткая проза</i> .....                         | III, | 189 |
| ТУМАЛАЕВ Багдат. В тени бога. <i>Миниатюры</i> .....                                         | VI,  | 191 |
| УСАЧЁВА Елена. Младшая. <i>Рассказ</i> .....                                                 | XI,  | 214 |
| ХЛЕБИН Антон. Фальшивые кртинки. <i>Рассказ</i> .....                                        | XII, | 194 |
| ШЕВЧЕНКО Александр. Неожиданно долгожданный. <i>Рассказ</i> .....                            | XI,  | 219 |
| ШОХ Клара. Нетленное. <i>Рассказ</i> .....                                                   | XI,  | 222 |
| ЮРЬЕВ Павел. Австрийский инцидент.<br><i>Из записок отечественного путешественника</i> ..... | VII, | 230 |

## ПРОЗА. ДОС

|                                                                           |     |     |
|---------------------------------------------------------------------------|-----|-----|
| АГИШЕВА Гузель. Бапэс и картатай .....                                    | II, | 204 |
| ГАБРИЛОВИЧ Мария. Как мы жили — не тужили. <i>Нехитрые рассказы</i> ..... | XI, | 232 |

|                                                                                  | №   | стр. |
|----------------------------------------------------------------------------------|-----|------|
| ГОРДЕЕВА Елена. Три ранения лейтенанта Мареева. <i>Воспоминания дочери</i> ..... | V,  | 186  |
| КЛЕХ Игорь. Книга старости. <i>Главы из парадоксальной повести</i> .....         | VI, | 166  |
| ШАПИРО Адольф. Замри. <i>Расставания и встречи. Главы из будущей книги</i> ..... | IV, | 156  |

## ПОЭЗИЯ (стихи и переводы)

|                                                                               |       |     |
|-------------------------------------------------------------------------------|-------|-----|
| АЛЁХИН Алексей. Вдох выдох вдох. <i>Стихи</i> .....                           | VI,   | 3   |
| АРБАЧАКОВА Любовь. <i>Переводы с шорского Ирины Ермаковой</i> .....           | III,  | 195 |
| АСИМ Заир. О жизни памяти. <i>Стихи</i> .....                                 | VI,   | 163 |
| БАЛИН Денис. Пора ежедневной рутины. <i>Стихи</i> .....                       | III,  | 82  |
| БАРАНОВА Евгения Джен. Сквозь виноградник в Арле. <i>Стихи</i> .....          | III,  | 130 |
| БЕГЗИН-ООЛ Алексей. <i>Стихи. Переводы с тувинского Михаила Липкина</i> ..... | III,  | 197 |
| БЫЛИНИН Константин. Окопные стихи .....                                       | V,    | 122 |
| ВЛАСОВ Герман. Счастья выговаривая слово. <i>Стихи</i> .....                  | VII,  | 74  |
| ВОЛОСЮК Иван. Не ради сцепления речи. <i>Стихи</i> .....                      | VIII, | 73  |
| ГЛАЗУН Максим. Правила игры. <i>Стихи</i> .....                               | VII,  | 228 |
| ГЛОТОВА Любовь. Настоящее простое. <i>Стихи</i> .....                         | IV,   | 117 |
| ГРИГОРЬЕВА Лидия. Охотничья луна. <i>Стихи</i> .....                          | VIII, | 212 |
| ГРИЦМАН Андрей. На пушкинских снегах. <i>Стихи</i> .....                      | II,   | 120 |
| ДЕЛАЛАНД Надя. Мой свет. <i>Стихи</i> .....                                   | X,    | 106 |
| ДЬЯКОНОВ Евгений. И счастье ещё будет. <i>Стихи</i> .....                     | VI,   | 58  |
| ДЬЯЧКОВ Алексей. Мира май и Мира труд. <i>Стихи</i> .....                     | V,    | 3   |
| ЕВСТИГНЕЕВА Елизавета. Собрание сочинений света. <i>Стихи</i> .....           | IV,   | 133 |
| ЗАТОНСКАЯ Мария. Отменяя тяжёлую речь. <i>Стихи</i> .....                     | VII,  | 132 |
| ЗОЛОТАРЁВ Сергей. Абсолютная классика. <i>Стихи</i> .....                     | IV,   | 3   |
| ЗОЛОТАРЁВА Анна. Что написано сердцами. <i>Стихи</i> .....                    | X,    | 47  |
| ЗУБАРЕВА Вера. Письмо. <i>Стихи</i> .....                                     | IX,   | 126 |
| КАЗАРИН Юрий. Только этот, тот и третий свет. <i>Стихи</i> .....              | I,    | 3   |
| КАМЕНСКАЯ Анастасия. Звери, которые лучше, чем люди. <i>Стихи</i> .....       | II,   | 89  |
| КАРМАЛИТА Кристина. Дорогою недуговой. <i>Стихи</i> .....                     | V,    | 66  |
| КЕЛАРЕВА Надежда. Скоропостижнее, чем смерть. <i>Стихи</i> .....              | V,    | 184 |
| КИТАЕВ Юрий. Ветер, снег и молитва. <i>Стихи</i> .....                        | II,   | 187 |
| КНЯЗЕВ Григорий. На вселенском сквозняке. <i>Стихи</i> .....                  | X,    | 172 |
| КОЛЧИН Денис. На радиоволне стальных скворцов. <i>Стихи</i> .....             | IX,   | 3   |
| КОМАРОВ Константин. Из цикла «Стихи о русских поэтах» .....                   | VII,  | 3   |
| КОРОВИН Андрей. Небесный смотритель Покрышкин. <i>Стихи</i> .....             | IX,   | 61  |
| КОСТОЧАКОВ Геннадий. <i>Стихи. Перевод с шорского Максима Амелина</i> .....   | III,  | 193 |
| КУЗНЕЦОВА Инга. Эффект присутствия нестоек. <i>Стихи</i> .....                | II,   | 140 |
| КУУЛАР Николай. <i>Стихи. Перевод с тувинского Юрия Татаренко</i> .....       | III,  | 199 |
| ЛЕОНТЬЕВА Мария. Касаться времени руками. <i>Стихи</i> .....                  | IX,   | 186 |
| МАКАРОВ Иван. Детский сад. <i>Стихи</i> .....                                 | XI,   | 120 |
| МИНАКОВ Станислав. Сашкин лес. <i>Стихи для псалтериона</i> .....             | VIII, | 144 |
| НЕБРОЦКИЙ Андрей. Необычайно белый день. <i>Стихи</i> .....                   | XI,   | 194 |
| ПАГЫН Сергей. И опять начинается речь. <i>Стихи</i> .....                     | I,    | 71  |
| ПАГЫН Сергей. Обжитый мир. <i>Стихи</i> .....                                 | X,    | 3   |
| ПОЛЯКОВА Наталья. Простыми словами расскажешь о сложном. <i>Стихи</i> .....   | V,    | 154 |
| ПОПОВ Сергей. Очная ставка. <i>Стихи</i> .....                                | II,   | 3   |
| ПОПОВСКИЙ Александр. Хорошо, что в жизни это было. <i>Стихи</i> .....         | XI,   | 97  |
| РЕЗНИЧЕНКО Евгений. Куда ж нам плыть? <i>Стихи</i> .....                      | V,    | 181 |
| САЛИМОН Владимир. Среди тростника и аира. <i>Стихи</i> .....                  | I,    | 132 |
| СЛИВКИН Евгений. Пускай грядут большие перемены. <i>Стихи</i> .....           | XI,   | 167 |

|                                                                    | №     | стр. |
|--------------------------------------------------------------------|-------|------|
| СТЕПАНОВ Евгений. Пусть краток день земной. <i>Стихи</i> .....     | X,    | 130  |
| СУЛЕЙМАН. Стихи. <i>Перевод с татарского Алёны Каримовой</i> ..... | III,  | 196  |
| СУЛЬЧИНСКАЯ Ольга. Такое маленькое слово. <i>Стихи</i> .....       | VI,   | 110  |
| ТАЖИ Айгерим. Ломая берега. <i>Стихи</i> .....                     | III,  | 186  |
| УЛЗЫТУЕВ Амарсана. «В Индию духа купить билет». <i>Поэма</i> ..... | VIII, | 218  |
| ФАЛИКОВ Илья. Всё анапест, анапест, анапест. <i>Стихи</i> .....    | III,  | 3    |
| ФАМИЦКИЙ Андрей. Вопрос ребром. <i>Стихи</i> .....                 | XI,   | 143  |
| ФЕТ Эвина. Звёзд электрических печенье. <i>Стихи</i> .....         | I,    | 209  |
| ЧАЙКА Елена. Жить на краю. <i>Стихи</i> .....                      | IV,   | 153  |
| ЧЕЧИК Феликс. Пунктир берёз. <i>Стихи</i> .....                    | IV,   | 80   |
| ЧИГРИН Евгений. Пленники под переплётом. <i>Стихи</i> .....        | VII,  | 183  |
| ШАКАРЯН Константин. Последнее время. <i>Стихи</i> .....            | X,    | 73   |
| ШЕВЧЕНКО Ганна. Шесть ноль восемь. <i>Стихи</i> .....              | XI,   | 25   |

### ДРУГАЯ ОПТИКА

|                                                                    |       |     |
|--------------------------------------------------------------------|-------|-----|
| УЛЗЫТУЕВ Амарсана. «В Индию духа купить билет». <i>Поэма</i> ..... | VIII, | 218 |
|--------------------------------------------------------------------|-------|-----|

### ФЕСТИВАЛИ И КОНКУРСЫ

#### сто слов о русском языке от финалистов «Русской премии» — 2024

|                            |     |     |
|----------------------------|-----|-----|
| БЕЛОЕДОВА Наталья .....    | II, | 199 |
| БЕРГЕР Даниэль .....       | II, | 198 |
| ИСМАИЛОВ Адалат .....      | II, | 198 |
| НИГМАТУЛЛИН Тимур .....    | II, | 199 |
| ОДЕГОВ Илья .....          | II, | 199 |
| ПАГЫН Сергей .....         | II, | 198 |
| ПОБЯРЖИНА Хелена .....     | II, | 197 |
| ХАТИАШВИЛИ Анастасия ..... | II, | 198 |
| ЧУДНОВА Ирина .....        | II, | 199 |

#### XXII международный литературный волошинский конкурс на страницах «ДН»

|                                                              |    |     |
|--------------------------------------------------------------|----|-----|
| КОРОВИН Андрей. <i>Вступительная заметка</i> .....           | X, | 176 |
| ВОЛИКОВ Роман. Фёдоровна. <i>Рассказ</i> .....               | X, | 186 |
| КРАВЧЕНКО Александра. Похороны. <i>Рассказ</i> .....         | X, | 192 |
| СЕЛЮКОВА Дарья. Ночная лига пинг-понга. <i>Рассказ</i> ..... | X, | 177 |
| ЧЕРНИКОВА Елена. 1992. <i>Рассказ</i> .....                  | X, | 197 |
| ШАТОХИН Андрей. Козулин дом. <i>Рассказ</i> .....            | X, | 203 |

### ПУБЛИЦИСТИКА

|                                                                             |       |     |
|-----------------------------------------------------------------------------|-------|-----|
| КАГРАМАНОВ Юрий. Другая дорога .....                                        | VIII, | 226 |
| ЦИРУЛЬНИКОВ Анатолий. Миграция .....                                        | IV,   | 208 |
| страна россия                                                               |       |     |
| ВОЛОШИНА Инна. Плёс. <i>Непредвиденная тропа от искусства к жизни</i> ..... | II,   | 234 |
| моя малая родина                                                            |       |     |
| ОРЛОВА-МАРКГРАФ Нина. На всхожем солнце. <i>Этнографическая повесть.</i>    |       |     |
| <i>Избранные главы</i> .....                                                | VI,   | 197 |
| РАЧУНЬ Алексей. Штиль на Сылве. <i>Очерк</i> .....                          | I,    | 226 |
| ЯКУШКИН Дмитрий. Руновский переулоч .....                                   | VII,  | 238 |

|                                                                                                                                                              |     |      |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|------|
| прости жизнь                                                                                                                                                 | №   | стр. |
| БАДАЛОВА Татьяна. Затерянные в России. <i>Записки маленькой беженки</i> .....                                                                                | IX, | 201  |
| ВАСЬКИН Александр. «Санта-Барбара» 90-х. <i>Беглые заметки</i>                                                                                               |     |      |
| <i>о духовной жизни общества</i> .....                                                                                                                       | VI, | 212  |
| xx век. архив                                                                                                                                                |     |      |
| ШАХНАЗАРОВА Лейла. Чёрная шелковица, белая акация...                                                                                                         | X,  | 246  |
| путешествия                                                                                                                                                  |     |      |
| АВЧЕНКО Василий. Широта крымская, или Пароль не нужен. <i>Очерк лирической географии: уехать за восемь тысяч километров — и остаться при этом дома</i> ..... | I,  | 236  |
| НОВИКОВ Дмитрий. Сшивая севера суровой толстой нитью!.....                                                                                                   | I,  | 240  |

### КРУГЛЫЙ СТОЛ «ДРУЖБА НАРОДОВ» — ПУТИ И ГОРИЗОНТЫ»

|                             |       |    |
|-----------------------------|-------|----|
| АЛЁХИН Алексей.....         | VIII, | 17 |
| АМЕЛИН Максим.....          | VIII, | 57 |
| АНУФРИЕВА Мария.....        | VIII, | 70 |
| АФЛУТАНИ Сухбат .....       | VIII, | 7  |
| БАЛЛА Ольга .....           | VIII, | 46 |
| БАРАНОВА Евгения Джен ..... | III,  | 34 |
| БЕРШИН Ефим .....           | VIII, | 13 |
| БЕССОНОВА Мирослава .....   | VIII, | 67 |
| БОГАТЫРЁВА Ирина .....      | VIII, | 54 |
| БУЛКАТЫ Игорь .....         | VIII, | 52 |
| БУНИМОВИЧ Евгений .....     | VIII, | 12 |
| БУШКОВСКИЙ Александр .....  | VIII, | 52 |
| БЫЛИНСКИЙ Валерий .....     | VIII, | 53 |
| ВАЛЕВСКИЙ Анатолий.....     | VIII, | 68 |
| ВЕРЁВОЧКИН Николай.....     | VIII, | 12 |
| ВЛАСОВ Герман.....          | VIII, | 24 |
| ВОЛОСЮК Иван .....          | VIII, | 11 |
| ГАЗИЗОВА Лилия.....         | VIII, | 59 |
| ГАСИН Дмитрий.....          | VIII, | 62 |
| ГРИГОРЬЕВА Лидия .....      | VIII, | 37 |
| ГУРЕЕВ Максим .....         | VIII, | 51 |
| ГУЦКО Денис .....           | VIII, | 21 |
| ДЕКИНА Женья .....          | VIII, | 56 |
| ДЖУМАЕВ Александр .....     | VIII, | 24 |
| ДМИТРЕНКО Сергей .....      | VIII, | 43 |
| ДОЛГОПЯТ Елена .....        | VIII, | 49 |
| ЗАБОРЦЕВА Варвара .....     | VIII, | 22 |
| ЗУБАРЕВА Вера .....         | VIII, | 26 |
| ДРАГУНСКИЙ Денис .....      | VIII, | 27 |
| ИДИАТУЛЛИН Шамиль .....     | VIII, | 20 |
| КАЛАШНИКОВ Геннадий .....   | VIII, | 60 |
| КАРИМОВА Алёна .....        | VIII, | 29 |
| КОЛЕСНИКОВ Алексей .....    | VIII, | 32 |
| КОЛЧИН Денис .....          | VIII, | 62 |
| КОМАРОВ Константин .....    | VIII, | 65 |

|                            | №     | стр. |
|----------------------------|-------|------|
| КОРКУНОВ Владимир .....    | VIII, | 64   |
| КОРОВИН Андрей .....       | VIII, | 61   |
| КОРОЛЁВ Анатолий .....     | VIII, | 43   |
| КОЧЕРГИН Илья .....        | VIII, | 20   |
| КУДИМОВА Марина .....      | VIII, | 8    |
| КУЗНЕЦОВ Игорь .....       | VIII, | 55   |
| КУРАЕВ Михаил .....        | VIII, | 5    |
| КУТЕНКОВ Борис .....       | VIII, | 41   |
| ЛЕПИШЕВА Елена .....       | VIII, | 57   |
| ЛИДСКИЙ Владимир .....     | III,  | 19   |
| ЛИМ Владимир .....         | VIII, | 65   |
| МАЛЫШЕВ Игорь .....        | VIII, | 70   |
| МАРКИНА Анна .....         | VIII, | 40   |
| МАРКОВ Александр .....     | VIII, | 50   |
| МЕЛИХОВ Александр .....    | VIII, | 10   |
| МЕСЯЦ Вадим .....          | VIII, | 15   |
| МИНАЕВ Борис .....         | VIII, | 29   |
| МОСКВИНА Марина .....      | VIII, | 26   |
| МУРАВЬЁВА Ирина .....      | VIII, | 67   |
| МУРАТХАНОВ Вадим .....     | VIII, | 28   |
| НАГИМ Фарид .....          | VIII, | 47   |
| НАЧКЕБИА Даур .....        | VIII, | 16   |
| НИКОЛАЕВА Олеся .....      | VIII, | 18   |
| НИКОЛАЕНКО Саша .....      | VIII, | 33   |
| НУРОВ Владимир .....       | VIII, | 6    |
| ОДЕГОВ Илья .....          | VIII, | 45   |
| ОРЛОВ Александр .....      | VIII, | 38   |
| ПАГЫН Сергей .....         | VIII, | 21   |
| ПРУДНИКОВ Сергей .....     | VIII, | 42   |
| ПУСТОВАЯ Валерия .....     | VIII, | 31   |
| РЯБОВ Олег .....           | VIII, | 47   |
| САЛИМОН Владимир .....     | VIII, | 18   |
| СВЕТЛИЧНАЯ Диана .....     | VIII, | 59   |
| СЕНЧИН Роман .....         | VIII, | 8    |
| СИДОРОВ Евгений .....      | VIII, | 6    |
| СИДОРОВ Олег .....         | VIII, | 55   |
| СТЕПАНОВ Евгений .....     | VIII, | 39   |
| ТАДТАЕВ Тамерлан .....     | VIII, | 63   |
| ТОРК Алексей .....         | VIII, | 23   |
| УЛЗЫТУЕВ Амарсана .....    | VIII, | 14   |
| УСТИМЕНКО Алексей .....    | VIII, | 68   |
| ФАЛИКОВ Илья .....         | VIII, | 40   |
| ХАКУАШЕВА Мадина .....     | VIII, | 35   |
| ЦИРУЛЬНИКОВ Анатолий ..... | VIII, | 44   |
| ЧАНЦЕВ Александр .....     | VIII, | 36   |
| ЧИЖОВ Евгений .....        | VIII, | 36   |
| ШАКАРЯН Константин .....   | VIII, | 30   |
| ШЕВАРОВ Дмитрий .....      | VIII, | 48   |
| ЮЗЕФОВИЧ Леонид .....      | VIII, | 10   |

## НАЦИЯ И МИР

|                                                                                 | №     | стр. |
|---------------------------------------------------------------------------------|-------|------|
| АМАНГУЛОВ Анвар. Непрочитанный шедевр .....                                     | X,    | 215  |
| БЕСФАМИЛЬНАЯ Надежда. Душанбинские записки .....                                | VIII, | 235  |
| КАГРАМАНОВ Юрий. У них всё возможно. <i>Полемические заметки</i> .....          | IV,   | 230  |
| ЛИДСКИЙ Владимир. Индия в сердце. <i>Этнографическое путешествие</i> .....      | V,    | 198  |
| СТОНОГИНА Юлия. Испивая чашу .....                                              | I,    | 218  |
| ТИМОФЕЕВА Алёна. Театральные перекрёстки Алматы .....                           | VI,   | 193  |
| ЮКИТИ Фукудзава. Обретение личности. Глава из «Автобиографии старца Фукудзавы». |       |      |
| <i>С японского. Перевод и предисловие Александра Мецержякова</i> .....          | III,  | 212  |

## КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

|                                                                                                                                                                      |    |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|-----|
| СИДОРОВ Олег. Путь Андрея Борисова: от «Желанного берега...»<br>к настоящему и будущему. <i>Штрихи к портрету преобразователя культурного<br/>пространства</i> ..... | X, | 235 |
| ХАРЧЕНКО Вера. Выбор имени .....                                                                                                                                     | X, | 242 |
| ШЕВАРОВ Дмитрий. Тоска по Татарскому .....                                                                                                                           | V, | 211 |

## ЮБИЛЕИ

## бродский 85+

|                                                                                                                  |    |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|-----|
| АЛЁХИН Алексей. «Пришедший гений меняет состав литературного воздуха» .....                                      | V, | 233 |
| БАРАНОВА Евгения Джен. «Он — последний материализовавшийся миф» .....                                            | V, | 234 |
| ЗУБАРЕВА Вера. «Приоткрылась дверь в неизвестное .....                                                           | V, | 235 |
| КАЛАШНИКОВ Геннадий. «Он слушал русский язык и следовал за ним» .....                                            | V, | 237 |
| КАРИМОВА Алёна. «Один из любимых поэтов на всю жизнь» .....                                                      | V, | 239 |
| КОМАРОВ Константин. «В том-то и фокус, и чудо Бродского...» .....                                                | V, | 240 |
| КУДИМОВА Марина. «Рождественский цикл Бродского прекрасен, но...» .....                                          | V, | 242 |
| МЕСЯЦ Вадим. «Главное, чему он научил, — не понтоваться. Не набиваться<br>в друзья Пушкину» .....                | V, | 244 |
| МУРАТХАНОВ Вадим. «Бродский — это уникальный мост» .....                                                         | V, | 245 |
| НИКОЛАЕВА Олеся. «Я редко когда его перечитываю. Не знаю,<br>почему так происходит» .....                        | V, | 246 |
| ПЕРЕВЕРЗИН Александр. «Что в юности казалось сложным и вычурным,<br>сегодня становится близким и понятным» ..... | V, | 247 |
| ПОПОВ Сергей. «Однозначность сродни смерти» .....                                                                | V, | 248 |
| ФАМИЦКИЙ Андрей. «Бродскому просто нужно твоё время» .....                                                       | V, | 250 |
| ЧЕЧИК Феликс. «Моя "нелюбовь" — это, вероятно, самозащита» .....                                                 | V, | 251 |
| ШАКАРЯН Константин. «Он не совпал с временем и парадоксально<br>сумел ему отомстить» .....                       | V, | 252 |
| ШЕВЧЕНКО Ганна. «Гениальная шахматная партия, сыгранная с самим собой» .....                                     | V, | 254 |

## ваншенкин 100+

|                                                           |      |     |
|-----------------------------------------------------------|------|-----|
| ВАСЬКИН Александр. Он не умел дружить с начальством ..... | XII, | 200 |
|-----------------------------------------------------------|------|-----|

## трифонов 100+

|                                                                              |       |     |
|------------------------------------------------------------------------------|-------|-----|
| БАХНОВ Леонид. В отблесках костра. «Московские» повести Юрия Трифонова ..... | VIII, | 255 |
|------------------------------------------------------------------------------|-------|-----|

## золотые страницы «ДН»

|                                                    |       |     |
|----------------------------------------------------|-------|-----|
| ТРИФОНОВ Юрий. Исчезновение. Главы из романа ..... | VIII, | 245 |
|----------------------------------------------------|-------|-----|

## ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

|                                                                         |    |      |
|-------------------------------------------------------------------------|----|------|
| ШЕВЧЕНКО Ганна. «Поэтический дар — мутация души». <i>Разговор ведёт</i> | №  | стр. |
| Юрий Татаренко .....                                                    | X, | 229  |

## КРИТИКА

(статьи, обзоры, обсуждения)

|                                                                                     |      |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------|------|-----|
| АБДУЛЛАЕВ Евгений. Тихие книги. <i>Восемь поэтических сборников 2024 года</i> ..... | III, | 229 |
| МАРКОВ Александр. Между свечой и кинжалом: жесты, институции, метафоры .....        | XI,  | 248 |

2024-й и другие годы: попытка прогноза. *Итоги литературного года*

|                                                                                  |    |     |
|----------------------------------------------------------------------------------|----|-----|
| АБДУЛЛАЕВ Евгений. «Жизнь книги измеряется её способностью к возрождению» .....  | I, | 243 |
| БАЛЛА Ольга. О книгах-неоднородках .....                                         | I, | 246 |
| БУШУЕВА Мария. Необъяснимая писательская магия .....                             | I, | 247 |
| ВЕРЕТЕНОВА Татьяна. «Читать стоит “непонятное”» .....                            | I, | 249 |
| КОМАРОВ Константин. Читательские открытия .....                                  | I, | 250 |
| КУТЕНКОВ Борис. «Ограничим ареал поэзией» .....                                  | I, | 252 |
| МАРКОВ Александр. Выход из привычного пространства .....                         | I, | 254 |
| ПОДОСОКОРСКИЙ Николай. «С осязаемой пользой для сердца и ума» .....              | I, | 256 |
| ПУСТОВАЯ Валерия. Открыться яви .....                                            | I, | 257 |
| САФРОНОВА Елена. «Долго живут в литературе чужая частная жизнь либо травма» .... | I, | 259 |
| ЧАНЦЕВ Александр. «Гамбургский счёт действует» .....                             | I, | 261 |
| ЯМЩИКОВ Кирилл. Проживая наперёд .....                                           | I, | 262 |

## заочный круглый стол «Только детские книги читать...»

|                                                                         |     |     |
|-------------------------------------------------------------------------|-----|-----|
| АЛБУЛ Елена. О бедном герое замолвите слово .....                       | II, | 237 |
| АФЛАТУНИ Сухбат. По бесконечной дороге из жёлтого кирпича .....         | XI, | 3   |
| БАЛАХОНОВА Ирина. Видение своего пути .....                             | II, | 241 |
| БОГАТЫРЁВА Ирина. «Стало больше свободы, хулиганства, игры» .....       | II, | 244 |
| ВЕРКИН Эдуард. «И вот в один из дождливых выходных...» .....            | XI, | 6   |
| ЗАБОРЦЕВА Варвара. «Можно подзабыть, чтобы чуток подрасти               |     |     |
| и снова встретиться» .....                                              | XI, | 7   |
| ИСАКЖАНОВ Дмитрий. «Каждый последующий слой краски усиливает            |     |     |
| глубину цвета» .....                                                    | XI, | 8,  |
| КИРОВ Александр. «Чиполлино постарел» .....                             | XI, | 10  |
| КОЛЕСНИКОВ Алексей. «Море синее!» .....                                 | XI, | 12  |
| КУТЕНКОВ Борис. «Выбрать одну книгу непросто» .....                     | XI, | 14  |
| МИНАКОВ Станислав. «Здравствуй, Месяц Месяцович» .....                  | XI, | 16  |
| НЕЧИПОРЕНКО Юрий. «Главная проблема детской литературы — тиражи» .....  | II, | 246 |
| ПАТРОНОВА Валентина. «Проблема в изменившемся детском восприятии» ..... | II, | 248 |
| ПОБЯРЖИНА Хелена. «Лучший подарок в моей жизни» .....                   | XI, | 20  |
| СИДОРОВ Олег. «Что же мы читали?..» .....                               | XI, | 22  |
| УЛЗЫТУЕВ Амарсана. «Кто такой Геркулес?» .....                          | XI, | 23  |
| УСАЧЁВА Елена. Кто боится детской книги? .....                          | II, | 252 |
| ХАНИПАЕВ Ислам. «Мои дети точно должны любить читать» .....             | XI, | 24  |

## связка рецензий

|                                                                            |    |     |
|----------------------------------------------------------------------------|----|-----|
| ВЕРЕТЕНОВА Татьяна. Надо ли быть своим? (М.Неволошин. «Где сидит фазан»;   |    |     |
| А.Лужбина. «Юркие люди»; А.Обух. «Следующая остановка “Пионерская-стрит”»; |    |     |
| С.Волкова. «Великая любовь Оленьки Дьяковой») .....                        | V, | 250 |

## подробное чтение

|                                                                                                                |          |      |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------|------|
| БАЛЛА Ольга. Четыре персонажа в поисках выхода (Д.Безнос. «Территория памяти») .....                           | № V, 256 | стр. |
| МАРКОВ Александр. Несожжённые письма (Н.Иванова. «Судьба и роль») .....                                        | VII, 247 |      |
| ПУСТОВАЯ Валерия. Дверь к себе (А.Шипилова. «Скоро Москва: Рассказы»; А.Горбунова. «Нет никакой Москвы») ..... | II, 256  |      |

## читаем вместе

|                                                                                                       |          |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------|
| ЯМЩИКОВ Кирилл, БАЛЛА Ольга (размышляют о книге Александра Чанцева «В какой-то детской стране») ..... | XII, 230 |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------|

## книжный развал

|                                                                                                                                                 |          |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------|
| ВЕРЕТЕНОВА Татьяна. «Один из многих голосов» (А.Соболев. «Сонет с неправильной рифмовкой») .....                                                | VII, 259 |
| ГЕРТМАН Ольга. «Вечность торчит повсюду, как ржавый гвоздь» (Н.Полякова. «Переплывая лето») .....                                               | XII, 245 |
| ДЕВШ Ольга. Вся любовь (Л.Юзефович. «Мемуар: Стихи и переводы») .....                                                                           | XII, 238 |
| ДУБАКОВ Леонид. Вещное сопротивление (А.Кабаков. «Камера хранения: мещанская книга») .....                                                      | IX, 248  |
| КАЛМЫКОВА Вера. Один маленький книжный магазин... (М.Закрученко. «Bookship. Последний книжный магазин во Вселенной») .....                      | XII, 241 |
| КАЛМЫКОВА Вера. «Свет и горечь бытия» (А.Бердичевская. «Календарь») .....                                                                       | IX, 244  |
| ПОНОМАРЁВ Павел. «Папа и я, за нами Пинег» (В.Заборцева. «Пинег») .....                                                                         | VII, 256 |
| ЭРЛИХМАН Вадим. Британская муза в России (К.Клермон. «Дневники. Звенигородская усадьба. Иславское и московское общество в 1825—1827 гг.») ..... | IX, 250  |
| ЯМЩИКОВ Кирилл. Отщепенцы удали (Э.Веркин. «Сорока на виселице») .....                                                                          | VII, 253 |
| ЯМЩИКОВ Кирилл. Убегая, не оглядываясь (И.Одегов. «Кочевые повести») .....                                                                      | IX, 241  |

## БИБЛИОНАВТИКА

Рубрику ведёт Ольга БАЛЛА

|                                                                                                                                                                  |          |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------|
| Перегородка с разноцветными стёклышками (А.Мамедов. «Шебеке: Ностальгические этюды. Эссе. Литературная критика») .....                                           | I, 264   |
| Всё, что кончится в мире со мной (Е.Холмогорова. «Недрогнувшей рукой»; М.Бородинская. «Не забудь сказать спасибо»; М.Тарковский. «42-й до востребования») .....  | III, 257 |
| Человек — это больше, чем тело, страна и планета (Ю.Хоменко. «Лётное поле»; Д.Гаричев. «Пусть долетят»; А.Каримова. «Между») .....                               | IV, 258  |
| Важнее литературы (В.Коркунов. «Я говорю: Беседы со слепоглухими людьми о жизни, творчестве и силе духа») .....                                                  | VII, 263 |
| Созревание взгляда (Н.Алексеева. «Белград»; Д.Драгилёв. «Некоронованные»; М.Степанова. «Фокус») .....                                                            | IX, 232  |
| Постоянные упражнения в бессмертии (Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак. «Приквел»; Юлия Лавряшина. «Улитка в тарелке»; Марина Мартова. «Оранжевое небо») ..... | XI, 259  |

## ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Рубрику ведёт Евгений АБДУЛЛАЕВ

|                                      |         |
|--------------------------------------|---------|
| Двадцатые: третья перезагрузка ..... | II, 264 |
| Dum spiro spero .....                | V, 263  |
| Кто сегодня знаменитый? .....        | VI, 263 |

|                                                  | №     | стр. |
|--------------------------------------------------|-------|------|
| Возвращение «частника» .....                     | VIII, | 264  |
| В ожидании ИИ .....                              | X,    | 264  |
| Августовский Толстой, сентябрьский Волошин ..... | XII,  | 210  |

## NON-FICTION PRO

Рубрику ведёт Александр ЧАНЦЕВ

|                                         |      |     |
|-----------------------------------------|------|-----|
| Отчаяние, новая перспектива .....       | III, | 241 |
| Анархи, хаоты и суфийский катехон ..... | VI,  | 242 |
| Новый человек, старый экологизм .....   | IX,  | 252 |
| Путь к Беатриче .....                   | XII, | 214 |

## ПРАВИЛА ИГРЫ

Рубрику ведёт Борис МИНАЕВ

|                                          |       |     |
|------------------------------------------|-------|-----|
| Тройка навсегда .....                    | I,    | 268 |
| Время Тартюфа .....                      | II,   | 268 |
| Жить дальше .....                        | III,  | 268 |
| Смешной лес .....                        | IV,   | 269 |
| Радостная и лёгкая .....                 | V,    | 268 |
| Дон Кихот из Рыбинска .....              | VI,   | 268 |
| Да здравствует цирк! .....               | VII,  | 269 |
| Реинкарнация Шарикова .....              | VIII, | 268 |
| Евангелие от Эфроса .....                | IX,   | 267 |
| «А на Чистых прудах лебедь плывёт» ..... | X,    | 268 |
| Приречная страна .....                   | XI,   | 268 |
| Там, где мама молодая .....              | XII,  | 250 |

## КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

|                                                                                                         |     |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|-----|
| ПЕРЕПЛЕСНИН Михаил. Магия света и тени .....                                                            | II, | 190 |
| ПЕРЕПЛЕСНИН Михаил. Почерк мастера. Патриарх туркменского живописного цеха<br>Аннадурды Алмамедов ..... | IX, | 239 |
| ЩЕЛКУНОВ Анатолий. Портрет художника Бердингулы Амансахатова.<br>Из дневника посла России .....         | II, | 191 |

## НА НАШЕЙ ВКЛЕЙКЕ

|                                                                            |      |
|----------------------------------------------------------------------------|------|
| Бердингулы Амансахатов. «Начало-Гармония-Совершенство» .....               | II   |
| Индия в сердце. Этнографическое путешествие. Фото Владимира Лидского ..... | V    |
| Хижина в ореховой роще. Фотоохота Николая Верёвочкина .....                | VI   |
| Душанбинские этюды. Фото Надежды Бесфамильной .....                        | VIII |
| Аннадурды Алмамедов. Патриарх туркменской живописи .....                   | IX   |
| Символы культурного пространства Андрея Борисова .....                     | X    |

## СПЕЦНОМЕРА

## «“ДРУЖБА НАРОДОВ” — ПУТИ И ГОРИЗОНТЫ» (№ 8)

«Дружба народов» — пути и горизонты. Заочный круглый стол.

- |                                |                               |
|--------------------------------|-------------------------------|
| Михаил Кураев, стр. 5          | Александр Орлов, стр. 38      |
| Евгений Сидоров, стр. 6        | Евгений Степанов, стр. 39     |
| Владимир Нуров, стр. 6         | Илья Фаликов, стр. 40         |
| Сухбат Афлатуни, стр. 7        | Анна Маркина, стр. 40         |
| Роман Сенчин, стр. 8           | Борис Кутенков, стр. 41       |
| Марина Кудимова, стр. 8        | Сергей Прудников, стр. 42     |
| Александр Мелихов, стр. 10     | Анатолий Королёв, стр. 43     |
| Леонид Юзефович, стр. 10       | Сергей Дмитренко, стр. 43     |
| Иван Волосюк, стр. 11          | Анатолий Цирульников, стр. 44 |
| Евгений Бунимович, стр. 12     | Илья Одегов, стр. 45          |
| Николай Верёвочкин, стр. 12    | Ольга Балла, стр. 46          |
| Ефим Бершин, стр. 13           | Фарид Нагим, стр. 47          |
| Амарсана Улзытуев, стр. 14     | Олег Рябов, стр. 47           |
| Вадим Месяц, стр. 15           | Дмитрий Шеваров, стр. 48      |
| Даур Начкебия, стр. 16         | Елена Долгопят, стр. 49       |
| Алексей Алёхин, стр. 17        | Александр Марков, стр. 50     |
| Олеся Николаева, стр. 18       | Максим Гуреев, стр. 51        |
| Владимир Салимон, стр. 18      | Александр Бушковский, стр. 52 |
| Владимир Лидский, стр. 19      | Игорь Булкаты, стр. 52        |
| Шамиль Идиатуллин, стр. 20     | Валерий Былинский, стр. 53    |
| Илья Кочергин, стр. 20         | Ирина Богатырёва, стр. 54     |
| Сергей Пагын, стр. 21          | Игорь Кузнецов, стр. 55       |
| Денис Гуцко, стр. 21           | Олег Сидоров, стр. 55         |
| Варвара Заборцева, стр. 22     | Женя Декина, стр. 56          |
| Алексей Торк, стр. 23          | Елена Лепишева, стр. 57       |
| Александр Джумаев, стр. 24     | Максим Амелин, стр. 57        |
| Герман Власов, стр. 24         | Диана Светличная, стр. 59     |
| Марина Москвина, стр. 26       | Лилия Газизова, стр. 59       |
| Вера Зубарева, стр. 26         | Геннадий Калашников, стр. 60  |
| Денис Драгунский, стр. 27      | Андрей Коровин, стр. 61       |
| Вадим Муратханов, стр. 28      | Дмитрий Гасин, стр. 62        |
| Борис Минаев, стр. 29          | Денис Колчин, стр. 62         |
| Алёна Каримова, стр. 29        | Тамерлан Тадтаев, стр. 63     |
| Константин Шакарян, стр. 30    | Владимир Коркунов, стр. 64    |
| Валерия Пустовая, стр. 31      | Владимир Лим, стр. 65         |
| Алексей Колесников, стр. 32    | Константин Комаров, стр. 65   |
| Саша Николаенко, стр. 33       | Ирина Муравьёва, стр. 67      |
| Евгения Джен Баранова, стр. 34 | Мирослава Бессонова, стр. 67  |
| Мадина Хакуашева, стр. 35      | Алексей Устименко, стр. 68    |
| Александр Чанцев, стр. 36      | Анатолий Валеvский, стр. 68   |
| Евгений Чижов, стр. 36         | Игорь Малышев, стр. 70        |
| Лидия Григорьева, стр. 37      | Мария Ануфриева, стр. 70      |

|                                                                                            |      |
|--------------------------------------------------------------------------------------------|------|
| проза и поэзия                                                                             | стр. |
| Иван ВОЛОСЮК. Не ради сцепления речи. <i>Стихи</i> .....                                   | 73   |
| Владимир ЛИМ. Последнее кочевье. <i>История вымышленная, но правдивая. Окончание</i> ..... | 77   |
| Станислав МИНАКОВ. Сашкин лес. <i>Стихи для псалтериона</i> .....                          | 144  |
| Игорь МАЛЫШЕВ. Три рассказа .....                                                          | 147  |
| Евгений ТОПЧИЕВ. Зло блуждает где-то рядом. <i>Рассказы</i> .....                          | 162  |
| Сергей ПОПОВ. Илья. <i>Скелет из семейного шкафа</i> .....                                 | 177  |
| Александр МАХНЁВ. Иронические рассказы .....                                               | 187  |
| Наталья КАРАЕВА. Всё сложилось. <i>Рассказ</i> .....                                       | 198  |
| Амаяк ТЕР-АБРАМЯНЦ. Два рассказа.....                                                      | 205  |
| Лидия ГРИГОРЬЕВА. Охотничья луна. <i>Стихи</i> .....                                       | 212  |
| дружба на вырост                                                                           |      |
| Ибрагим ШАОВ. Общий котёл. <i>Рассказ</i> .....                                            | 215  |
| другая оптика                                                                              |      |
| Амарсана УЛЗЫТУЕВ. «В Индию духа купить билет». <i>Поэма</i> .....                         | 218  |
| публицистика                                                                               |      |
| Юрий КАГРАМАНОВ. Другая дорога .....                                                       | 226  |
| нация и мир                                                                                |      |
| Надежда БЕСФАМИЛЬНАЯ. Душанбинские записки .....                                           | 235  |
| золотые страницы «дн»                                                                      |      |
| Юрий ТРИФОНОВ. Исчезновение. <i>Главы из романа</i> .....                                  | 245  |
| трифонов 100+                                                                              |      |
| Леонид БАХНОВ. В отблесках костра. « <i>Московские</i> » повести Юрия Трифонова .....      | 255  |
| литературный барометр                                                                      |      |
| Евгений АБДУЛЛАЕВ. Возвращение «частника» .....                                            | 264  |
| правила игры                                                                               |      |
| Борис МИНАЕВ. Реинкарнация Шарикова.....                                                   | 268  |
| на нашей вклейке                                                                           |      |
| ДУШАНБИНСКИЕ ЭТЮДЫ. Фото Надежды Бесфамильной                                              |      |

## «ДРУЖБА НА ВЫРОСТ» (№ 11)

|                                                                                      |      |
|--------------------------------------------------------------------------------------|------|
| «Только детские книги читать...» В заочном «круглом столе» принимают участие:        | стр. |
| Сухбат АФЛАТУНИ. «Только детские книги читать...» .....                              | 3    |
| Эдуард ВЕРКИН. «И вот в один из дождливых выходных...» .....                         | 6    |
| Варвара ЗАБОРЦЕВА. «Можно подзабыть, чтобы чуток подрасти и снова встретиться» ..... | 7    |
| Дмитрий ИСАКЖАНОВ. «Каждый последующий слой краски усиливает глубину цвета» .....    | 8    |
| Александр КИРОВ. «Чиполлино постарел» .....                                          | 10   |
| Алексей КОЛЕСНИКОВ. «Море синее!» .....                                              | 12   |
| Борис КУТЕНКОВ. «Выбрать одну книгу непросто» .....                                  | 14   |
| Станислав МИНАКОВ. «Здравствуй, Месяц Месяцovich!» .....                             | 16   |
| Хелена ПОБЯРЖИНА. «Лучший подарок в моей жизни» .....                                | 20   |
| Олег СИДОРОВ. «Лучший подарок в моей жизни» .....                                    | 22   |
| Амарсана УЛЗЫТУЕВ. «Кто такой Геркулес?» .....                                       | 23   |
| Ислам ХАНИПАЕВ. «Мои дети точно должны любить читать» .....                          | 24   |
| <br>проза и поэзия                                                                   |      |
| Ганна ШЕВЧЕНКО. Шесть ноль восемь. <i>Стихи</i> .....                                | 25   |
| Артём РЯЩЕВ. Шерсть. <i>Повесть</i> .....                                            | 28   |
| Елизавета МАКАРЕВИЧ. Собачьи дни. <i>Повесть</i> .....                               | 67   |
| Александр ПОПОВСКИЙ. Хорошо, что в жизни это было. <i>Стихи</i> .....                | 97   |
| Анатолий БАТОМУНКУЕВ. О чём молчит печальный цвет сараны. <i>Рассказ</i> .....       | 100  |
| Виктория СОРОКИНА. Случилась жизнь. <i>Два рассказа</i> .....                        | 114  |
| Иван МАКАРОВ. Детский сад. <i>Стихи</i> .....                                        | 120  |
| Елена ЕРМОЛОВИЧ. «Хуже Гитлера». <i>Рассказы</i> .....                               | 123  |
| Ирина ЖУКОВА. Слепота. <i>Рассказ</i> .....                                          | 135  |
| Андрей ФАМИЦКИЙ. Вопрос ребром. <i>Стихи</i> .....                                   | 143  |
| Светлана ТРЕМАСОВА. Колыбельная. <i>Рассказ</i> .....                                | 146  |
| Лидия ФИТИСОВА. Бабушкин чемодан. <i>Два рассказа</i> .....                          | 157  |
| Евгений СЛИВКИН. Пускай грядут большие перемены. <i>Стихи</i> .....                  | 167  |
| Инна КАБЫШ. Мой первый мужчина. <i>Повесть</i> .....                                 | 170  |
| Александра МЕДВЕДКИНА. Там, где цветёт картошка. <i>Рассказ</i> .....                | 177  |
| Дарья ЗЕМЦОВСКАЯ. Энжел. <i>Рассказ</i> .....                                        | 186  |
| Андрей НЕБРОЦКИЙ. Необычайно белый день. <i>Стихи</i> .....                          | 194  |
| <br>маленьким карандашом                                                             |      |
| Андрей МОНАСТЫРНЫЙ. Звездопад. <i>Рассказ</i> .....                                  | 197  |
| Николай АЛЕКСАНДРОВ. Щенок. <i>Рассказ</i> .....                                     | 200  |
| Нелли ЗАЙЦЕВА. <i>Рассказы</i> .....                                                 | 205  |
| Ольга РЫБАКОВА. Кошачья сотня. <i>Рассказ</i> .....                                  | 210  |

|                                                                              |      |
|------------------------------------------------------------------------------|------|
|                                                                              | стр. |
| Елена УСАЧЁВА. Младшая. <i>Рассказ</i> .....                                 | 214  |
| Александр ШЕВЧЕНКО. Неожиданно долгожданный. <i>Рассказ</i> .....            | 219  |
| Клара ШОХ. Нетленное. <i>Рассказ</i> .....                                   | 222  |
| Мурат КАЗАКОВ. Дверь. <i>Рассказ</i> .....                                   | 227  |
| проза.doc                                                                    |      |
| Мария ГАБРИЛОВИЧ. Как мы жили — не тужили. <i>Нехитрые рассказы</i> .....    | 232  |
| критика                                                                      |      |
| Александр МАРКОВ. Между свечой и кинжалом: жесты, институции, метафоры ..... | 248  |
| библионавтика                                                                |      |
| Ольга БАЛЛА. Постоянные упражнения в бессмертии.....                         | 259  |
| правила игры                                                                 |      |
| Борис МИНАЕВ. Приречная страна.....                                          | 268  |

# Summary

Arsenij Gonchukov. 2022

Moscow. A family of the native Muscovites: father — a graduate of Moscow Aviation Institute, businessman and engineer; mother — a television anchorwoman; their son is studying in a prestigious aviation college in London. And then comes February, 2022. The stormy months and years have changed and scattered all of them and everyone obtained the new destiny: fearsome and happy and fearsome again. The novel covers three last years, both for the characters and for the readers equally unpredictable, crucial and fateful.

Poetry

Suhbat Aflatuni. The New Troparion. This cycle of poems is dedicated to the December orthodox feasts and saints.

Bright charismatic poems of Ivan Konovalov are about the eternal theme of life and death.

The lyrics of everyday life, reflecting on the past with the nostalgic appeal to childhood, Mother, native home and Motherland — in the collections of poems by Alexej Glukhovskij ("From Point A to Point B") and Arkadij Gontovskij ("Waiting for the Sun").

Konstantin Vanshenkin 100+

The memoir essay by Alexander Vaskin "He Didn't Know How to be Friends with his Superiors" is timed to the jubilee of the front-line poet Konstantin Vanshenkin — the author of many books of poems and popular songs among which the one known to everybody in our country "I Love You, Life". A. Vaskin is telling about Vanshenkin's friends — Evgenij Vinokurov, Andrej Turkov, Yan Frenkel...

Benefit

In this issue of the section NON-FICTION PRO Alexander Chantsev, introducing the reflections of James Frazer and "two unusual Swiss: the physician Adrienne von Speyr and the publisher Titus Burckhardt (the first was a new Saint the second - sufi and traditionalist)" emphasizes that their stories show, unite and finalize the themes which he was talking about in his section all these years.

The new book of Alexander Chantsev "In Some Children's Country: On the Line of Time" includes the texts published in "DN". In this issue "it is read together" by the critics Kirill Yamschikov and Olga Balla.

## УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Бумажную версию журнала «Дружба народов»  
с любого месяца можно выписать онлайн на сайте **Почты России**  
**<https://podpiska.pochta.ru/press/%D0%9F%D0%A0044>**

Подписной индекс в каталоге **Почты России — ПРО44**

Электронную версию «ДН» можно приобрести на сайте  
**<http://дружбанародов.com>**

Журнал продаётся в магазине «**Фаланстер**»  
Москва, ул. Тверская, 17  
(вход с Малого Гнездниковского переулка)

Главный редактор: Надеев С.А.

Вёрстка: Елена Жирнова. Корректурa: Елена Лапшина.

Дизайн обложки: Степан Лукьянов.

Учредитель и издатель — АНО Редакция журнала «Дружба народов».

Юридический адрес: 115172, г. Москва, ул. Гвоздева, д. 7/4, стр. 1, кв. 88.

Почтовый адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2, оф. 110.

Электронная почта: dn52@mail.ru. Телефон редакции (499) 5190212.

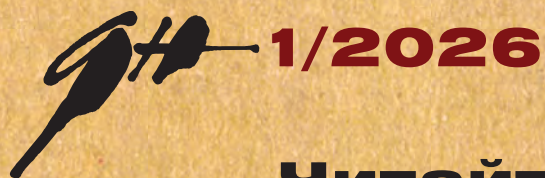
Сайт журнала: [дружбанародов.com](http://дружбанародов.com)

Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Эл № ФС77-51026 от 03.10.1912.

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ  
МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ, СВЯЗИ  
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ  
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»





## Читайте:

**Андрей Волос. Мункар и Накир.**

Из цикла «Правдивые сказки»

*Короче говоря, когда остаются лишь пустые  
воздыхания да бесполезные жалобы, и уж никому нет  
серьёзного дела до того, кто остался под бугром, —  
тогда-то мы к нему и приходим.*

*Обычно той же ночью, что тянуть. Бывает, что и днём,  
если график сбивается. В любом случае темнотища —  
глаз выколи. Но у меня факел, а Накирова палица  
огнём объята. Любого в дрожь бросит.*

*Лица у нас обоих чёрные. Причём не такие чёрные,  
как та чернота, что в жизни встречается, нет, земной  
черноте до нашей далеко. На наших лицах чернота  
другая, она чернее земной в тысячу раз, от неё  
у человека сердце заходится.*

*Смотрим мы на него, хмурясь, — а он ни жив ни мёртв.  
Тут Накир, будто гром с ясного неба, во весь свой  
ужасный голос:*

*— Встань!*

*Несчастный подымается, себе не веря. С ноги на  
ногу переступает, облизывается, как побитая собака.  
Лепечет:*

*— Что?.. Я — что?.. Я — умер?..*

*А Накир громово, мощной десницей булаву над ним  
вознося:*

*— Кто твой Бог? Кто ты сам?!*

*И тот, трясясь в мучительном состоянии полусмерти,  
в жутком мороке полужизни стонет, пытается  
припомнить своё земное существование. Но ничего  
толком не получается, и он путается, и лепечет,  
и осекается, и просит прощения, что опять  
соврал, ведь было не так... И хочет выглядеть  
перед нами лучше, и с ужасом понимает,  
что ничего не получается...*